

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2025 Том 20 № 1 (45)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)

Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)

Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)

Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)

М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)

В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)

А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)

Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)

Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)

В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)

В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)

О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)

Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)

З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)

Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)

Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)

Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

Девяткин Д. А. Москва, Россия, Салимовский В. А. Пермь, Россия, Чудова Н. В., Рыжова А. А., Григорьев О. Г. Москва, Россия	Большие языковые модели и жанрово-речевая системность..... 6
Дементьев В. В. Саратов, Россия	Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? 24

Исследования отдельных жанров

Мкртычян С. В., Дзундза Н. В. Тверь, Россия	Квазижанры в структуре обучающего и исследовательского дискурса: постановка проблемы 34
Карасик В. И. Москва, Россия	Речежанровые характеристики бытовых примет 41
Стексова Т. И., Праско М. В. Новосибирск, Россия	Специфика проявления вариативности и условия разрушения жанра <i>аннотация</i> в издательском дискурсе 51
Воркачев С. Г. Краснодар, Россия	Опьянение души: афористика страсти (семантика, прагматика, речежанровые свойства)..... 62

Жанры в художественном творчестве

Прозоров В. В. Саратов, Россия	Немая сцена в свете теории речевых жанров 69
Шаврыгин С. М. Москва, Россия	Функции «базовых моделей» в формировании пасторально-сентиментальной жанровой матрицы в прозе Н. М. Карамзина («Деревянная нога», «Евгений и Юлия») 78
Алексеева У. С. Новосибирск, Россия	С романтическими дарами в новейшую массовую литературу: к вопросу о феномене <i>фанфикшн</i> и его жанрово-поэтическом своеобразии 87

Интернет-жанры

Пром Н. А., Евтушенко О. А., Шестакова О. А. Волгоград, Россия	Речевые жанры электронной коммуникации между преподавателем и студентом..... 95
--	---

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Devyatkin D. A. Moscow, Russia, Salimovsky V. A. Perm, Russia, Chudova N. V., Ryzhova A. A., Grigoriev O. G. Moscow, Russia	Large language models and speech genre systematicity 6
Dementyev V. V. Saratov, Russia	Do genre studies need the concept of genre sphere?..... 24

Studies of Individual Genres

Mkrtychian S. V., Dzundza N. V. Tver, Russia	Quasi-genres in the structure of teaching and research discourse: Statement of the problem..... 34
Karasik V. I. Moscow, Russia	Speech-genre characteristics of everyday omens..... 41
Steksova T. I., Prasko M. V. Novosibirsk, Russia	Variability and conditions of abstract genre destruction in publishing discourse 51
Vorkachev S. G. Krasnodar, Russia	Inebriety of the soul: Aphoristica of passion (semantics, pragmatics, genre properties) 62

Genres in Art

Prozorov V. V. Saratov, Russia	A silent scene in view of the speech genre theory 69
Shavrygin S. M. Moscow, Russia	The functions of the “basic models” in the formation of a pastoral-sentimental genre matrix in N. M. Karamzin's prose (“Wooden Leg”, “Eugene and Julia”) 78
Alekseeva U. S. Novosibirsk, Russia	With romantic gifts to the contemporary popular literature: On the issue of the phenomenon of fan fiction and its genre-poetic aspects 87

Internet Genres

Prom N. A., Evtushenko O. A., Shestakova O. A. Volgograd, Russia	Speech genres of electronic communication between lecturer and student 95
--	--

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 6–23

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 6–23

<https://zhanry-rechi.sgu.ru><https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-6-23>, EDN: FISZEX

Научная статья

УДК 811.161.1'38+004

Большие языковые модели и жанрово-речевая системность

Д. А. Девяткин¹, В. А. Салимовский^{2✉}, Н. В. Чудова¹, А. А. Рыжова¹, О. Г. Григорьев¹¹Институт проблем искусственного интеллекта ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Россия, 117312, г. Москва, проспект 60-летия Октября, д. 9²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15**Девяткин Дмитрий Алексеевич**, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, devyatkin@isa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0811-725X>**Салимовский Владимир Александрович**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, salimovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>**Чудова Наталья Владимировна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, nchudova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3188-0886>**Рыжова Анастасия Александровна**, инженер-исследователь, ryzhova@tesyan.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-9483>**Григорьев Олег Георгиевич**, доктор технических наук, главный научный сотрудник, oleggpolikvart@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9660-2396>

Аннотация. В статье исследуется применение большой языковой модели (БЯМ) при решении задачи идентификации речевых жанров. Искусственные нейронные сети, эффективно используемые во многих важных областях, имеют, однако, серьезный недостаток: механизм их функционирования скрыт от исследователей. Поэтому результаты их применения не получают объяснения. Цель работы – определить базовые закономерности функционирования лингвистического модуля БЯМ (глубокой нейронной сети с архитектурой «Трансформер») и тем самым обеспечить интерпретируемость предоставляемых ею данных. Рассматриваются два жанра научных текстов – «Описание нового для науки явления» и «Экспликация научного понятия». Верифицируется гипотеза, согласно которой признаковое пространство, создаваемое БЯМ, базируется на речевой системности распознаваемого жанра. Обосновывается положение о том, что, поскольку жанрово-речевая системность детерминирована экстралингвистическими факторами, прежде всего характеристиками человеческого сознания, ее проявления, отражаемые во внутреннем состоянии БЯМ, могут быть использованы для моделирования воплощаемых в речи когнитивных процессов. Анализируются существующие подходы к интерпретации БЯМ. Описан применяемый метод интерпретации сетей-трансформеров. Предлагается лингвистическая трактовка предварительного обучения и дообучения БЯМ: предварительное обучение на больших корпусах текстов позволяет относительно полно отображать ресурсы языка – систему языковых единиц и общих принципов их использования; при дообучении же на образцах определенной жанрово-речевой организации происходит перестройка языковой системности в системность речевую. Декодирование внутреннего состояния БЯМ точно воспроизвело состав и частоту употребления лексических средств, образующих обучающую выборку. Показатель качества распознавания БЯМ каждого из рассмотренных жанров в результате отображения их речевой системности – F_1 0,99.

Ключевые слова: жанр речи, речевая системность, познавательно-речевое действие, научный текст, большая языковая модель, искусственная нейронная сеть, Трансформер, BERT

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2024-544.

Для цитирования: Девяткин Д. А., Салимовский В. А., Чудова Н. В., Рыжова А. А., Григорьев О. Г. Большие языковые модели и жанрово-речевая системность // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 6–23. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-6-23>, EDN: FISZEX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Large language models and speech genre systematicity

D. A. Devyatkin¹, V. A. Salimovsky^{2✉}, N. V. Chudova¹, A. A. Ryzhova¹, O. G. Grigoriev¹¹Russian Artificial Intelligence Research Institute in Federal Research Center “Computer Science and Control” RAS, 9 60th October Anniversary prospect, Moscow 117312, Russia²Perm State National Research University, 15 Bukireva St., Perm 614068, RussiaDmitry A. Devyatkin, devyatkin@isa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0811-725X>Vladimir A. Salimovsky, salimovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>Natalia V. Chudova, nchudova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3188-0886>Anastasia A. Ryzhova, ryzhova@tesyan.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-9483>Oleg G. Grigoriev, olegpolikvart@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9660-2396>

Abstract. The paper examines a large language model (LLM) to recognize speech genres. Although artificial neural networks are effectively utilized in many important fields, they, however, have a serious drawback. The mechanism of their functioning is hidden from researchers; therefore, the results of their use do not get explanation. The purpose of the study is to reveal the basic mechanisms of functioning of the linguistic model LLM (Transformer) and thereby ensure the interpretability of the data it provides. The research is based on two genres of academic text: “Description of a new scientific phenomenon” and “Explication of a scientific concept.” We verified a hypothesis according to which the LLM feature set is based on the speech systematicity of the recognized genres. It is also shown that since genre-speech systematicity is determined by extralinguistic factors, primarily the characteristics of human consciousness, its manifestations, reflected in the hidden state of the LLM, can be used to model cognitive processes embodied in speech. We also analyze existing approaches to the interpretation of LLMs and describe the applied method to do it. The paper provides the following linguistic interpretation of LLM training and fine-tuning: preliminary training on large text corpora allows a model to display language resources (a system of linguistic units and general principles of their use) relatively completely, while fine-tuning on samples of a certain genre-speech organization restructures the linguistic systematicity into speech systematicity. During the experiments we decoded the hidden state of the LLM and accurately reproduced the composition and frequency of lexis from the training dataset. The classification score for each of the considered genres by the LLM is F_1 0.99, we believe this is because of their speech consistency.

Keywords: speech genre, speech systematicity, cognitive-speech action, academic text, large language model, artificial neural network, Transformer, BERT

Acknowledgments: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 075-15-2024-544.

For citation: Devyatkin D. A., Salimovsky V. A., Chudova N. V., Ryzhova A. A., Grigoriev O. G. Large language models and speech genre systematicity. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 6–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-6-23>, EDN: FISZEX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современной науке всё большее значение приобретают междисциплинарные исследования. Именно такими они являются в области искусственного интеллекта (ИИ): создание искусственных устройств, реализующих целенаправленное поведение и разумные рассуждения, требует совместных усилий математиков, программистов, нейрофизиологов, психологов, лингвистов. Участие последних необходимо прежде всего потому, что моделирование когнитивных функций человека как традиционная задача ИИ предполагает обращение к речи – материальной форме, в которой в значительной степени воплощаются интеллектуальные процессы и которая

может быть объектом программирования [1]. Кроме того, без лингвистических знаний, естественно, не могут разрабатываться системы ИИ для текстового поиска, обработки и анализа естественного языка.

С конца 2000-х гг. в ИИ резко вырос интерес к нейронным сетям. Сам термин «искусственная нейронная сеть» (ИНС) отражает тот факт, что с информацией можно работать программными средствами так, как работает с ней нервная система человека. Как и нервные клетки головного мозга, нейроны в ИНС – это элементарные «обработчики», которые на основе входных сигналов формируют выходные сигналы. Нервные клетки головного мозга работают скоординированно, и под разные задачи формируются свои так

называемые нейронные ансамбли, так что обучение в нейрофизиологическом плане выглядит как построение из нейронов нового функционального органа. Так же и для ИНС суть обучения заключается в построении связей для решения определенной задачи.

Нейронные сети эффективно используются во многих важных сферах: в анализе естественного языка, в распознавании образов, в прогнозировании и анализе данных, в робототехнике и др. Однако у ИНС есть серьезный недостаток: скрытость от исследователей механизма их функционирования. Известный специалист в области теории управления системами междисциплинарной природы Д. А. Новиков констатирует: «В теории управления всегда доминировал подход, который подразумевает, что мы должны достаточно хорошо знать и понимать объект управления, чтобы им управлять. Альтернативой этому являются ... искусственные нейронные сети. Мы их обучаем, но каким образом при этом выстраиваются связи и как именно принимается сетью то или иное решение, мы не знаем. Представьте, что у вас есть черный ящик, с одной стороны которого есть кнопка, а с другой – лампочка. Нажимаете на кнопку – загорается лампочка. Мы установили эту связь, но не знаем, что там внутри и почему это происходит» [2]. Отсюда необходимость разработки методов объяснительного анализа данных.

В настоящей статье большая языковая модель (глубокая нейронная сеть с архитектурой «Трансформер») исследуется при решении классификационной задачи, а именно задачи идентификации речевых жанров. Цель работы – используя открывающиеся программные возможности, установить базовые закономерности функционирования лингвистического модуля большой языковой модели и тем самым обеспечить интерпретируемость предоставляемых ею данных.

В качестве лингвистического объекта изучения мы выбрали научные тексты. Этот выбор неслучаен: в научно-речевом произведении более непосредственно и отчетливо, чем в текстах других сфер общения, читателю представляются не только результаты, но и этапы познавательного процесса, образуемые системами воспроизводимых ментальных действий. Поэтому научный текст служит хорошим «экспериментальным полем» для проверки гипотез общего характера в области компьютерного когнитивного моделирования.

Материалом работы послужили тексты двух жанров – «Описание нового для науки явления» и «Экспликация научного понятия» [3]. Как видно из этих названий, в текстах первого жанра воплощается эмпирическая,

а в текстах второго жанра теоретическая познавательная деятельность. Соответственно, подготовлены две обучающие выборки. Они состоят из субтекстов (в большинстве случаев сверхфразовых единств), в явном виде воплощающих жанрообразующие познавательные действия. Каждую из выборок составляют фрагменты текстов из публикаций разных авторов по разным наукам (физике, геологии, биологии, психологии, лингвистике). Размер первой обучающей выборки – 7719, второй – 7320 словоупотреблений.

Нужно подчеркнуть, что умение объяснять данные, полученные с использованием больших языковых моделей, открывает путь их применению в тех областях, в которых из-за недоказанности результатов это считается недопустимым (в частности, в психодиагностике) или нецелесообразным.

1. Проблема и гипотеза

Языковая модель – это алгоритм, позволяющий вычислить вероятность появления в тексте того или иного слова. Иначе говоря, это статистическая модель. Для решения своей задачи модель нуждается в обучении на массиве текстов. Большой языковой моделью (БЯМ) называют такую языковую модель, которая состоит из нейронной сети, обучаемой на масштабных корпусах (их размер – миллиарды словоупотреблений).

Отнесение БЯМ текстов к определенному речевому жанру предполагает установление совокупности классификационных признаков. Данную совокупность принято называть признаковым пространством. В то время как при использовании классических алгоритмов машинного обучения признаковое пространство определяется человеком, глубокие нейронные сети (сети с несколькими слоями нейронов) формируют его сами, причем опять-таки, реализуя **неизвестные закономерности**.

Интересующая нас проблема состоит в объяснении этих закономерностей. Согласно выдвигаемой гипотезе, **признаковое пространство, создаваемое большой языковой моделью, основывается на речевой системности идентифицируемого речевого жанра**. Эта речевая системность запечатлена в текстах (или их относительно автономных фрагментах – субтекстах) обучающей выборки, по которой совершается оптимизация признаков во внутреннем состоянии БЯМ, предварительно обученной на большом (в миллиарды словоупотреблений) корпусе. При этом принципиально важно, что жанрово-речевая системность формируется под влиянием экстралингвистических – психологических, социальных, культурных – факторов: они-то зачастую и становятся предметом экс-

периментального исследования средствами искусственного интеллекта.

Отметим, что БЯМ используются при идентификации и таких типов текстов, которые не являются речевыми жанрами. Например, в определенный тип (класс) выделяются тексты, написанные одним и тем же автором, или тексты пациентов с каким-либо психическим заболеванием. Можно предположить, что и в этих случаях признаковое пространство основывается на речевой системности текстов – на ее проявлениях в виде отдельных «линий», или стиливых черт (см. 4.2).

Понятие речевой системности – ключевое в современной лингвистической стилистике. На рубеже 1960–70-х гг. его разработала М. Н. Кожина для объективного (основанного на статистике, а не на интуиции) определения состава функциональных стилей языка и описания их специфики. «Речевая системность функционального стиля – это взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания, обусловленного назначением экстралингвистической основы соответствующей речевой разновидности, и связанных между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля» [4: 115–116]. Поскольку функциональные стили «есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» [5: 241], понятие речевой системности оказалось плодотворным не только для стилистики, но и для жанроведения [6–9 и многие др.]¹.

Под речевым жанром будем понимать форму (модель) осуществления духовной социокультурной деятельности на ступени ее активации в тексте².

Для проверки предложенной гипотезы необходимо:

- 1) выделить из внутреннего состояния большой языковой модели не отдельные лингвистические признаки (их выделение стало достижением программных исследований последних лет. См. 2.2), а обширный комплекс этих признаков;
- 2) сравнить данный комплекс с признаками речевой системности обучающей выборки;

- 3) в случае совпадения лингвистических признаков, представленных в числовой форме во внутреннем состоянии БЯМ, с лингвистическими признаками речевой системности текстов (субтекстов), из которых составлена обучающая выборка, т. е. в случае доказательства отображения БЯМ жанрово-речевой системности, подтвердить органичную связь системности речи с характером ментальной деятельности, воплощаемой в текстах обучающей выборки.

Поскольку БЯМ вычисляет вероятность употребления лексических единиц, жанрово-речевая системность будет анализироваться на лексико-семантическом уровне.

2. История вопроса

2.1. Большие языковые модели с архитектурой «Трансформер»

Нейронные сети состоят из слоев. Каждый слой можно рассматривать как простой алгоритм, преобразующий набор входных значений в набор выходных значений. Вход каждого последующего слоя связан с одним или несколькими выходами предыдущих слоев (рис. 1). Исходные признаки анализируемых объектов, таким образом, последовательно преобразуются на каждом слое нейронной сети. Преобразованные признаки объекта, формируемые промежуточными слоями сети, называются векторными представлениями (эмбедингами). Существуют некоторые типовые концепции, определяющие состав слоев нейронной сети, схему их связей, подход к обучению. Такие концепции именуются архитектурой нейронной сети.

При решении задач автоматической обработки текстов широко применяются нейронные сети с архитектурой «Автокодировщик». Автокодировщик – сеть, состоящая из двух компонентов – кодировщика и декодировщика (рис. 2). Кодировщик на основе признаков объекта формирует некоторое векторное представление (эмбединг), декодировщик по этому векторному представлению

¹Категория «речь», имеющая целый ряд определений, часто используется для обозначения текста, текстовой деятельности, речевого общения. В связи с этим понятие речевой системности было распространено и на названные объекты, охватив проблематику варьирования коммуникативных качеств текстов, смыслового содержания речевого произведения, закономерностей речевого взаимодействия. По справедливому замечанию В. В. Дементьева [6: 78], адекватное решение этого комплекса вопросов – задача-максимум не только для теории жанров речи, но и для лингвистики текста, теории дискурса. Думается, что многоплановое изучение системности речи может стать значимым вкладом в разработку теоретической платформы междисциплинарных исследований в области ИИ.

²Ср. во многом близкую трактовку: «Жанр речи понимается как ментальная модель речевой коммуникации» [10: 11].

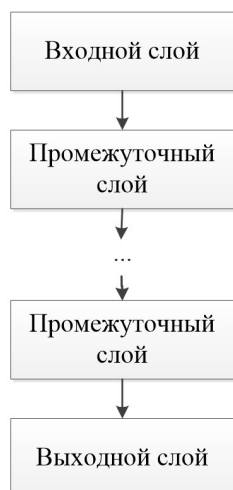

Рис. 1. Структурная схема нейронной сети. Значения признаков анализируемого объекта преобразуются пошагово, выходной слой возвращает метку, назначенную объекту

Fig. 1. Block diagram of a neural network. The features of the analyzed object are converted step by step, the output layer returns the label assigned to the object

восстанавливает исходные признаки анализируемого объекта (либо часть этих признаков). После обучения используется либо только кодировщик, что позволяет формировать векторные представления с необходимыми свойствами и использовать их далее вместо исходных признаков объектов, либо декодировщик, что дает возможность генерировать новые объекты с необходимыми свойствами на основе заданных векторных представлений. При этом используемый кодировщик или декодировщик дообучается (fine-tune) решению целевой задачи на размеченном корпусе (обучающей выборке).

Очевидным направлением развития нейросетевых подходов к обработке текста стало использование сетей-автокодировщиков в качестве языковых моделей. Важным нововведением, позволившим повысить качество обработки текстов с применением больших языковых моделей, является механизм вни-

мания. Принцип работы механизма внимания представлен на рис. 3. При формировании векторного представления слова «лежит» в одном из внутренних слоев сети учитываются с определенными весами векторные представления слов «кот», «на» и «подстилке». Может быть одновременно задействовано сразу несколько механизмов внимания. Например, на рис. 3 задействовано два таких механизма. Первому соответствуют сплошные линии и наибольший вес имеют существительные «кот» и «подстилке». Второму соответствуют пунктирные линии, наибольший вес имеют предлог «на» и существительное «подстилке». Подход с несколькими механизмами внимания получил название «Множественное внимание» (multi-head attention). Указанные

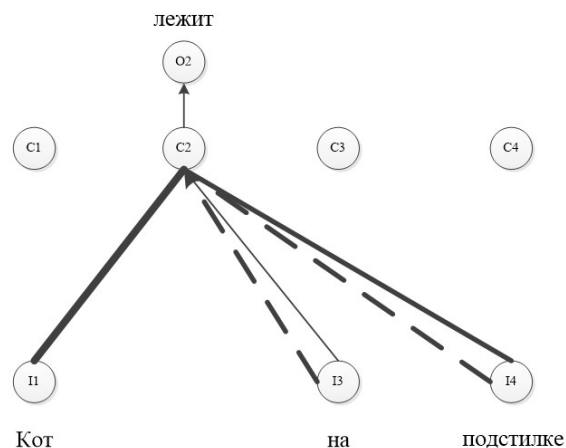

Рис. 3. Механизм внимания позволяет при формировании векторных представлений словоупотреблений учитывать с различным весом векторные представления их соседей в широком контексте: I1..I4 – входные векторные представления словоупотреблений, C1..C4 – внутренние векторные представления, O2 – выход сети

Fig. 3. The attention mechanism allows a network, when forming token embeddings, to consider the embeddings of their neighbors in a wide context with different weights: I1..I4 – input token embeddings, C1..C4 – hidden token embeddings, O2 – network output

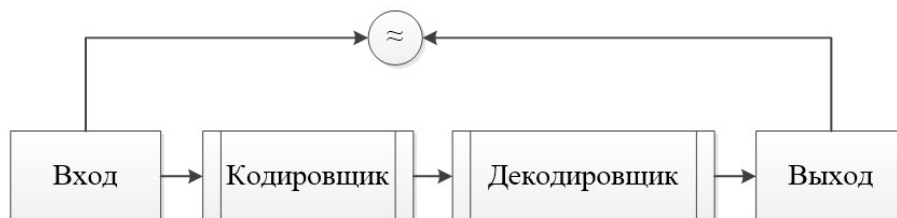

Рис. 2. Архитектура сети «Автокодировщик». Кодировщик формирует векторное представление объекта, а декодировщик восстанавливает исходные значения признаков этого объекта

Fig. 2. Architecture of the Autoencoder. The encoder forms an embedding of the object, and the decoder restores the original features of this object

веса настраиваются автоматически в ходе обучения сети. Подход позволил в сетях-автокодировщиках при формировании промежуточных векторных представлений признаков входных объектов учитывать широкий контекст, в котором находятся эти объекты.

В 2017 г. коллективом исследователей из компании Google в работе «Attention is all you need» (Все, что Вам нужно, – внимание) была предложена большая языковая модель «Трансформер» [11]. В ней активно используется механизм множественного внимания. Сеть «Трансформер» обучается оценке вероятности подстановки словоупотреблений в заданном контексте (рис. 4). Кодировщик в «Трансформере» состоит из нескольких слоев (блоков), в каждом из которых реализован механизм множественного внимания. Декодировщик тоже состоит из нескольких слоев, в каждом слое задействован отдельный механизм внимания для связывания векторных представлений пропущенных (замаскированных) словоупотреблений и выходного векторного представления, сформированного кодировщиком.

Рис. 4. Структурная схема сети «Трансформер». Каждый последующий кодирующий слой в кодировщике включает механизм внимания и позволяет формировать промежуточные признаки (векторные представления) все большей степени абстрактности

Fig. 4. Block diagram of the Transformer. Each subsequent coding layer in the encoder includes an attention mechanism and allows the formation of hidden features (embeddings) with an increasing degree of abstraction

2.2. Интерпретация больших языковых моделей

Развиваются два подхода к интерпретации больших языковых моделей. Первый подход состоит в выявлении корреляции между значениями на выходе сети и лингвистическими характеристиками текста, построенными на основе промежуточных векторных

представлений нейронной сети [12]. Первым подходом является обучение набора простейших алгоритмов (линейных классификаторов [13]), отображающих промежуточные векторные представления кодировщика Трансформера на множество лингвистических характеристик анализируемого текста [12]. В ряде работ было показано, что внутренние векторные представления большой языковой модели позволяют выявлять риторические, синтаксические и семантические связи в тексте, определять части речи словоупотреблений текста [14–16].

Однако в некоторых исследованиях [17, 18] было установлено, что сам факт формирования лингвистических характеристик на основе внутренних векторных представлений сети не всегда означает их использование сетью в ходе классификации. Этого недостатка лишен второй подход, в котором проводится изменение значений некоторых лингвистических характеристик анализируемых текстов и, таким образом, выявляется причинно-следственная связь между наличием этих характеристик и наблюдаемым результатом работы большой языковой модели [19, 20]. Вместе с тем вычислительная эффективность такого подхода является достаточно низкой, в особенности при извлечении совокупности признаков в ходе интерпретации, что ограничивает его применимость к анализу больших корпусов текстов.

3. Лингвистическая трактовка предварительного обучения и дообучения большой языковой модели

Функционирующий язык обнаруживает двойную системность: внутриязыковую и функционально-коммуникативную [21]. Первая – это системность средств языка, его ресурсов и общих принципов их использования. Вторая – системность речи, складывающаяся в общении в результате перестройки первой под влиянием экстралингвистических факторов. Внутриязыковая системность обеспечивает лишь возможность общения, осуществляется же оно в процессе развертывания речевой системности, ориентированной на реализацию конкретных целей коммуникации в определенных ее условиях.

Соотношение между этими видами лингвистической системности М. Н. Кожина иллюстрирует следующей схемой [21: 197] (рис. 5).

Нужно подчеркнуть, что речевая системность является не простой реализацией, а именно перестройкой внутриязыковой системности, осуществляемой в процессе выбора, повторения, размещения, комбинирования и трансформирования языковых единиц [22: 25].

Язык в целом как функционирующая система:

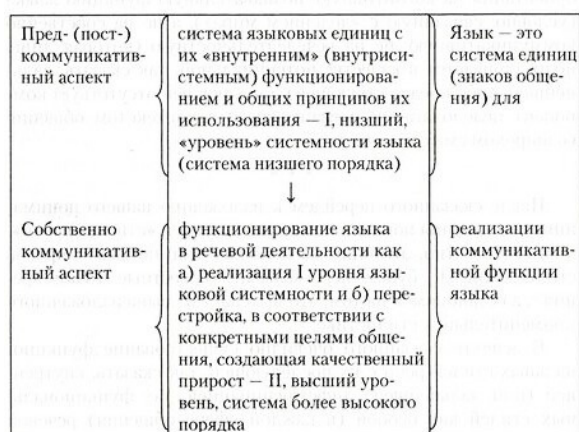

Рис. 5. Соотношение между внутриязыковой и функционально-коммуникативной системностью (по М. Н. Кожиной)

Fig. 5. Relationships between intralingual and functional-communicative systematicity according to M. N. Kozhina

Иллюстрируя понятия внутриязыковой и речевой системности, Б. Н. Головин описывал мысленный эксперимент: представим, что в нашем распоряжении находится «небольшой набор печатей и штампов круглой, треугольной, ромбовидной, квадратной и овальной формы и небольшой набор красок — белой, красной, коричневой, фиолетовой и зеленой... Мы получили некоторый механизм, готовый выдавать информацию... Но будет ли он работать одинаково или в одних условиях будут работать по преимуществу одни его участки и элементы, в других — другие, а в третьих — третьи?... Отвечая на разные потребности жизни (быт, наука, художественное творчество), наша модель будет работать в разных режимах... В ответ на одни потребности общения будет увеличиваться частотность применения квадратных печатей, в ответ на другие — круглых, в ответ на третьи — треугольных. Можно увеличить число типовых коммуникативных потребностей и ввести различие типовой информации не только в зависимости от формы печати или штампа, но и от окраски полученного отпечатка. Мы таким образом приблизимся в своей модели к функционированию естественного языка людей...» [22: 260–261].

³Нередко БЯМ обучаются на масштабных корпусах, представляющих не язык в целом, а лишь какой-либо из его «подъязыков», например медицинский. В таких случаях моделируются языковые ресурсы данного подъязыка.

⁴Как можно представить себе работу языкового механизма, не учитывающего целей и условий общения и поэтому не создающего ту или иную речевую системность? По мнению М. М. Бахтина, если бы речевых жанров, характеризующихся своей внутренней организацией, не существовало и мы не владели ими, если бы нам приходилось «свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно» [5: 258]. К. Гаузенблас включает затрагиваемый вопрос в контекст проблематики нейтрального стиля речи. Этот стиль, считает автор, представлен разве что в виде иллюстративного материала в языковых учебниках для школьников (*Осенью я люблю ходить в лес. Листья желтеют и опадают*). Но и такие высказывания подчинены определенной цели — служить иллюстрациями использования тех или иных языковых явлений. Текст же, полностью лишенный жанрово-стилевых особенностей, «выглядел бы искусственным и нереальным» [23: 21].

Проведенный нами анализ работы БЯМ показывает, что они адекватно моделируют описанный М. Н. Кожиной и Б. Н. Головинным механизм функционирования языка в реальной речевой действительности. В самом деле, предварительное обучение БЯМ на больших корпусах текстов позволяет относительно полно моделировать языковые ресурсы — систему языковых единиц и общих принципов их использования³. Однако только этого недостаточно для продуцирования и интерпретации высказываний, реализующих конкретные коммуникативные цели (всегда выступающие в единстве с другими элементами ситуации общения)⁴. Необходима еще перестройка языковой системности в речевую. Программистами эта задача решается в ходе дообучения («тонкой настройки») БЯМ с помощью обучающей выборки, составленной именно из тех текстов (или субтекстов), речевая системность которых определяется исследуемыми экспериментатором экстралингвистическими (чаще всего когнитивными) факторами.

От того, насколько лингвистически корректно составляется обучающая выборка, в большой степени зависит успех экспериментов.

4. Методы исследования

4.1. Метод интерпретации сетей-трансформеров

Используемый метод интерпретации нейронных сетей с архитектурой «Трансформер» состоит в построении структурных схем предложений анализируемого текста на основе внутренних векторных представлений нейронной сети и в определении фрагментов этих схем, связанных с целевыми результатами анализа текста (рис. 6). Схемы включают словоупотребления (характеризующиеся начальной формой слова, используемой в тексте формой, принадлежностью слова к определенной части речи) и синтаксические связи между ними. Для выявления перечисленных лингвистических характеристик используется подход с построением линейных отображений внутренних векторных представлений анализируемых текстов на эти характеристики [12]. Для выявления значимых фрагментов построенных схем предложений используется метод

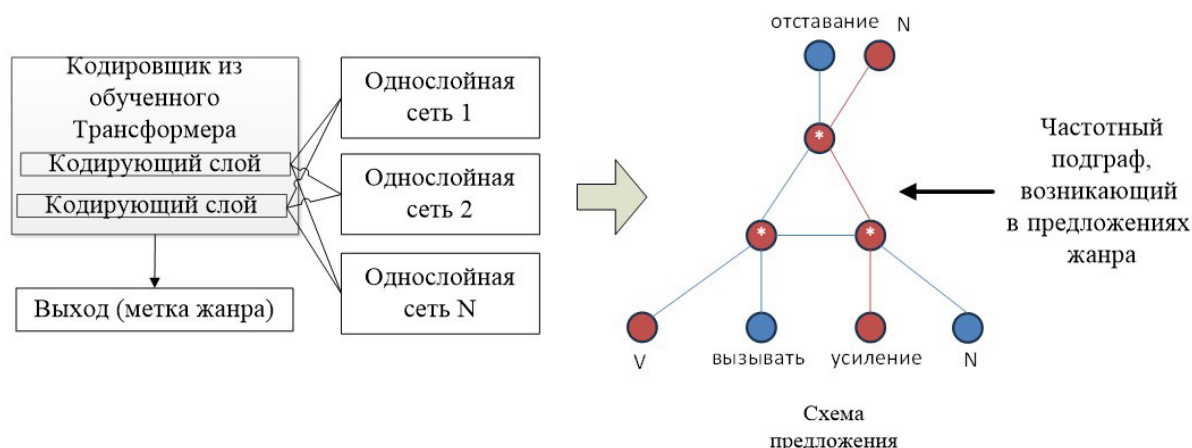

Рис. 6. Схема метода интерпретации результатов обучения «Трансформера». Вершины (*) соответствуют словоупотреблениям, вершины V, N – характеристикам словоупотреблений. Связи между вершинами (*) соответствуют синтаксическим связям в предложении

Fig. 6. Scheme of the method for interpreting the Transformers. The vertices (*) correspond to tokens, the vertices V, N – to the linguistic features of the tokens. Connections between vertices (*) correspond to syntactic links in a sentence

выделения частотных подграфов gSpan [24]. Схемы предложений представляются в виде сетей атрибутов (см. рис. 6), в которых значениям лингвистических характеристик словоупотреблений соответствуют отдельные вершины, привязанные к вершинам-словоупотреблениям, далее с помощью gSpan выявляются частотные подграфы, соответствующие частотным фрагментам схем предложений. Лексемы на этом этапе не использовались, так как их учет привел бы к снижению общности сформированных частотных схем предложений. Далее выполнялась привязка лексем к сформированным частотным фрагментам схем предложений. Для фильтрации начальных форм слов, не характерных для текстов распознаваемого жанра, применялась оценка характеристики тематической значимости [25].

4.2. Методика создания обучающей выборки

Обучающая выборка составляется так, чтобы в ней были представлены по возможности только те речевые структуры, которые детерминируются интересующим исследователя фактором. В решаемой нами задаче автоматической идентификации речевых жанров, выделенных на когнитивном основании, таким фактором является познавательная цель. В первом случае, как уже говорилось, она состоит в описании характерных признаков нового для науки явления, во втором – в экспликации научного понятия, развертывающегося в теорию или в какой-либо ее сегмент.

Приведем примеры текстов (субтекстов), образующих эти выборки⁵.

Пример текстов первой выборки:

Общий фон окраски тела светло-бурый, почти песочный, область холки серая. По светло-бурому фону тела равномерно распределены хорошо выраженные темные пятна в виде полуколец, открытых к каудальной части тела... Грудь и брюхо светло-серые. Передние (область предплечья и ниже) и задние (ниже области плюсны) лапы буро-серые; по передней их стороне почти до самых пальцев опускается узкая светло-серая полоса с ярко выраженными темными, почти черными, пятнами или полосами. Длина хвоста составляет 52% длины тела. На передних лапах имеется складка, прикрывающая 3-й и 4-й пальцы (В. Е. Соколов).

Пример текстов второй выборки:

Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлекаемых компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимосодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата.

Конкретным механизмом взаимодействия компонентов является освобождение их от избыточных степеней свободы, не нужных для получения данного конкретного результата...

Таким образом, результат является неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими его компонентами (П. К. Анохин).

В этих текстовых фрагментах есть только те речевые структуры, которые сложились

⁵Одни и те же типовые познавательные цели, определяющие ту или иную форму организации научной речи, могут реализовываться как в целом тексте, так и в его части [3].

при реализации указанных познавательных целей. Здесь нет речевых построений, присущих другим жанрам (и образующим их субтекстам), выделенным по тому же самому принципу. Нет, например, речевых структур, сформировавшихся для сопоставления и группировки фактов, для сообщения об эмпирической причинно-следственной зависимости, для объяснения этой зависимости, для описания методики эксперимента, для анализа экспериментальных данных и др.

Итак, обучающие выборки составляются нами из образцов жанрово-речевой системности, необходимой для формирования внутреннего состояния БЯМ при решении ею классификационной задачи.

Нужно оговорить, что выдвинутые положения относятся именно к теоретическим жанрам, всегда выделяемым и описываемым на едином основании и зачастую не имеющим готовых жанровых названий (такowymi являются речевые жанры М. М. Бахтина, языковые игры Л. Витгенштейна и др.). Что же касается исторических жанров, т. е. жанров, исторически признанных таковыми, то они выделяются общественным языковым сознанием по самым разным признакам [26: 359]. К тому же тексты, имеющие одно и то же жанровое название, могут характеризоваться разной речевой системностью, а тексты с разными жанровыми названиями – одной и той же. Например, *научная статья* как исторический жанр обнаруживает широкий спектр проявлений речевой системности, определяемых типовыми познавательными целями (в пределах речевой системности научного функционального стиля, отличающей его от других стилей). При этом речевая системность конкретной научной статьи может ничем не отличаться от речевой системности других исторических жанров – *монографии* или *диссертации*. Это становится очевидным, если статья включается в состав монографии, а монография – в состав диссертации. Ср. примеры включения *повестей* или *рассказов* в состав *романов* («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Царь-рыба» В. П. Астафьева и др.).

Из сказанного следует, что трудно ожидать лингвистически осмысленных результатов от тех работ в области автоматической классификации текстов, в которых обучающие выборки строятся на базе речевых произведений, объединяемых в один класс лишь по жанровому названию (см. обзор в [27]). Заметим в этой связи, что некоторое улучшение или ухудшение качества автоматической классификации текстов может объясняться не только выбором программного метода (из чего исходят

авторы), но и не прогнозируемой исследователем степенью различия – иногда очень большой – между речевыми произведениями с одинаковым жанровым названием в отношении их тематических, композиционных и стилистических характеристик.

Уже отмечалось, что при решении многих важных задач в области ИИ имеет значение детерминированность речевой системности не целью автора как основным фактором жанрообразования [28], а иными экстралингвистическими явлениями, в том числе субъективными (по терминологии Пражской школы). Это не только индивидуальность человека, определяющая его особый речевой стиль, но и различные психологические состояния коммуникантов (в частности, эмоциональные переживания при фрустрации, депрессии [29, 30]). Субъективные факторы реализуются с использованием объективных рече-жанровых структур⁶, обуславливают варьирование и развитие последних.

Определяя средствами ИИ текстовые проявления тех или иных субъективных экстралингвистических факторов, целесообразно обучающую выборку создавать из тех фрагментов текста, в речевой системности которых эти проявления запечатлены. Эти фрагменты выделяет психолог с участием лингвиста. Теоретическим основанием данной методики служит концепция функциональных семантико-стилистических категорий [21], представляющих собой совокупности разноразрядных языковых единиц, используемых при реализации какой-либо стилиевой черты текста (типа текстов). Обычно рассматриваются черты, представляющие наибольший интерес для описания специфики функциональных стилей и речевых жанров [4, 8, 21, 31–33]. Однако нет никаких препятствий для включения в анализ и тех характеристик речевых произведений, которые представляют интерес прежде всего для психологов и специалистов в области ИИ.

5. Результаты извлечения лингвистических признаков из внутреннего состояния большой языковой модели после ее дообучения

В ходе исследования использовалась многослойная нейронная сеть BERT [34]. BERT – кодировщик сети «Трансформер», предварительно обученной на масштабном наборе русскоязычных текстов (модель «ruBert-base» [35]). Эта нейронная сеть до-обучалась решению задачи классификации фрагментов научных текстов на корпусе, представленном в 6.1, 6.2. Результаты оценки качества классификации

⁶«Чем лучше мы владеем жанрами... тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (там, где это можно и где это нужно)» [5: 259].

жанров на тестовой подвыборке этого корпуса с помощью сети с до-обучением и без него приведены в табл. 1.

Для оценки результатов обучения были использованы стандартные показатели оценки качества бинарной классификации – точность (P , precision), полнота (R , recall) и F_1 -мера. Обозначим:

- tp – количество корректно идентифицированных предложений целевого жанра;
- fp – количество некорректно идентифицированных предложений, не относящихся к целевому жанру;
- fn – количество некорректно идентифицированных предложений целевого жанра.

Тогда точность (P , precision) – доля корректно выявленных предложений от всех предложений, идентифицированных как принадлежащих к целевому жанру:

$$P = \frac{tp}{tp + fp}.$$

Полнота (R , recall) – доля корректно выявленных предложений целевого жанра:

$$R = \frac{tp}{tp + fn}.$$

F_1 -мера – среднее гармоническое точности и полноты:

$$F_1 = \frac{2PR}{P + R}.$$

Из табл. 1 видно, что сеть без до-обучения (строка «Нет») не позволяет надежно идентифицировать рассматриваемые речевые жанры, между тем качество их идентификации дообученной сетью приближается к максимально возможному значению – 0,99 (строка «Да»).

Далее веса этой сети фиксировались и проводилось обучение дополнительных сетей с одним слоем выделению лингвистических признаков анализируемого текста на основе внутренних векторных представлений сети BERT. В ходе апробации с применением метода [12] выделялись синтаксические связи между словоупотреблениями анализируемых

текстов (без определения типа связи). Для обучения и оценки метода выделения связей использовался корпус [36]. С помощью метода [37] выделялись части речи словоупотреблений. Обучение и оценка метода проводились на размеченном корпусе [38]. Так как одному словоупотреблению может соответствовать несколько фрагментов исходной строки (токенов), для разрешения конфликтов использовалось следующее эвристическое правило: наивысший приоритет имеют значения, предсказанные для первого токена.

Грамматические аспекты жанрово-речевой системности не были предметом исследования в этой статье, однако стоит привести предварительные результаты распознавания нейронной сетью частей речи и синтаксических связей слов в предложении (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Результаты выявления некоторых грамматических характеристик текста на основе внутренних векторных представлений сети BERT

Results of identifying some grammatical features based on hidden embeddings of the BERT network

Задача	Точность	F_1 (макроусреднение)
Выявление частей речи	0.94	0.90
Выявление синтаксических связей	0.74	0.70

Согласно полученным оценкам, использованный способ идентификации лингвистических параметров позволяет точно выявлять части речи словоупотреблений классифицируемых текстов. Качество выявления синтаксических связей несколько ниже, однако его можно признать достаточным для проведения эмпирического исследования, так как в дальнейшем предполагается статистическая обработка выявленных параметров (пока анализировались только частотные фрагменты построенных схем предложений).

Таблица 1 / Table 1

Качество идентификации жанров научного текста

Scores for scientific text genre detection

Дообучение / Оценка	Жанр	Точность (P)	Полнота (R)	F_1 -мера
Нет	Описание характерных признаков нового для науки явления	0.74	0.61	0.69
Да		0.99	0.99	0.99
Нет	Экспликация научного понятия	0.33	0.87	0.47
Да		0.99	0.99	0.99

6. Интерпретация полученных результатов

Напомним, что внутреннее состояние БЯМ после дообучения – это представление слов в виде векторов – упорядоченных последовательностей чисел, создаваемых кодировщиком на основе признаков обучающей выборки. Возникает вопрос: отражает ли совокупность векторов речевую системность, запечатленную в текстах обучающей выборки? Ответ на него, как уже говорилось, имеет принципиальное значение для обоснования применимости БЯМ во всех тех случаях, когда предметом изучения являются психологические, социальные и иные не собственно языковые феномены, детерминирующие речевую системность и отображаемые в ней.

В ходе анализа выяснилось, что **декодирование внутреннего состояния БЯМ** (нейронной архитектуры «Трансформер») **точно воспроизводит состав и частоту употребления лексических средств, образующих обучающие выборки**, созданные на материале текстов каждого из двух жанров.

6.1. Речевой жанр «Описание нового для науки явления»

Этот жанр представлен преимущественно публикациями по ботанике, зоологии, минералогии. Познавательнo-речевая деятельность автора-ученого осуществляется в соответствии со сложившейся дисциплинарной программой (своего рода фреймом): общая характеристика объекта сопровождается описанием его частей в определенной последовательности и по определенным параметрам.

Приведем показатели частотности лексических единиц рассматриваемого жанра во внутреннем состоянии БЯМ, выявленные в результате его декодирования, после чего интерпретируем полученные данные.

Зафиксированы все 1950 лексем обучающей выборки.

Частоту употребления выше 100 имеют 8 слов: *в* – 214, *с* – 198, *и* – 196, *длина* (дл.) – 151, *на* – 124, *два* (2) – 110, *миллиметр* (мм) – 109, *один* (1) – 105, от 10 до 100–142 слова: *три* (3) – 76, *или* – 75, *сантиметр* (см) – 71, *по* – 68, *пять* (5) – 63, *до* – 52, *четыре* (4) – 50, *членик* – 48, *щетинка* – 44, *не* – 40, *который* – 39, *опушенный* – 37, *тело* – 37, *часть* – 36, *шесть* (6) – 34, *длинный* – 33, *задний* – 33, *от* – 33, *волосок* – 31, *поперечный* – 31, *основание* – 30, *мелкий* – 29, *почти* – 28, *передний* – 27, *раз* – 27, *ширина* – 27, *из* – 26, *пластика* – 26, *тонкий* – 26, *более* – 25, *лист* – 25, *но* – 25, *семь* (7) – 25, *грамм* (г) – 24, *диаметр* (диам) – 24, *микрометр* (мкм) – 24, *расположенный* – 22, *слегка* – 24, *а* – 22, *восемь* (8) – 22, *край* – 22, *крыло* – 22, *жилка* – 21, *у* – 21, *черный* – 21, *белый* – 20, *короткий* – 20, *минерал* – 20, *нижний* – 20, *составлять* – 20, *узкий* – 20, *форма* – 20, *цвет* – 20, *ширина* – 20, *верхний* – 19, *при* –

19, *слабо* – 19, *вершина* – 18, *десять* (10) – 18, *без* – 17, *верхушка* – 17, *глаз* – 17, *крупный* – 17, *луч* – 17, *равный* – 17, *средний* – 17, *усик* – 17, *клетка* – 16, *кристалл* – 16, *округлый* – 16, *самец* – 16, *сторона* – 16, *яйцевидный* – 16, *голый* – 15, *заметный* – 15, *их* (в знач. притяжательного мест.) – 15, *к* – 15, *плотность* – 15, *пора* – 15, *редко* – 15, *часто* – 15, *гладкий* – 14, *лапка* – 14, *листочек* – 14, *между* – 14, *продольный* – 14, *спайность* – 14, *широкий* – 14, *бурый* – 13, *вид* – 13, *зеленый* – 13, *как* – 13, *киль* – 13, *который* – 13, *ланцетный* – 13, *нога* – 13, *плод* – 13, *продолговатый* – 13, *пятнадцать* (15) – 13, *размер* – 13, *довольно* – 12, *желтый* – 12, *зубец* – 12, *конец* – 12, *немного* – 12, *овальный* – 12, *под* – 12, *поле* – 12, *тринадцать* (13) – 12, *блеск* – 11, *большой* – 11, *глазок* – 11, *губа* – 11, *голень* – 11, *голова* – 11, *девять* (9) – 11, *его* (в знач. притяжательного мест.) – 11, *за* – 11, *иметь* – 11, *иногда* – 11, *около* – 11, *описание* – 11, *отсутствовать* – 11, *прозрачный* – 11, *простой* – 11, *светлый* – 11, *базальный* – 10, *бедро* – 10, *измеренный* – 10, *весь* – 10, *высота* – 10, *дорсальный* – 10, *излом* – 10, *коричневый* – 10, *образовывать* – 10, *ось* – 10, *пара* – 10, *прямой* – 10, *поверхность* – 10, *расширенный* – 10, *самка* – 10, *стеклянный* – 10, *сто* (100) – 10, *твердость* – 10, *чешуйка* – 10.

Наиболее типичные познавательнo-речевые действия этого жанра оформляются предложениями, в которых позицию подлежащего занимает номинация изучаемого объекта (его части, стороны), а позицию сказуемого – обозначение качественного или количественного признака этого объекта. Как правило, количественный признак реализован в количественно-именном сочетании – сочетании числительного, номинации единицы измерения и номинации параметра, по которому измерение поводится: *Листья 6–15 см дл. и 5–10 мм шир. ... голые; Щетинки короткие, 3–4 мкм длиной.* Этим прежде всего и объясняется регулярное использование в текстах указанного жанра слов, относящихся к данным группам, а именно: номинаций видов растений, животных, минералов, их частей, сторон (*самец, самка, часть, голова, тело, глаз, нога, лист, верхушка, минерал, кристалл, основание, поверхность, сторона, край* и др.), номинаций параметров, по которым осуществляется описание (*размер, длина, ширина, высота, диаметр, форма, цвет, твердость, плотность, спайность* и др.), номинаций значений этих параметров – качественных (*белый, черный, зеленый, прозрачный, гладкий, голый, прямой, овальный, продолговатый, яйцевидный* и др.) и количественных (*большой, длинный, широкий, мелкий, короткий, один, два...* и др.). Слова этих групп широко употребляются и вне предложений указанной структуры.

Столь же закономерна частая воспроизводимость слов, называющих место, расположение компонентов изучаемого объекта, характеристик его строения (*передний, зад-*

ний, верхний, нижний, средний, продольный, поперечный и др.): *Передний глазок удален от поперечного кия...* Для сообщения о регулярности и степени проявления признаков объекта используются наречия соответствующей семантики (*часто, редко, иногда, почти, довольно, слегка, слабо* и др.): *Панцири треугольные... редко овальные; Цветоножки слегка утолщенные.*

Не менее показательно функционирование служебных слов. Так, предлоги с и без в основном используются для указания на наличие или отсутствие у объекта определенного морфологического признака: *Стеблевые листья с пластинкой; Верхушка чешуи без ресничек.* Уже упомянутая необходимость характеристики места, расположения тех или иных компонентов объекта является одной из причин высокой частоты употребления предлогов *в, на, до, от, из, при, к, между, под, за*: *в средней части, на верхушке, до переднего отдела, от заднего конца, из ротового отверстия, при цветках, [прилегают] к внутренним листочкам, между глазками, под ободками, [заходят] за вершины.* Все эти предлоги используются при выполнении и других коммуникативных заданий, опять-таки определяемых спецификой осуществляемой деятельности. Например, предлог *в* широко используется и для количественной характеристики объекта (при кратном соотношении чисел), а также для описания его внешнего вида: *Длина тела в 3–4 раза превышает ширину; Ноги бурые... в черных редких шипах.* Предлог *на*, используемый главным образом при обозначении пространственного положения объекта, употребляется и для выражения соотношения величин: *Прилистники... на 1/3 сросшиеся.*

Предложения анализируемых текстов в большинстве случаев осложнены однородными членами, обозначающими признаки описываемого объекта. Отсюда высокая частотность сочинительных союзов – союза *и* (*Рахис листа волосистый и железистый*), союза *или* – при указании на вариативные признаки объекта (*Листовые пластинки... с клиновидным или широко-клиновидным основанием*). Этим союзам уступают по частоте употребления союзы *но* и *а*, регулярно используемые преимущественно в сложном предложении: союз *но* – в сообщениях о нетипичном (не соответствующем ожиданию) признаке (*Спайность совершенная, но излом листоватый*), союз *а* – при сопоставлении смежных частей объекта с различающимися характеристиками (*Задние бедра... резко сужены в основании, а задние голени постепенно расширяются*). Поскольку описание отличительных свойств объекта предполагает его сравнение с другими объектами, активно

используется сравнительный союз как (*Переднеспинка светло-коричневая с темными пятнами, приблизительно как у Ph. boldyrevi*).

Показательно функционирование и отрицательной частицы *не*. Она чаще всего используется в сообщении об отсутствии или невыраженности того или иного признака: *Собственной пигментации не имеет; Соматические щетинки не обнаружены; Спайность или отдельность не выражены.*

Как видим, функционирование лексических единиц, отображенное во внутреннем состоянии БЯМ, органично связано с характером осуществляемой когнитивной деятельности, в рассмотренном случае – с описанием нового для науки объекта.

6.2. Речевой жанр «Экспликация научного понятия»

Жанр представлен в теоретических разделах всех областей знания. Как уже отмечалось, развитие базового научного понятия и есть, по сути, построение теории.

После дообучения большой языковой модели в ней точно отображены представленность и частота употребления всех 1848 слов, содержащихся в обучающей выборке.

Частоту употребления выше 100 имеют 3 лексемы: *в* – 256, *и* – 243, как – 147, от 100 до 100–133 лексемы: *это* – 88, *не* – 71, *который* – 65, *быть* – 64, *являться* – 59, *из* – 54, *с* – 52, *деятельность* – 51, *этот* – 49, *процесс* – 47, *или* – 45, *система* – 43, *а* – 41, *что* – 41, *себя* – 40, *к* – 39, *человек* – 38, *жизнь* – 36, *на* – 35, *его* – 34, *по* – 33, *один* – 32, *текст* – 32, *то* – 32, *представлять* – 31, *форма* – 31, *сознание* – 29, *такой* – 29, *свой* – 28, *тот* – 28, *смысл* – 26, *время* – 25, *о* – 25, *ее* – 24, *она* – 24, *речевой* – 24, *другой* – 23, *отношение* – 23, *где* – 22, *только* – 22, *языковой* – 22, *мы* – 21, *называть* – 21, *образ* – 21, *результат* – 21, *субъект* – 21, *единица* – 20, *но* – 20, *понятие* – 20, *теория* – 20, *функция* – 20, *элемент* – 20, *же* – 19, *их* – 19, *от* – 19, *под* – 19, *язык* – 19, *личность* – 18, *речь* – 18, *высказывание* – 17, *для* – 17, *объект* – 17, *вид* – 16, *действие* – 16, *иной* – 16, *коммуникация* – 16, *так* – 16, *автор* – 15, *значение* – 15, *общение* – 15, *общественный* – 15, *слово* – 15, *взаимодействие* – 14, *живой* – 14, *за* – 14, *конкретный* – 14, *между* – 14, *можно* – 14, *при* – 14, *рассматривать* – 14, *сам* – 14, *структура* – 14, *выражение* – 13, *выступать* – 13, *организм* – 13, *развитие* – 13, *способ* – 13, *понимать* – 13, *коммуникативный* – 13, *он* – 13, *определенный* – 13, *определять* – 13, *рассматриваться* – 13, *реальный* – 13, *весь* – 12, *внутренний* – 12, *диалог* – 12, *изменение* – 12, *мир* – 12, *мочь* – 12, *они* – 12, *особый* – 12, *психологический* – 12, *также* – 12, *все* – 11, *движение* – 11, *индивид* – 11, *каждый* – 11, *модус* – 11, *мысль* – 11, *наука* – 11, *наш* – 11, *отдельный* – 11, *поведение* – 11, *связь* – 11, *совокупность* – 11, *социальный* – 11, *средство* – 11, *явление* – 11, *волна* – 10, *навык* – 10, *начало* – 10, *ось* – 10, *понимание* – 10, *сила* – 10,

сторона – 10, термин – 10, тип – 10, условие – 10, характеристика – 10, цель – 10.

Некоторые из этих лексем в отдельных их значениях непосредственно участвуют в продуцировании дефиниций, чем и определяется их высокая частота употребления. Таковы связки *это* (*Мейоз – это особый тип клеточного деления*), *есть* – форма 3-го л. ед. ч. глагола *быть* (*Стоячая волна есть суперпозиция двух встречных бегущих волн*), *являться* (*Диалогом является живое общение между людьми*), полусвязочный глагол *выступать* (*Структура дискурса выступает отражением... особенностей языковой личности*) и сочетание *представлять собой* (*Они представляют собой отношение между линиями сложных модусных перспектив*).

Отметим, что частота употребления слова *это* к тому же повышается его использованием в роли анафорического местоимения (*Это – некоторая целостная установка...*). Поскольку развитие в тексте научного понятия предполагает повторение его номинации, а также анафорические замены последней, активно используются в анафорической функции местоимения *он* (*она, оно, они*), *этот, такой*, относительные слова *что, где, который* (*Именно она называется апокампом; Эти непонятные СД... мы будем теперь называть... фоновыми СД; Такая потребность называется потребностью в самовыражении*). Относительное слово *который* в постпозитивном придаточном, реализуя анафорическую функцию, к тому же обычно восполняет главную часть сложноподчиненного предложения, без чего научное понятие не может быть определено. Например, в предложении *Коммуникативные фрагменты – это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта* главная часть (*Коммуникативные фрагменты – это отрезки речи различной длины*) не является законченным определением научного понятия. Таким образом, необходимость восполнения главной части сложноподчиненного предложения служит причиной столь высокой частотности этого местоимения в дефинитивных конструкциях.

Что же касается высокой частоты употребления глагола *быть*, то она определяется в рассматриваемых текстах его использованием не только в форме связки *есть*, но и как компонента формы сложного будущего времени глаголов мысли и речи (*Под размером тени будем понимать ее диаметр вдоль оси вращения*). Наряду с указанным компонентом в дефинициях используются модальный глагол *мочь* и предикатив *можно* (*Модуль раз-*

вития может определяться как подсистема, проявляющая некоторое относительно автономное поведение; Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых...).

В текстах данного жанра слово *как* тоже обычно является элементом дефиниции. Оно используется в роли союза после глаголов названных семантических классов (*...можно определить общение как систему целенаправленных и мотивированных процессов; Пондеромоторные силы понимаются как усредненные по времени силы*).

Экспликация научного понятия предполагает широкое использование существительных *понятие* и *термин* (*Понятие генома... является генетической характеристикой вида в целом; Термин «семантический признак» обозначает ту часть значения определенной содержательной единицы языка, по которой она противопоставлена другой содержательной единице языка*).

Компонентом дефиниции зачастую выступают общенаучные слова, обобщенно называющие или характеризующие объект либо план исследования: *явление, процесс, элемент, единица, связь, отношение, функция, характеристика, совокупность, система, структура, движение, влияние, изменение, развитие, форма, тип, сторона, представление* и др. (*Явление было названо апокамическим разрядом; Речь – это движение, процесс; Фп-Фр есть элемент развития; Эту совокупность мы именуем лексическим фоном; Психика есть функция, свойство человека*). К числу высокочастотных лексем относятся также обозначения основных понятий и категорий различных наук: *жизнь, человек, организм, сознание, деятельность, общение, язык, текст* и др. (*... жизнь – цель живой системы; Человек рассматривается как «рефлексивное животное»; Под геномом организма... понимают суммарную ДНК гаплоидного набора хромосом*).

Показательно функционирование предлогов. При экспликации научного понятия определяющее его словосочетание может выражать самые разные отношения (бытийные, пространственные, временные, классификационные, причинно-следственные, партитивные и др.), от чего в большой степени зависит выбор предложно-падежных конструкций. При этом явственно обнаруживается связь их представленности в тексте с характером наиболее типичных познавательных действий. Рассмотрим некоторые примеры.

В анализируемых текстах предлог *в* часто употребляется при обозначении объектной области, которой принадлежит определяемое явление (*КФ следует признать... непосред-*

ственно заданной в языковом сознании говорящих единицей языковой деятельности). Это же отношение (явление – включающая его область явлений, т. е. часть – целое) выражается и с помощью регулярно используемого сочетания неопределенного местоимения *один* с предлогом *из* (Функция... выступает... как *один из элементов более широкого целого*).

Закономерно употребление составных предлогов в качестве, в виде, близких по значению союзу как (см. выше) и выступающих конститутивным элементом дефиниции (*Общественное... может рассматриваться не только как акт... рационально оформленного речевого обмена информацией, но и в качестве непосредственного эмоционального контакта между людьми*). Предлог *под* используется в составе клишированной дефинитивной конструкции *под чем-л. понимается (может, будет пониматься) что-л.* (*Под словом дискурс понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций*).

Представленность различных предлогов в текстах рассматриваемого жанра во многом обусловлена составом используемых в дефиниции общенаучных слов (см. выше), управляющих существительными в определенных предложно-падежных формах: *взаимодействие с чем, между чем и чем, влияние на что, представление о чем, стремление к чему, отношение (связь) с чем, между чем и чем, отличие (также в отличие) от чего и др.*

Связь со спецификой жанра отчетливо обнаруживает употребление союзов. Так, союз *и* чаще всего соединяет два слова, выражающих тесно связанные между собой (нередко парные) понятия: *пространство и время, возможность и действительность, индивидуальное и социальное, мысли и чувства, субъект и объект, событие и последствие, контекст и ситуация* и пр. Например: *Интенциональность и экстенциональность значения – это, по сути, две стороны данного процесса; Вещь и субъект (личность) суть принципиально разные предметы познания*. В случае перечисления существенных признаков понятия регулярно используется повторяющийся союз *и...и*: *Оно представляет собой и отношение людей друг к другу, и их взаимодействие, и обмен информацией между ними...*

При определении научного понятия союз *или* может реализовать уточняющую семантику: *...интроны (или их части); ... данного мотива (или их совокупности)*. Характерно использование этого союза и как пояснительного: *Одинаковые хромосомы получили название гомологичных хромосом, или гомо-*

логов; Явление было названо апокампическим разрядом, или апокампом.

Союз *а* в конструкциях с отрицанием *не...а* и *а не*, имеющих целью представить альтернативное суждение, встречаются в тех случаях, когда существенный признак определяемого объекта противопоставляется признаку, который ошибочно может быть принят за существенный (*...не индивидуально-психологический факт, а факт общественно-исторический; ...достояние популяции, а не организации*).

Определение объекта, отражаемого понятием, предполагает отличие его от сходных объектов. Закономерно поэтому, что операция отличия во многих случаях запечатлевается в дефиниции. При этом используется отрицательная частица *не*: *...сложные модусные перспективы – это не сам модус; Речевая деятельность не есть совокупность речевых актов*. Акцентированию в высказывании существенного признака объекта нередко служит местоименное сочетание *не что иное, как* (*Знаковый материал этого кода есть не что иное, как нейрофизиологические следы...; Уникальность языковой личности... есть не что иное, как неповторимость комбинации социально-психологических характеристик...*).

Для выделения и подчеркивания существенного признака объекта используется и выделительно-ограничительная частица *только* (*Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых...; Сознание существует только в обществе и в этом плане выступает как системное качество*). Акцентуатором выступает и включающий эту частицу противительный союз *не только, но и* (*Смысл жизни – это не только будущее... но и мера достигнутого человеком*).

Итак, нет никаких сомнений в том, что БЯМ в ходе дообучения представляет в своем векторном пространстве речевую системность жанров, подлежащих автоматическому распознаванию, в то время как сами жанры детерминируются характером воплощаемой в них познавательной деятельности. Из этого положения следует, что с лингвистической точки зрения внутреннее состояние подготовленной к применению большой языковой модели не является своего рода «черным ящиком» и что результаты ее использования интерпретируемы.

7. Об анализе познавательно-речевых действий в разных сферах общения

Данные, полученные с помощью дообучения БЯМ на текстах научных статей, и лингвистическая интерпретация этих данных могут

в дальнейшем использоваться в различных диагностических задачах, в частности, в задаче определения состава ментальных действий, совершенных в других сферах общения.

Так, в бытовых обсуждениях, например, в дискуссиях в социальных сетях, нередко предлагаются описания новых для собеседников предметов. Теперь мы знаем, что такие описания могут содержать следующие ментальные действия: *характеризация качественных и количественных свойств предмета; характеристика структуры предмета и месторасположения его компонентов; фиксация наличия или отсутствия какого-либо компонента или свойства у предмета; визуальная характеристика предмета (размер, форма, цвет, положение в пространстве и проч.); сравнение с другими предметами; фиксация ложных ожиданий относительно свойств, функций, компонентов структуры, внешних характеристик предмета.*

В сетевых дискуссиях встречаются и ситуации обсуждения представлений собеседников о тех понятиях, которыми они пользуются в разговоре об общественно значимых явлениях. В этом случае беседа о явлении может осуществляться с помощью ментальных действий, описанных выше для жанра «Экспликация понятия»: *определение понятия; развитие понятия; доопределение понятия; рефлексия своего познавательного действия; придание обсуждаемому предмету статуса понятия/термина; характеристика обсуждаемого предмета как элемента научной картины мира («механизм», «явление», «процесс» и т. д.); отнесение предмета к определённой области; выявление функций предмета; выявление связей (функциональных и структурных) предмета; создание дихотомии обсуждаемого предмета и какого-либо ещё; выявление свойств предмета; выявление аналогов предмета; выявление лжепредмета («как А, но не А»); выделение существенного признака.* Теперь мы будем иметь дело не с научными, а с житейскими понятиями, которые, как показано в [39], формируются на основе житейского опыта, но оформляются и уточняются на протяжении всей жизни по лекалам научных понятий.

Отметим, что нередко интеллектуальная работа ведется непосредственно в диалоге, коллективно. В сетевой дискуссии, существующей здесь и сейчас и не предполагающей создания итогового продукта, например статьи, ментальные действия оказываются разнесены по репликам собеседников, а сам полилог представлен также речевыми реализациями оценочных и собственно коммуникативных действий, которые тоже могут стать объектом автоматического анализа.

Заключение

Задача интерпретации работы нейронных сетей, в том числе больших языковых моделей, остается пока нерешенной, что делает невозможным их использование при выполнении прикладных задач, требующих повышенных мер безопасности (в промышленности, медицине и др. областях). Что касается именно БЯМ, то они реализуют как статистические, так и лингвистические закономерности, создающие единый механизм функционирования нейронной сети. Прогресс в объяснении лингвистического модуля представляется значимым для изучения единого комплекса закономерностей работы БЯМ.

Исследование БЯМ «Трансформер» при решении ею классификационной задачи тесно связано с проблематикой жанроведения, так как речевые жанры являются тематическими, композиционными и стилистическими классами (типами) текстов. БЯМ ориентирована главным образом на стилистический план текстотипа – выбор лексических и грамматических средств языка. Она оценивает вероятность появления словоупотреблений в тексте и, следовательно, нуждается в отображении не только ресурсов языка, но и закономерностей их употребления в соответствии с условиями и целями общения. Учитывая это, мы проанализировали процесс обучения БЯМ с опорой на концепцию двойной системности языка в действии (М. Н. Кожина) – внутриязыковой и функционально-коммуникативной, или речевой. По отношению к воспроизводимым типам текстов речевая системность предстает как жанрово-речевая. Есть все основания полагать, что большие (в миллиарды словоупотреблений) корпуса текстов, используемые на этапе предварительного обучения алгоритма, являются материалом для моделирования внутриязыковой системности, а выборки, используемые на этапе дообучения, – материалом для моделирования жанрово-речевой системности. В целом же обучение БЯМ решению задачи классификации текстов отражает перестройку внутриязыковой системности в речевую, что соответствует онтологии функционирования языка в процессе общения.

Жанрово-речевая системность детерминруется экстралингвистическими факторами, прежде всего явлениями человеческого сознания, воплощаемого в тексте. Судя по результатам проведенного исследования, ее статистический анализ БЯМ формирует признаковое пространство, позволяющее эффективно идентифицировать изучаемые познавательно-коммуникативные процессы во множестве текстов. Важное условие корректности дообучения БЯМ заключается в создании текстовой выборки, запечатле-

вающей именно те проявления речевой системности, которые обусловлены интересующим исследователя фактором. (Им могут быть любые отражающиеся в речи, ее структуре ментальные или социальные процессы.)

Представляет интерес изучение состава и модификаций познавательного-речевых действий в разных сферах общения. Формируясь на основе житейского опыта, когнитивные процессы развиваются затем во вторичных речевых жанрах (М. М. Бахтин), при этом на протяжении всей жизни человека они уточняются по образцам научных понятий (Л. С. Выготский).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осипов Г. С.* Методы искусственного интеллекта. М. : Физматлит, 2011. 296 с.
2. *Новиков Д. А.* Интервью от 26.07.2022. URL: <http://new.ras.ru/mir-nauky/news/vokrug-iskusstvennogo-intellekta-skladyvaetsya-ochen-trevozhnaya-struktura-znaniy-i-kompetentsiy-aka/> (дата обращения: 20.02.2024).
3. *Салимовский В. А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
4. *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь : Перм. ун-т, 1972. 396 с.
5. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
6. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
7. *Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. 274 с.
8. *Матвеева Т. В.* Статьи по русской стилистике. М. : Флинта, 2024. 392 с.
9. *Седов К. Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2016. 440 с.
10. *Балашова Л. В., Дементьев В. В.* Русские речевые жанры. М. : Издат. Дом ЯСК, 2022. 832 с.
11. *Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A. N., Kaiser Ł., Polosukhin I.* Attention is all you need // *Advances in neural information processing systems*. 2017. Vol. 30. P. 5998–6008.
12. *Hewitt J., Manning C. D.* A structural probe for finding syntax in word representations // *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*. 2019. Vol. 1 (Long and Short Papers). P. 4129–4138.
13. *Krogh A., Hertz J. A.* Generalization in a linear perceptron in the presence of noise // *Journal of Physics A: Mathematical and General*. 1992. Vol. 25, № 5. P. 1135–1147–1147.
14. *Tenney I., Xia P., Chen B., Wang A., Poliak A., McCoy R. T., Kim N., Durme B. Van, Bowman S., Das D., Pavlick E.* What do you learn from context? Probing for sentence structure in contextualized word representations // *International Conference on Learning Representations*. 2019. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1905.06316>
15. *Pavlick E.* Semantic structure in deep learning // *Annual Review of Linguistics*. 2022. Vol. 8. P. 447–471.
16. *Zhu Z., Pan Ch., Abdalla M., Rudzicz F.* Examining the rhetorical capacities of neural language models // *Proceedings of the Third BlackboxNLP Workshop on Analyzing and Interpreting Neural Networks for NLP*. 2020. P. 16–32. <https://doi.org/10.1865/v1.2020blackboxnlp-1.3>
17. *Abhilasha R., Belinkov Y., Hovy E.* Probing the probing paradigm: Does probing accuracy entail task relevance? // *Proceedings of the 16th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. 2021. Main Vol. P. 3363–3377. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.00719>
18. *Ravfogel S., Prasad G., Linzen T., Goldberg Y.* Counterfactual interventions reveal the causal effect of relative clause representations on agreement prediction // *Proceedings of the 25th Conference on Computational Natural Language Learning*. 2021. November. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.conll-1.15>
19. *Amini A., Pimentel T., Meister C., Cotterell R.* Naturalistic Causal Probing for Morpho-Syntax // *Transactions of the ACL*. 2023. Vol. 11. P. 384–403. https://doi.org/10.1162/tacl_a_00554
20. *Hewitt J., Ethayarajh K., Liang P., Manning C. D.* Conditional probing: Measuring usable information beyond a baseline // *Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2021. November. P. 1626–1639. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.emnlp-main.122>
21. *Кожина М. Н.* Речеведение: теория функциональной стилистики: избранные труды. М. : Флинта ; Наука, 2020. 624 с.
22. *Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М. : Высш. шк., 1988. 320 с.
23. *Гаузенблас К.* Существует ли «нейтральный стиль»? // *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация*. Пермь : Перм. ун-т, 1986. С. 19–22.
24. *Yan X., Han J.* Graph-based substructure pattern mining // *IEEE International Conference on Data Mining*. 2002. Proceedings. P. 721–724. <https://doi.org/10.1109/ICDM.2002.1184038>
25. *Суворов Р. Е., Соченков И. В.* Определение связанности научно-технических документов на основе характеристики тематической значимости // *Искусственный интеллект и принятие решений*. 2013. № 1. С. 33–40.
26. *Хализев В. Е.* Теория литературы. М. : Высш. шк., 2002. 437 с.
27. *Лагутина К. В., Бойчук Е. И., Лагутина Н. С.* Автоматическая классификация русскоязычных интернет-

текстов по жанрам // Искусственный интеллект и принятие решений. 1923. № 4. С. 103–114. <https://doi.org/10.14357/20718594230410>

28. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис : кол. монография / отв. ред. Т. В. Булыгина. М. : Наука, 1992. С. 52–56.

29. Ениколопов С. Н., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю. Лингвистические характеристики текстов при депрессии и шизофрении // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11, № 5 (58). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2019_5_58/nomer02.php (дата обращения: 20.02.2024).

30. Kuznetsova Y., Chudova N., Salimovsky V., Sharypina D., Devyatkin D. Possibilities of Automatic Detection of Reactions to Frustration in Social Networks // CEUR Workshop Proceedings. IMS 2021. Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society”. Saint Petersburg, 2021. P. 159–168.

31. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. М. : Гардарики, 2005. 287 с.

32. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

33. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе : сборник статей. М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 9–23.

34. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. 2019. Volume 1 (Long and Short Papers). P. 4171–4186. <https://doi.org/10.18653/v1/N19-1423>

35. Zmitrovich D., Abramov A., Kalmykov A., Tikhonova M., Taktasheva E., Astafurov D., Baushenko M., Snegirev A., Kadulin V., Markov S., Shavrina T., Mikhailov V., Fenogenova A. A Family of Pretrained Transformer Language Models for Russian // Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024). Torino, Italia, 2024. P. 507–524.

36. Ляшевская О. Н., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М. : Индрик, 2005. С. 111–135.

37. Kuznetsov I., Gurevych I. A matter of framing: The impact of linguistic formalism on probing results // Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). 2020. November. P. 171–182. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.emnlp-main.13>

38. Дьяченко С. В., Иомдин Л. Л., Митюшин Л. Г., Лазурский А. В., Подлесская О. Ю., Сизов В. Г., Фролова Т. И., Цинман Л. Л. Современное состояние глубоко аннотированного корпуса текстов русского языка (СинТагРус) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Т. 3 (6). С. 272–300.

39. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. ; Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. 324 с.

REFERENCES

1. Osipov G. S. *Metody iskusstvennogo intellekta* [Methods of artificial intelligence]. Moscow, Physmatlit, 2011. 296 p. (in Russian).

2. Novikov D. A. Interview dated July 26, 2022. Available at: <https://new.ras.ru/mir-nauky/news/vokrug-iskusstvennogo-intellekta-skladyvaetsya-ochen-trevozhnaya-struktura-znaniy-i-kompetentsiy-aka/> (accessed February 20, 2024) (in Russian).

3. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funktsional'no-stylisticheskoy osveshchenii (nauchnij akademicheskij tekst)* [Speech genres in functional stylistic perspective (scientific text)]. Perm, Perm University Publ., 2002. 236 p. (in Russian).

4. Kozhina M. N. *O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitelno s nekotorymi drugimi* [On speech system of the scientific style in comparison with some others]. Perm, Perm University Publ., 1972. 396 p. (in Russian).

5. Bakhtin M. M. Speech genre problem. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 237–280 (in Russian).

6. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010. 600 p. (in Russian).

7. Duskayeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogic nature of newspaper speech genres]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2012. 274 p. (in Russian).

8. Matveeva T. V. *Stat'i po russkoj stilistike* [Articles on Russian stylistics]. Moscow, Flinta, 2024. 392 p. (in Russian).

9. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016. 440 p. (in Russian).

10. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, Publishing House YaSK, 2022. 832 p. (in Russian).

11. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A. N., Kaiser Ł., Polosukhin I. Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 2017, vol. 30, pp. 5998–6008.

12. Hewitt J., Manning C. D. A structural probe for finding syntax in word representations. *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 2019, vol. 1 (Long and Short Papers), pp. 4129–4138.

13. Krogh A., Hertz J. A. Generalization in a linear perceptron in the presence of noise. *Journal of Physics A: Mathematical and General*, 1992, vol. 25, no. 5, pp. 1135–1147.

14. Tenney I., Xia P., Chen B., Wang A., Poliak A., McCoy R. T., Kim N., Durme B. Van, Bowman S., Das D., and Pavlick E. What do you learn from context? Probing for sentence structure in contextualized word representations. *International Conference on Learning Representations*, 2019. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1905.06316>

15. Pavlick E. Semantic structure in deep learning. *Annual Review of Linguistics*, 2022, vol. 8, pp. 447–471.

16. Zhu Z., Pan C., Abdalla M., Rudzicz F. Examining the rhetorical capacities of neural language models. *Proceedings of the Third BlackboxNLP Workshop on Analyzing*

and Interpreting Neural Networks for NLP, 2020, pp. 16–32. <https://doi.org/10.1865/v1.2020blackboxnlp-1.3>

17. Abhilasha R., Belinkov Y., Hovy E. Probing the probing paradigm: Does probing accuracy entail task relevance? *Proceedings of the 16th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*, 2021, main vol., pp. 3363–3377.

18. Ravfogel S., Prasad G., Linzen T., Goldberg Y. Counterfactual interventions reveal the causal effect of relative clause representations on agreement prediction. *Proceedings of the 25th Conference on Computational Natural Language Learning*, 2021, November. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.conll-1.15>

19. Amini A., Pimentel T., Meister C., Cotterell R. Naturalistic Causal Probing for Morpho-Syntax. *Transactions of the ACL*, 2023, vol. 11, pp. 384–403. https://doi.org/10.1162/tacl_a_00554

20. Hewitt J., Ethayarajh K., Liang P., Manning C. D. Conditional probing: Measuring usable information beyond a baseline. *Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2021, November, pp. 1626–1639. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.emnlp-main.122>

21. Kozhina M. N. *Rechevedenie: teoriya funktsional'noj stilistiki: izbrannyye trudy* [Speech studies: Theory of functional stylistics: Selected works]. Moscow, Flinta, Nauka, 2020. 624 p. (in Russian).

22. Golovin B. N. *Osnovy kultury rechi* [The basics of speech culture]. Moscow, Vysshaya skola, 1988. 320 p. (in Russian).

23. Gausenblas K. Is there a “neutral style”? In: *Funktsional'naja stilistika: teoriya stilej i ikh jazykovaja realizatsiya* [Functional stylistics: Theory of styles and their linguistic implementation]. Perm, Perm University Publ., 1986, pp. 19–22 (in Russian).

24. Yan X., Han J. Graph-based substructure pattern mining. *IEEE International Conference on Data Mining*, 2002, Proceedings, pp. 721–724. <https://doi.org/10.1109/ICDM.2002.1184038>

25. Suvorov R. E., Sochenkov I. V. Method for detecting relationships between sci-tech documents based on topic importance characteristic. *Artificial Intelligence and Decision Making*, 2013, no. 1, pp. 33–40 (in Russian).

26. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Literary theory]. Moscow, Vysshaya skola, 2002. 437 p. (in Russian).

27. Lagutina K. V., Boychuk E. I., Lagutina N. S. Automatic Classification of Russian-Language Internet Texts by Genre. *Artificial Intelligence and Decision Making*, 2023, no. 4, pp. 103–114 (in Russian). <https://doi.org/10.14357/20718594230410>

28. Arutyunova N. D. Genres of communication. In: *Chelovecheskij faktor v jazyke: kommunikatsiya, modal'nost', dejksis: kol. monografiya. Otv. red. T. V. Bulygina* [Bulygina T. V., ed. The human factor in language: Communication, modality, deixis: Collective monograph]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 52–56 (in Russian).

29. Enikolopov S. N., Medvedeva T. I., Vorontsova O. Yu. Linguistic text characteristics in de-

pression and schizophrenia. *Medical Psychology in Russia*, 2019, vol. 11, no. 5 (58). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2019_5_58/nomer02.php (accessed February 20, 2024) (in Russian).

30. Kuznetsova Y., Chudova N., Salimovsky V., Sharypina D., Devyatkin D. Possibilities of Automatic Detection of Reactions to Frustration in Social Networks. *CEUR Workshop Proceedings. IMS 2021. Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society”*. Saint Petersburg, 2021, pp. 159–168.

31. Kostomarov V. G. *Nash jazyk v dejstvii* [Our language in action]. Moscow, Gardariki, 2005. 287 p. (in Russian).

32. Matveyeva T. V. *Funktsionalnyye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional styles in the aspect of text categories]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1990. 172 p. (in Russian).

33. Solganik G. Ya. Modern journalistic picture of the world. In: *Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve: sbornik statei* [Journalism and information in modern society: Coll. of articles]. Moscow, Moscow University Press, 2000, pp. 9–23 (in Russian).

34. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. In: *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, 2019, volume 1 (Long and Short Papers)*, pp. 4171–4186. <https://doi.org/10.18653/v1/N19-1423>

35. Zmitrovich D., Abramov A., Kalmykov A., Tikhonova M., Taktasheva E., Astafurov D., Baushenko M., Snegirev A., Kadulin V., Markov S., Shavrina T., Mikhailov V., Fenogenova A. A Family of Pretrained Transformer Language Models for Russian. *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*. Torino, Italia, 2024, pp. 507–524.

36. Ljashevskaja O. N., Plungjan V. A., Sichi- nava D. V. About the morphological standard of the National Corpus of the Russian Language. In: *Natsional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003–2005* [National Corpus of the Russian Language: 2003–2005]. Moscow, Indrik, 2010, pp. 111–135 (in Russian).

37. Kuznetsov I., Gurevych I. A matter of framing: The impact of linguistic formalism on probing results. *Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*, 2020, November, pp. 171–182. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.emnlp-main.13>

38. D'yachenko S. V., Iomdin L. L., Mityushin L. G., Lazurskii A. V., Podlesskaya O. Yu., Sizov V. G., Frolova T. I., Tsinman L. L. A deeply annotated corpus of Russian texts: Contemporary state of affairs (SinTagRus). *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2015, no. 3 (6), pp. 272–300 (in Russian).

39. Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekonom. izd-vo, 1934. 324 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 08.07.2024; published 28.02.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 24–33

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 24–33

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR

Научная статья

УДК 811.161.1'38

Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы?

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. В статье обсуждается правомерность и целесообразность использования в современном жанроведении понятия *жанросферы*, по аналогии с другими «сферами», используемыми во многих современных гуманитарных науках, например, в концептологии.

Автор приходит к выводу, что жанросфера объективно существует, но у использования жанросферы как понятия жанроведения существуют тоже объективные плюсы и минусы.

Рассматривается возможный состав жанросферы: совокупность всех РЖ/речежанровое пространство отдельной национальной культуры в данный период и в динамике; отдельной внутрикультурной субкультуры; отдельной возрастной субкультуры. В жанросферу не входят речевые акты, тональности, стили, стратегии и тактики, типаж, прецедентные тексты, а также собственно языковые единицы разных типов и уровней.

Обсуждаются задачи «теории жанросфер» и задачи ТРЖ, решению которых способствует использование понятия *жанросферы*: упорядочение представлений о структуре коммуникативных концептов и в их составе – РЖ, национальная жанросфера и национальная культура, генрогенные ситуации, антология (энциклопедия, словарь) РЖ, типология РЖ.

Отдельное микроисследование посвящено категориям, сценариям и т. п. русской жанросферы (значимость концепта *общения*, *коммуникативной персональности*, большая и меньшая проработанность отдельных жанров, внутрижанровых тональностей и ценностей, таких как *искренность*, *справедливость*, *прямота*, *вежливость*, *комплимент*).

В качестве доводов «против» использования в жанроведении понятия жанросферы приводятся и обсуждаются недостаточная разработанность методологии жанроведения, отсутствие новых специальных методов и приемов, которые использовались бы при изучении жанросферы, а также то, что на современном этапе развития жанроведения данное понятие воспринимается как во многом избыточное по отношению к таким активно и успешно разрабатываемым понятиям, как *речежанровая картина современности*, *речежанровое пространство*, *околожанровое пространство речи*.

Ключевые слова: жанросфера, речежанровое пространство, речежанровая картина современности, типология РЖ, метатипология РЖ, антология, энциклопедия РЖ

Для цитирования: Дементьев В. В. Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Do genre studies need the concept of genre sphere?

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article discusses the legitimacy and appropriateness of using the concept of genre sphere in modern genre studies, by analogy with other “spheres” used in many modern humanities, for example, in conceptology.

The author concludes that the genre sphere objectively exists, but the use of the genre sphere as a concept in genre studies also has objective pros and cons.

The paper analyzes the possible composition of the genre sphere: the totality of all speech genres/speech-genre space of a separate national culture in a given period and in dynamics; a separate intra-cultural subculture; a separate age subculture. The genre sphere does not include speech acts, tonalities, styles, strategies and tactics, types, precedent texts, as well as actual linguistic units of different types and levels.

The paper focuses on the tasks of the “genre sphere theory” and the tasks of genre studies, the solution of which is facilitated by the use of the concept of the genre sphere: the ordering of ideas about the structure of communicative concepts and in their composition – speech genre, national genre sphere and national culture, genrogenic situations, anthology (encyclopedia, dictionary) of speech genres, typology of speech genres. A separate micro-study deals with the categories, scenarios, etc. of the Russian genre sphere (the significance of the concept of communication, communicative personality, greater and lesser elaboration of individual genres, intra-genre tonalities and values, such as *iskrennost'* (≈‘sincerity’), *spravedlivost'* (≈‘fairness’), *pryamota* (≈‘directness’), *vezhlivost'* (≈‘politeness’), *kompliment* (≈‘compliment’)). The arguments “against” the use of the concept of genre sphere in genre studies include the insufficient development of the methodology of genre studies, the absence of new special methods and techniques that would be used in studying the genre sphere, as well as the fact that at the current stage of development of genre studies, this concept is perceived as largely redundant in relation to such actively and successfully developed concepts as the speech-genre picture of the modern era, speech-genre space, and near-genre space of speech.

Keywords: genre sphere, speech-genre space, speech-genre picture of the modern era, typology of speech genres, metatypology of speech genre, anthology, encyclopedia of speech genres

For citation: Dementyev V. V. Do genre studies need the concept of genre sphere? *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 24–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Понятие *жанросферы* является интуитивно ясным, встает в один ряд с другими «сферами», активно используемыми в ряде современных гуманитарных наук (например, в концептологии, связь которой с теорией речевых жанров является непосредственной (см. [1]), но при этом практически не используется современными жанроведами, за очень редким исключением (например, *жанросферу* вскользь упоминает Н. О. Мех [2]).

Одна из причин состоит в том, что на современном этапе развития теории речевых жанров (ТРЖ) данное понятие воспринимается как во многом избыточное по отношению к активно и успешно разрабатываемым *типологии* речевых жанров (РЖ) (или, скорее, различным *типологиям* и *метатипологии*), *речежанровой* (или *речевой*) *картине* (мира, современности), а также таким более-менее регулярно используемым понятиям, как *речежанровое пространство* или *жанровое пространство речи* или даже *околожанровое пространство речи* (термин В. Е. Гольдина).

Мы считаем, что *жанросфера* как явление объективно существует, но у использования *жанросферы* как понятия жанроведения существуют тоже объективные плюсы и минусы, обусловленные как природой данного явления, так и состоянием науки.

Рассмотрению и тех, и других посвящена настоящая статья.

Понятие жанросферы в жанроведении и ее отношение к «сферам» в других науках

В науковедческом отношении опыт использования в жанроведении понятия *жанросферы* – далеко не первая попытка создать гибридный термин с ясной, хотя ломающей сложившуюся на данный момент традицию внутренней формой. Так, являясь традиционными терминами-понятиями в соответствующих науках: негуманитарных – *атмосфера*, *стратосфера*, *ионосфера*, *гидросфера*, *литосфера*, *биосфера* (Э. Зюсс), *экосфера* (Л. Коул), гуманитарных – *ноосфера* (В. И. Вернадский), *семиосфера* (Ю. М. Лотман), *концептосфера* (Д. С. Лихачев).

Ноосфера, согласно В. И. Вернадскому, – сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития: «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе <...>. Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного» [3: 288].

Семиосфера, в понимании Ю. М. Лотмана, – «присущее данной культуре семиотическое, знаковое пространство, структурно организованное естествен-

ным языком» [4]. Семиосфера, согласно Лотману, характеризуется рядом существенных признаков. К ним он относит: бинарность и асимметрию; неоднородность; отграниченность; семиотическую неравномерность. Семиосфера всегда соприкасается с другими семиосферами в результате чего, например, возникают койне.

Elibrary.ru выдает 131 работу по *семиосфере* по специальности «Языкознание», в том числе 18 диссертаций.

Подобным образом понятие *концептосферы*, введенное Д. С. Лихачевым, буквально мгновенно вошло в лингвоконцептологию, став там одним из центральных понятий. «Богатство языка определяется не только богатством “словарного запаса” и грамматических возможностей, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителем которой является язык человека и его нации» [5: 8]. Поскольку основная часть концептов является оязыковленной, то структура и состав языковых средств не могут не отразиться на языковой и концептуальной картинах мира. При этом «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации» [Там же: 4].

Elibrary.ru выдает 1507 работ (!) по *концептосфере* по специальности «Языкознание», в том числе 285 диссертаций.

Наконец, непосредственно в теории дискурса и жанроведении довольно широко используются более частные «сферы», например, *блогосфера*, успевшая стать термином.

Блогосфера (от англ. *blogosphere*) – термин, обозначающий совокупность всех блогов как сообщество или социальную сеть. Существующие в мире десятки миллионов (по данным 2006 года) блогов обычно тесно связаны между собой, блогеры читают и комментируют друг друга, ссылаются друг на друга и таким образом создают свою субкультуру (статья в Википедии).

Elibrary.ru выдает 348 работ по *блогосфере* по специальности «Языкознание», в том числе 22 диссертации.

По аналогии можно предположить скорое появление в когнитивной лингвистике, дискурсивной теории и подобных таких терминов, как *дискурсосфера* (тоже уже упоминалось и тоже вскользь [6]), *мемосфера* [7], *цифросфера* [8], *новостесфера* (не было, возможно, из-за неблагозвучности), *стилесфера* (не было – возможно, потому что во многих концепциях стиль и понимается как сфера функционирования соответствующей подсистемы языка), *юморосфера*, *анекдотосфера*, *типажесфера* и т. п.

Подобным образом обстоят дела с понятием «*картины*», введенного в научную терминологическую систему Л. Вайсгербером (а до него, по сути, составляло важную концепцию, хотя без специального термина, американской этнолингвистики, в частности, гипотезы лингвистической относительности Сепира–Уорфа, идеи которой, как известно,

восходят еще к концепции языка В. фон Гумбольдта).

Иногда концептуальную картину мира идентифицируют с концептосферой [9], где этноязыковая концептосфера часто понимается как «совокупность знаний, когнитивно-культурное пространство, конструктивными единицами которого выступают концепты» [10: 89].

Языковая картина мира приравнивалась к *наивной картине мира* (Ю. Д. Апресян) и противопоставлялась *научной картине мира*; сейчас активно используются, наряду с понятиями *языковая картина мира*, понятия *языковая / речевая картина мира / современности / России* – ср., например, разрабатываемую И. В. Анненковой *медиакартину мира* [11].

Elibrary.ru выдает 5098 работ (!!) по *языковой картине мира* по специальности Языкознание, в том числе 818 диссертаций.

Термин *жанросфера*, таким образом, уже довольно давно «просится» в теории речевых жанров.

Дело, конечно, не столько в термине как таковом, сколько в востребованности в существующей понятийной системе – в данном случае жанроведческой – понятия, этим термином именуемого: а) несовпадении с другими разработанными там; б) совместимости с ними; в) значимости как для отдельного РЖ, так и для их совокупности; г) структурности (т. е. пригодности для научного анализа).

Как мы уже сказали, *жанросфера* объективно существует. Назовем ее главные свойства.

Жанросфера есть важный слой в речевом пространстве того или иного этноса, социума, периода, характеризующийся тем, что 1) все его компоненты – жанры речи; 2) они связаны друг с другом, в этой связи есть закономерности, категории, организующие бытование и взаимные отношения жанров, их групп и подгрупп; 3) существует динамика жанросферы, можно выявить тенденции и закономерности в ее развитии, во многом, но далеко не полностью обусловленные более общими социальными тенденциями.

Все системные отношения внутри жанросферы также имеют речеганровую природу: с одной стороны, обусловлены свойствами образующих жанросферу жанров, с другой – влияют на жанры, в частности, делая их отличными от аналогов в других национальных жанросферах. Для адекватного понимания одного отдельно взятого жанра необходимо привлекать и жанросферу, и место рассматриваемого жанра в жанросфере. Конкретные жанрово релевантные категории должны применяться к жанру через призму жанросферы; сюда же относятся более частные аксиологические характеристики: положительно и отрицательно оцениваться может (не)владение данным жанром, его исполнение.

Жанросфера выступает как пространство и наиболее естественного, и наиболее показательного, и наиболее яркого бытования жанров речи, при этом жанросфера, будучи более гомогенна, чем речевая картина современности (или мира, или страны, и т. п.), строго говоря, далеко не гомогенна: ее составляют жанры разных типов (с точки зрения разных классификаций), в частности:

- первичные и вторичные жанры (в разных пониманиях вторичности);
- художественные и нехудожественные жанры – «художественная» часть жанросферы, с одной стороны, лучше изучена (филологами, литературоведами, критиками), с другой, конечно, наиболее специфична;
- жанры нарождающиеся (а также заимствованные и заимствуемые) и еще не вполне вошедшие в язык, речь, речевую коммуникацию, меняющиеся (иногда – буквально на глазах исследователя) (например, под воздействием тех «внутрижанросферных» категорий, о которых говорилось выше); жанры устаревающие; жанры маркированные социально (присущие узким микрогруппам, в том числе специфическим для данного социума профессиональным и / или идеологическим сообществам, например, волонтерские (см. [12; 13]) и возрастное.

Жанросфера включает не только совокупность в речевом пространстве всех жанров речи, но и изменения / тенденции некоторых (по крайней мере, наиболее влиятельных) жанров, вплоть до переакцентуации и развития вторичных (т. е. уже других) РЖ. Например, в предреволюционную эпоху на влиятельные в обществе жанры было сильно влияние разнородной книжности, в революционную – «пролетарского языка», раннесоветскую – канцелярита, позднесоветскую – телевидения. Общение в коммунальной квартире и его жанры, в 1930–1950-е актуальные для сотен миллионов советских людей; жанр «очередь за дефицитом», в 1960–1980-е актуальный для десятков миллионов [14]; «кухонные разговоры» (политические и не-), в 1960–1970-е актуальные для миллионов интеллигентов, сегодня неактуальны.

Зато настоящими «законодателями речевых жанровых норм» становятся популярные телеведущие, например, политических ток-шоу, блогеры.

Изучение жанросферы предполагает как **анализ** (инвариантная модель – список ее параметров), так и как **синтез**: мировая жанросфера; жанросфера современного российского (американского, англоязычного, китайского...) коммуникативного пространства; жанросфера политики и жанросфера современного (российского, американского) политического

дискурса; жанросфера педагогики и жанросфера современного российского педагогического дискурса; жанросфера как часть речевого портрета (человека, социальной группы, страта / среза общества); жанросфера конкретного писателя; жанросфера конкретного персонажа романа / фильма / телесериала; жанросфера стиля (какого), жанросфера литературного направления (романтизма, реализма); жанросфера лингвокультурного типажа; жанросфера (речежанровой) теории (≈ список конкретных жанров, описываемых и упоминаемых, например, М. М. Бахтиным, Т. В. Шмелевой и т. д.); жанросфера издания (о жанрах) (например, журнала «Жанры речи») и т. п.

Состав жанросферы

- глобальная совокупность всех РЖ (она же = речежанровое пространство);
- совокупность всех РЖ / речежанровое пространство отдельной национальной культуры (в данный период и в динамике);
- совокупность всех РЖ / речежанровое пространство отдельной внутрикультурной субкультуры (элитарной, просторечной, народной, узкопрофессиональной, идеологической (например, феминистской));
- совокупность всех РЖ / речежанровое пространство (и последовательность овладения отдельными РЖ) отдельной возрастной субкультуры (детской, подростковой, молодежной) (см.: [15: 12]).

Феномены, представляющие собой отдельные аспекты или части жанросферы, рассматривались в различных разделах жанроведения, без использования термина *жанросфера*, как аспекты и проявления других феноменов (например, внутрижанровых сценариев, ценностей [16; 17], участков речевой картины современности [18–20]).

Методически важно подчеркнуть также, что *не* входит в жанросферу (это не всегда очевидно): *не* входят речевые акты, тональности, стили, стратегии и тактики, типаж (и все типы языковых личностей); прецедентные тексты (и вообще все созданные конкретными авторами тексты (книги, фильмы)); собственно языковые единицы разных типов и уровней: предложения, слова; а также разнообразные неязыковые (и некоммуникативные) единицы, обусловленные развитием техники, конкретные устройства, гаджеты, а также, вероятно, мода, идеология, политические течения и партии, хотя все они, конечно, могут пересекаться со значимыми для жанросферы речевыми единицами и нормами (и жанрами).

Отношение жанросферы и речевой картины современности

Отношение жанросферы и речевой картины современности отчасти напоминает отношение концептосферы и языковой картины мира (ЯКМ) (концептосфера = все концепты в системе, тогда как ЯКМ составляют и все лексемы, и метафорические модели): речевая картина современности = тоже все лексемы – имена всех речевых жанров и других компонентов и единиц, а также коммуникативных ролей, типажей.

В концептологии, сравнение с которой, по-видимому, неизбежно, как известно, используется и понятие *концептосферы*, и понятие *языковой картины мира*. Различия между ними тонкие и не всегда очевидные, но есть: «концептосфера – это прежде всего полевое образование со всеми присущими ему атрибутами (возможность наложения, взаимопроникновения полей), в то время как концептуальная картина мира – своеобразная схема (плоскостное изображение), предполагающая ментальное представление мироздания в виде отдельных (дискретных), хотя и взаимосвязанных фрагментов» [21: 12].

В *концептосфере* в большей степени делается акцент на структурность, наличие единых для всех частей *концептосферы* принципов, тогда как ЯКМ – на возможность / обязательность «взгляда через». Сходство РЖ с концептами несомненно (собственно, РЖ и представляют собой коммуникативные концепты, точнее, один из компонентов коммуникативного концепта наряду с другими звеньями цепочек речежанровой системности [20]): РЖ тоже, не менее, чем концепт, предполагают «взгляд на мир через призму себя»; что же касается общих структурных принципов, организующих группы и целую совокупность жанров, они, пожалуй, еще более значимы, чем у концептов (хотя выделять и изучать их иногда тоже очень трудно) [22].

Таким образом, для того чтобы адекватно определить понятие жанросферы, отделить от смежных понятий, необходимо очень хорошо понимать:

- что такое РЖ и почему он занимает такое важное место в человеческой жизни, коммуникации, культуре, истории, современности;
- что такое РЖ по отношению к более-менее смежным (и тоже важным в человеческой жизни) феноменам: стилю, дискурсу, речевому акту (РА);
- какие бывают типы РЖ (с разных точек зрения);
- универсальные и национально-специфические РЖ (и «эпоха-специфические» –

ср. *проработку* в раннесоветский период; *сообщения на пейджер* в 1990-е гг.), для последних – национальные варианты типов РЖ (как национальная культура может обуславливать неуместность тех или иных типов РЖ, их несовместимость друг с другом – и, наоборот, особую ценность определенных РЖ);

- какие сочетания жанров, жанровые поля с разными РЖ в качестве полеобразующих (в ядерной части полей) существуют и являются наиболее распространенными (национальные типы жанросфер).

Задачи «теории жанросфер» и задачи ТРЖ, решению которых способствует использование понятия жанросферы

К главным доводам «за» использование понятия *жанросферы* в жанроведении, безусловно, относится существование целого ряда проблем, значимых для ТРЖ в целом, решению которых способствует использование понятия *жанросферы*:

- общее упорядочение представлений о структуре коммуникативных концептов = «звеньев цепочек речежанровой системности»: коммуникативные концепты в концептосфере → структурирование жанросферы: некоторые значимые основания членения → цепочки речежанровой системности (у этого подхода сильный, и не всегда оправданно, лексический аспект – данный недостаток присущ концептологии в целом), в том числе жанры, место всех их в жанросфере;
- (национальная) жанросфера и национальная культура:
 - «Жанры как лучшие ключи к пониманию национальной культуры» (А. Вежбицкая) → возможное сопоставление национальных жанросфер;
 - Национальные культурные сценарии (по А. Вежбицкой) как организующее начало (конечно, не единственное) жанросферы;
- (национальная русская) жанросфера и (русская) речевая картина современности [20]:
 - Членение (современного русского) коммуникативно-речевого пространства, (старые и новые) ориентиры и тенденции;
 - Модельные языковые личности в нем и используемые ими речевые жанры;
- жанросфера и генрогенные ситуации, т. е. речежанрово маркированные, показательные для представления того или иного РЖ в данной национальной культуре;

- жанросфера и антология (энциклопедия, словарь) РЖ (методологический аспект);
- жанросфера и типология РЖ (≈ место РЖ в жанросфере как основание типологии РЖ). Ср. шкалу: типология РЖ (наиболее структурированная сущность) ~ жанросфера (ее системность несомненна, но далеко не вполне ясна) ~ антология (прикладной аспект) ~ энциклопедия ~ наконец, список / набор / совокупность РЖ (системности нет или еще не усмотрена). Жанросфера объединяет все РЖ, относящиеся к разным типам, с точки зрения разных классификаций. В результате используемые классификации где-то уточняются: жанры внутри данной жанросферы следует рассматривать с учетом категорий данной жанросферы, не пытаясь приписать им свойства / положить в основу классификации свойства, противоречащие данной жанросфере или несовместимые друг с другом в пределах данной жанросферы;
- жанросфера и типы дискурса, коммуникативного пространства: жанросфера науки / научного дискурса, религии / религиозного дискурса, политики, рекламы (решение этой проблемы производно от членимости типа дискурса на жанры), а также:
 - членение стиля на жанры;
 - членение гипержанра на жанры (по К. Ф. Седову): ср. жанросфера свадьбы, защиты диссертации, а также «разговора вообще» (по К. Ф. Седову, «разговор вообще» – гипержанр по отношению к жанрам: разговору на общие темы, светскому разговору, разговору по душам);
 - национальная (русская) жанросфера;
 - социальная (профессиональная, например, педагогическая, медицинская) жанросфера;
 - жанросфера детской речи (и отдельно по возрастам);
 - жанросфера конфликта / конфликтной коммуникации;
 - «жанросфера сотрудничества» (в отличие от конфликта, пока только в кавычках) (ср. *комплаенс* в бизнесе, медицине);
 - жанросфера иронии;
 - жанросфера (современной русской) литературы → жанросфера сатиры, комедии;
 - жанросфера кино, театра;
 - жанросфера писателя;
 - жанросфера типажа, типа языковой личности (например, акцентуированной, элитарной, маргинальной, психопатической).

Во всех этих сочетаниях слово *жанросфера* приобретает несколько разные значения – выступает в параметризованном виде, с актуализированной разной структурой, разные компоненты которой выходят на первый план.

Всё это, возможно, темы отдельных будущих исследований (жанросфера конфликта, жанросфера писателя – несомненно).

Категории, сценарии и т. п. русской жанросферы

Как уже было сказано, конкретные жанры, входящие в состав русской жанросферы (как и любой другой национальной жанросферы), должны рассматриваться в связи с категориями, сценариями и др. фундаментальными идеями, объединяющими все жанры и жанровые оппозиции, группы и т. д. (безэквивалентные слова – названия уникальных безэквивалентных русских РЖ, в том числе ключевых РЖ, – важная, но далеко не единственная проблема данного направления). На роль таких идей могут претендовать русские культурные сценарии (по А. Вежбицкой) **соборности** и **фатической центробежности**.

К сценариям и др. базовым, ценностным закономерностям русской жанросферы также относятся:

- большая значимость и большая оценочность компонентов в составе концепта (макроконцепта) **общения**, чем в других национальных жанросферах, отсюда – большее количество и проработанность отдельных ненейтральных фатических жанров (*разговор по душам*); типов тональности, накладываемых (продуктивно) на тот или иной жанр (*уважение, искренность, задушевность*), и меньшая – для других (*вежливость, светскость*);
- большая проработанность «краев» фатического коммуникативного пространства, чем его середина, составляемая жанрами лично-нейтрального общения (ср. отсутствие *small talk* и его ближайших аналогов (*светская беседа* – не нейтральный жанр) [23], а также нейтрального обращения);
- значимость **коммуникативной персональности** (оппозиция [Р] ~ [-Р]) [17, 24];
- значимость шифтерных концептов (входящих в оппозиции) *искренности, справедливости* (отсюда – малопроработанность *комплимента* и подоб. ([25, 26] и др.);
- соответственно в **прагматике** – множественность соответствующих внутрижанровых стратегий (субжанров) и тактик и малопроработанность других (того же *комплимента*, категории *вежливости*) [27];
- соответственно в **лексике и идиоматике** – множественность имен для таких оценоч-

ных явлений и малочисленность (до белых пятен) жанров личностно-нейтрального общения (упомянутое отсутствие русского эквивалента *small talk*);

- малая значимость не прямой коммуникации, точнее, планируемой не прямой коммуникации – ср. тенденцию косвенных РА к «утрате косвенности», т. е. невозможности использования в прямом значении, для чего они трансформируются в отрицательные с «не-»: *Вы не могли бы...?* [28];
- подчинение этим константным идеям / сценариям новых тенденций в речевой картине современности [20].

Этими сценариями обуславливается система поведенческих и речежанровых ценностей, структура индивидуальной речежанровой компетенции русской модельной языковой личности: наличие белых пятен в определенных местах этой речежанровой компетенции является критическим и неизвинимым, в других же местах – естественным и извинимым (соотечественники обычно с готовностью и даже удовольствием извиняют, например, молоденькую эмоциональную спортсменку, которая в интервью и подоб. выражается коряво); этим обуславливаются и оценки, и конфликты, и возможные аномалии общения, и, конечно, требования, которые должны быть учтены при обучении аутсайдеров (русский язык как иностранный).

Вместо заключения: так нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? (доводы «за» и «против»)

«ЗА»:

- 1) упорядочивается картина, теория, методика жанроведения: членение ТРЖ и принципы этого членения, отношения между отдельными разделами и направлениями ТРЖ, задачи, стоящие перед каждым из направлений, присущие им качества материала;
- 2) упорядочиваются основания «метатипологии» жанров (жанросферу объединяют, организуют, систематизируют принципы, которые и взяты из типологии РЖ, вернее, разных типологий, которые тем самым неизбежно как-то соотносятся друг с другом);
- 3) жанросфера существует как более упорядоченный феномен, чем простая совокупность жанров и / или совокупность «всего жанрового»: компонентов концептов, но и не такой односторонний и узкий, как типология, тем самым – упорядочиваются отношения между «жанрами науки о жанрах» (=методики): ср. шкалу: типология ~ сфера ~ антология ~ энциклопедия ~ список / набор / совокупность;

- 4) упорядочиваются отношения между жанросферой и более традиционно изучаемыми «сферами»: концептосферой и т. п., тем самым несколько дополнительно проясняются эти последние (включая гипотетические или отчасти гипотетические «сферы», такие как «дискурссфера», «стилесфера», «типажесфера» и т. п.);
- 5) речежанровая диахрония, в том числе прогностика, является важной частью системных отношений внутри жанросферы;
- 6) жанросфера конфликта, жанросфера конкретного писателя и подоб. – перспективные темы будущих самостоятельных исследований;
- 7) (практический) дополнительный вклад в построение Антологии / Энциклопедии РЖ;
- 8) возможно, введение понятия жанросферы и использование «взгляда через ее призму» будет способствовать лучшему пониманию ряда речекоммуникативных феноменов (сценарии, внутрижанровые коммуникативные ценности и подоб.), которые, будучи рассмотрены только через жанры и их систему, т. е. «без примесей» иных единиц, станут в чем-то яснее;
- 9) есть надежда также упорядочить отношения собственно системы / картины / «палитры» жанров и феноменов околожанрового пространства речи (РА, стратегии, тактики, «внутрижанровые стратегии») – до сих пор провести между ними четкую границу, в общем, не удавалось – во многом потому, что ни за одним из разделов жанроведения не была закреплена такая задача; в ведение же жанросферы эта задача входит естественным образом;
- 10) таким образом, понятие жанросферы должно обогатить не только жанроведение, но и речеведение.

«ПРОТИВ»:

- 1) учитывая, что методология (отчасти и теория) жанроведения и в его составе – типологии и особенно метатипологии РЖ – еще далеко не вполне разработана, вряд ли новое привлекаемое понятие добавит ясности и системности: на данном этапе, скорее, наоборот;
- 2) уже имеющихся понятий (типология, энциклопедия, в том числе национальные энциклопедии) вполне достаточно для жанроведения (по крайней мере, в современном виде: в составе решаемых сегодня задач) и адекватного представления объекта – жанров и их системных отношений: данная предметная область при таком взгляде на нее не требует введения новых сущностей. При этом (методически) по сравнению с жанросферой во многих отношениях

- выигрывает **Энциклопедия** РЖ: стремление к максимально большому (→ полному) описанию всех РЖ (данной культуры) по одной схеме (структура статей в Энциклопедии) и / или **Антология** (предполагает, в отличие от Энциклопедии, наличие не только статей по конкретным РЖ, но и общих / общетеоретических статей; вообще в Антологии обычно предполагается более глубокая, чем в Энциклопедии, проработка отдельных феноменов – в том числе современных состояний / изменений отдельных жанров, а это минимизирует преимущества жанросферы);
- 3) последовательная проработка понятия концептосферы предполагает выделение и специальное рассмотрение системы коммуникативных концептов (включая их различные компоненты, где РЖ – один из многих); понятие жанросферы же = участку сферы / системы коммуникативных концептов, при одинаковой или почти одинаковой методике их рассмотрения (коммуникативно-концептологической);
 - 4) понятие жанросферы не предполагает (по крайней мере, на настоящем этапе) создания и использования новых специальных методов и приемов, наподобие семантического метаязыка А. Вежбицкой;
 - 5) развивающееся сейчас интегральное описание речевых жанров (включающее и речевую картину современности, и систему коммуникативных концептов (где РЖ – один из многих компонентов), и генрогенные ситуации, и метатипологию) делает понятие жанросферы во многом избыточным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. 438 с.
2. Мех Н. О. Жанросфера сучасної української наукової комунікації // Мова і міжкультурна комунікація. 2017. Вип. 1. С. 64–73.
3. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство – СПб, 2000. 704 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН ОЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
6. Менджеричкая Е. О. Дискурсорфера печатных СМИ: игра на выживание. М. : МАКС Пресс, 2017. 310 с.
7. Kamińska M. Memosfera. Wprowadzenie do cyberkulturoznawstwa. Poznań: Galeria Miejska Arsenał, 2017. 285 s.
8. Волков Д. В. Управление цифросферой как приоритетный ресурс прорывного социально-экономического развития // Будущее экономики России: роль цифросферы. Вызовы, угрозы, решения / под науч. ред. И. М. Братищева. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 133–149.
9. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. Ломоносова М. В., 1996. 245 с. С. 90–93.
10. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград : Перемена, 2003. 248 с.
11. Анненкова И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 60 с.
12. Дементьев В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 305–326. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>
13. Елина Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 193–199. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>
14. Прозоров В. В. Очередь за дефицитом как речевой жанр // Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 271–278.
15. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY
16. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>
17. Дементьев В. В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
18. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 9–14.
19. Мкртычян С. В. Речевой жанр: о единицах структурирования продукта речевой деятельности // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 15–22.
20. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
21. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. 287 с.
22. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–49.
23. Фенина В. В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.
24. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком ; Языки славянских культур, 2013. 338 с. (Studia Philologica).
25. Стернин И. А. Почему русский человек не любит светское общение? // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 278–283.

26. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 66–88.

27. Седов К. Ф. Комплимент – речевой жанр суггестивного дискурса // Жанры речи : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Деметьев. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 225–235.

28. Деметьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник Российского университета дружбы народов: Научный журнал. Серия Лингвистика. 2018. Т. 22, № 4. Культурная семантика и прагматика: к юбилею Анны Вежицкой. С. 919–944. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944>

REFERENCES

1. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Otv. red. V. V. Demytyev* [Demytyev V. V., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts]. Iss. 4. Genre and concept. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2005. 438 p. (in Russian).
2. Mekh N. O. Genre sphere of modern Ukrainian scientific communication. *Language and Intercultural Communication*, 2017, iss. 1, pp. 64–73 (in Ukrainian).
3. Vernadsky V. I. Autotrophy of Humanity. In: *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought]. Moscow, Pedagogy-Press, 1993, pp. 288–303 (in Russian).
4. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo – SPb, 2000. 704 p. (in Russian).
5. Likhachev D. S. Conceptual sphere of the Russian language. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series*, 1993, vol. 52, no. 1, pp. 3–9 (in Russian).
6. Mendzheritskaya E. O. *Diskursosfera pechatnykh SMI: igra na vyzhivaniye* [Discourse sphere of printed media: A game of survival]. Moscow, MAKSS Press, 2017. 310 p. (in Russian).
7. Kamińska M. *Memosfera. Wprowadzenie do cyberkulturoznawstwa* [Memosphere. Introduction to cybercultural studies]. Poznań, Galeria Miejska Arsenał, 2017. 285 s. (in Polish).
8. Volkov D. V. Digital sphere management as a priority resource for breakthrough socio-economic development. In: *Budushcheye ekonomiki Rossii: rol' tsifrosoy. Vyzovy, ugrozy, resheniya. Pod red. I. M. Bratishcheva* [Bratishchev I. M., ed. The future of the Russian economy: The role of the digital sphere. Challenges, threats, solutions. Saint Petersburg, Center of science and information technology “Asterion”, 2022, pp. 133–149 (in Russian).
9. Kubryakova E. S. Concept. In: Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. Pod red. E. S. Kubryakovoy* [Kubryakova E. S., total ed. Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, Philological faculty of Lomonosov Moscow State University, 1996, pp. 90–93 (in Russian).
10. Alefirenko N. F. *Problemy verbalizatsii kontsepta: Teoreticheskoye issledovaniye* [Problems of concept verbalization: Theoretical study]. Volgograd, Peremena, 2003. 248 p. (in Russian).
11. Annenkova I. V. *Modern Media Picture of the World: Neo-rhetorical Model (linguo-philosophical aspect)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2012. 60 p. (in Russian).
12. Demytyev V. V. Heart-moving stories about kit-ties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 305–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>
13. Elina E. G. The oral narrative of a student activist as a speech genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>
14. Prozorov V. V. Queue for deficit as a speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Otv. red. V. V. Demytyev. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Demytyev V. V., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts]. Iss. 6. Genre and Language. Saratov, ITS “Nauka”, 2009, pp. 271–278 (in Russian).
15. Demytyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY
16. Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a speech genre identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>
17. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).
18. Krasnykh V. V. Speech genres through the prism of the multidimensionality of *Homo Loquens*. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 9–14 (in Russian).
19. Mkrtichyan S. V. Speech genre: The unit of product structuring of speech activity. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 15–22 (in Russian).
20. Demytyev V. V. The theory of speech genres and actual processes of the modern speech. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
21. Kosharnaya S. A. *Mif i yazyk: opyt lingvokulturologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira* [Myth and language: An experience of linguocultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2002. 287 p. (in Russian).
22. Slyshkin G. G. Speech genre: Prospects of conceptology analysis. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Pod red. V. V. Demytyeva* [Demytyev V. V., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts]. Iss. 4. Genre and concept. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2005, pp. 34–49 (in Russian).
23. Fenina V. V. *Speech Genres “Small Talk” and “Svetskaya Beseda” in the Anglo-American and Russian Cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian).
24. Demytyev V. V. *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Kom, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 338 p. (Studia Philologica) (in Russian).
25. Sternin I. A. Why Russian people do not like secular communication? In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. st. Otv. red. V. V. Demytyev* [Demytyev V. V., ed. Direct and indirect communication: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2003, pp. 278–283 (in Russian).
26. Fedosyuk M. Yu. Research means of speech influence and theory of speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch.*

st. Vyp. 1. Pod red. V. E. Goldina [Goldin V. E., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts]. Iss. 1. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 66–88 (in Russian).

27. Sedov K. F. Compliment is a speech genre of suggestive discourse. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Pod red. V. V. Dementyeva* [Dementyev V. V., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts]. Iss. 7. Saratov, ITS "Nauka", 2011, pp. 225–235 (in Russian).

28. Dementyev V. V. Indirect communication in the Russian speech culture. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, vol. 22, no. (4), pp. 919–944 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944>

Поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024; принята к публикации 26.07.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 26.07.2024; accepted for publication 26.07.2024; published 28.02.2025

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 34–40

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 34–40

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-34-40>, EDN: IKDBLF

Научная статья

УДК [001+37]:811.161.1'38'42

**Квазижанры в структуре обучающего и исследовательского дискурса:
постановка проблемы**

С. В. Мкртычян[✉], Н. В. Дзундза

Тверской государственный университет, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии, mkrtytchian@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>

Дзундза Надежда Владимировна, аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии, dzundza.00@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6039-5046>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению понятия *квазижанр*. Квазижанр является искусственным конструктом, который способствует продуктивному решению ограниченного круга исследовательских или лингводидактических задач. Квазижанр может быть представлен целым рядом разновидностей. Квазижанр обладает специфическими жанрообразующими признаками, которые были проанализированы на материале модельных ситуаций, использованных для исследования манипулятивного коммуникативного стиля. К числу жанрообразующих признаков квазижанра можно отнести следующие: искусственность; дедуктивность образования; наличие в композиции константной и переменной частей, несоизмеримых по объёму; моноинтенциональность; скоррелированность с естественной коммуникацией. Искусственность квазижанра обусловлена искусственностью его создания для решения исследовательской/дидактической задачи, которая осознаётся как адресатом, так и адресантом. Дедуктивность образования связана с тем, что квазижанр продуцируется исследователем/преподавателем на основе осмысленных, типологизированных, прототипических представлений адресанта об акте коммуникативного взаимодействия. Со структурно-композиционной точки зрения квазижанр имеет две составляющие: константную (например, задание для испытуемых/обучаемых) и вариативную (множественные ответы испытуемых/обучаемых). Константная часть стремится к минимальному количеству вербальных проявлений, а переменная часть – к максимальному. Девиации возможны, но в рамках обозначенных компонентов. Квазижанр моноинтенционален (исследовать/обучить), интенция должна быть понятна адресату. Наконец, квазижанр, являясь искусственным конструктом, скоррелированным с естественной коммуникацией, может быть признан пригодным для решения ограниченных исследовательских/дидактических задач и/или может рассматриваться как промежуточный этап дискурсивного исследования или обучения.

Ключевые слова: теория речевых жанров, реальный дискурс/искусственный дискурс, исследовательский дискурс, квазижанр, модельная ситуация, моделирование, эксперимент, жанрообразующий параметр

Для цитирования: Мкртычян С. В., Дзундза Н. В. Квазижанры в структуре обучающего и исследовательского дискурса: постановка проблемы // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 34–40. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-34-40>, EDN: IKDBLF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Quasi-genres in the structure of teaching and research discourse:
Statement of the problem**

S. V. Mkrtychian[✉], N. V. Dzundza

Tver State University, 33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russia

Svetlana V. Mkrtychian, mkrtychian@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>

Nadezhda V. Dzundza, dzundza.00@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6039-5046>

Abstract. The article substantiates the quasi-genre. The quasi-genre is an artificial construct that may productively solve a limited range of research or linguodidactic problems. The quasi-genre can be represented by a number of subgenres. The quasi-genre has specific genre-forming features, which are analyzed basing on the model situations used to study the manipulative communicative style. The quasi-genre is artificial and deductive; it contains constant and variable parts, which are incommensurable in volume; it is based on one intention and it correlates with natural communication. The quasi-genre is artificial as it is formed artificially to solve a research/didactic problem, which is realized by both the addresser and the addressee. It is deductive due to the fact that a quasi-genre is produced by a researcher/teacher on the basis of acknowledged, categorized prototypical addresser's view on the communicative interaction. As for the structure and composition, the quasi-genre has two components: constant (a task) and variable (multiple responses). The constant part tends to the minimum number of verbal manifestations, and the variable part – to the maximum. The deviations are possible, but only within the framework of the designated components. The quasi-genre is based on one intention (to explore/teach), and this intention should be clear to the addressee. Being an artificial construct which correlates with natural communication, the quasi-genre can be suitable for performing limited research/didactic tasks and/or can be considered an intermediate stage of discourse research or teaching.

Keywords: theory of speech genres, natural discourse/artificial discourse, research discourse, quasi-genre, model situation, modeling, experiment, genre-forming parameter

For citation: Mkrtychian S. V., Dzundza N. V. Quasi-genres in the structure of teaching and research discourse: Statement of the problem. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 34–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-34-40>, EDN: IKDBLF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанроведение представляет собою одно из динамично развивающихся направлений современной отечественной лингвистики. Реальность речевого жанра как дискурсивной единицы, или «формы упаковывания высказывания в речи», как известно, была обоснована М. М. Бахтиным в начале 1950-х гг., впервые опубликована – в 1978 г. [1: 159]. Программная статья М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» внесла фундаментальный вклад в укрепление позиций функционализма и открыла широкие перспективы для исследования речевых жанров. Направления современного жанроведения, основательно описанные в фундаментальной монографии Л. В. Балашовой В. В. Дементьева «Русские речевые жанры» [2], где изложены как теоретические проблемы, так и вопросы, связанные с монографическим исследованием отдельных речевых жанров, в том числе современной коммуникации в сфере медиа, политической коммуникации, интернет-пространства, сохраняют преемственность в трактовке речевого жанра (см. например [3: 216; 4: 8; 5: 24]).

Принимая во внимание тот факт, что теория речевых жанров как бы «дорастает» до традиционной лингвистики в процессе осмысления внушительного массива дискурсивного материала, едва успевая за изучением образцов отдельных речевых жанров,

исследователь находится в непростом положении, обязывающем сформировать непротиворечивую теоретическую базу и терминологический аппарат, пригодный для нужд своего конкретного исследования.

Основная сложность заключается в онтологической жанровой «необозримости», на которую обращал внимание М. М. Бахтин [1: 159], отмечая «крайнюю разнородность» устных и письменных речевых жанров, однословных бытовых реплик и многотомных художественных романов [1: 159], художественных и нехудожественных, стандартизированных и глубоко индивидуальных.

Классификационная неоднозначность оснований разграничения речевых жанров приводит к появлению терминологического разнообразия, связанного с разграничением «разнороднейших явлений». Так, К. Ф. Седов выделяет *субжанр*, *гипержанр*, *жанроид*. Под субжанром понимается жанровая форма, представляющая собой однократное высказывание [3: 217]. Гипержанр – «макрообразование», объединяющее несколько жанров в рамках социально-коммуникативной ситуации [3: 217–218]. Жанроид – «переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [2: 218]. См. также смежные понятия/речевые единицы в [6, 7].

В рамках предлагаемой публикации вводится понятие *квазижанра* (от лат. *quasi* – 1) как будто, наподобие, словно; 2) почти, без

малого [8: 843]). Под квазижанром мы понимаем искусственный жанроподобный конструкт, смоделированный сугубо для исследовательских или образовательных целей, который по внешним признакам коррелирует с естественной коммуникацией и который в отличие от естественных речевых жанров обладает целым рядом специфических особенностей (о пяти из которых речь пойдет ниже).

В настоящей статье квазижанр рассматривается в связи с понятием *модельной (моделируемой) ситуации*. Модельная ситуация в исследовательском дискурсе моделируется с целью проведения экспериментального исследования, направленного на решение ограниченной исследовательской задачи, которая, с точки зрения исследователя, может быть решена наиболее эффективно на искусственном материале. Модельная ситуация имеет «языковое воплощение» в виде экспериментального бланка (опросного листа и т. д.), чаще в письменной форме речи. Таким образом, квазижанр 1) представляет собой вербальное оформление моделируемой (модельной) стандартной ситуации, 2) является одной из речевых единиц, в этом качестве 3) находится в одном ряду и с жанром, и с субжанром, и с жанроидом, но 4) не является жанром, хотя имеет с ним общие черты (как не является жанром жанроид, хотя тоже имеет с ним общие черты), при этом 5) как бывают разные жанры (лекция, дискуссия, светская беседа, болтовня), так и бывают разные квазижанры (последний пункт очень важен, но наименее ясен).

В целом итоговая объясняющая теория квазижанра – дело будущего. В настоящей статье, как явствует из названия, данная проблема только обозначается.

Обоснование речевых особенностей квазижанра

Обсудим специфику квазижанра на конкретном предметном образце. В качестве образца взята модельная ситуация из нашего исследования [9], посвященного моделированию и типологизации манипулятивных коммуникативных стилей, которые гипотетически находятся в зависимости от когнитивного параметра ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ (параметризация когнитивных стилей описана в работе М. А. Холодной «Когнитивные стили. О природе индивидуального ума» [10]). Модельная ситуация как квазижанр является не только моделью фрагмента естественной коммуникации, но и моделью фрагмента естественного речевого жанра, в котором может использоваться манипуляция (почти любого, без ограничений!). При этом феномен манипуляции, безусловно,

не является ни речевым жанром, ни квазижанром – манипуляция может иметь место в том или ином жанре, это явление не жанровой природы. Обсуждение типов речевых жанров через призму манипулятивного воздействия оставляем за рамками настоящей статьи. В соответствии с названным когнитивным параметром выделяется два манипулятивных коммуникативных стиля: латентный (оценочно ригидный, который в первую очередь направлен на рациональное искажение фактов, опирается на когнитивный параметр, или когнитивный стиль, РЕФЛЕКТИВНОСТЬ) и эксплицитно-доминантный (который характеризуется эмоциональным доминированием, выраженной оценочностью, обусловленный таким «свойством индивидуального ума», как ИМПУЛЬСИВНОСТЬ). Исследование проводилось в два этапа без временного разрыва между ними, преемственность ответов на обоих этапах строго соблюдалась. На первом этапе на основе методики американского психолога Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» устанавливалась когнитивная характеристика испытуемых, на втором этапе испытуемым предлагалось дать свои ответы закрытого и открытого типа в предполагаемых коммуникативных ситуациях, после чего ответы а) интерпретировались через призму коммуникативных маркеров манипулятивных коммуникативных стилей (в качестве маркеров использовались речевые стратегии, типология которых основывается на ролях Манипулятора в концепции Э. Шострома и теории вежливости П. Браун, С. Левинсона); б) соотносились с когнитивными характеристиками испытуемых, что позволило решить ограниченную исследовательскую задачу – установить характер влияния когнитивного параметра на манипулятивный коммуникативный стиль. Подробно концепция исследования изложена в нашей статье «Когнитивный параметр ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей» [10].

Модельные ситуации, использованные для эксперимента, являются такими искусственными, промежуточными текстами, которые лишь отчасти напоминают жанры, бытующие в естественных условиях. Моделирование предполагает создание такого объекта, который может выступать функциональным аналогом оригинала, но «никогда не встречается в чистом виде» [11: 81]. Модель строится по следующему алгоритму: фиксируются факты, требующие уточнения, выдвигается гипотеза о возможном функционировании объекта, на основе которой строится модель, которая впоследствии верифицируется

на экспериментальном материале и при необходимости уточняется.

В качестве примера приведём одну из модельных ситуаций, использованных в исследовании:

Задание. Напишите, что Вы скажете для достижения явной цели (скрытая цель не должна быть обнаружена собеседником).

Явная цель: убедить, что распределение туров не зависело от Вас.

Скрытая цель: скрыть, что Вам помог родственник.

Ситуация:

По приказу руководителя некоторым работникам выдали льготные туры на море от профсоюза. Вам он достался, потому что за Вас попросил родственник, который работает в профсоюзе. Принцип распределения туров не разглашался, но предполагается, что выделили лучших работников. У Вас есть коллега Ольга – известно, что она часто делает работу не вовремя и опаздывает. Ещё она известная сплетница. Она заводит с Вами разговор о поездке и намекает на то, что Вам она досталась из-за ваших связей в профсоюзе, поэтому досталась она Вам несправедливо. Вы не хотите, чтобы из-за подозрений испортились отношения в коллективе. Как Вы убедите Ольгу, что получили тур по другой причине?

Ответы испытуемых:

1. Я не виноват в том, что вы некачественно выполняете свою работу. Если бы вы приложили усилия, то обязательно получили бы поездку. Не разводите скандал на пустом месте, займитесь делом.

2. Ольга, на самом деле, тот недавний огромный и срочный заказ, видимо, мне реально помог. Это было, конечно, очень тяжело и неожиданно, но это работа, и я не могла от неё отказаться. Несмотря на то, что мне не удалось выспаться пару ночей, я рада, что заказ удалось сдать в срок.

3. Для меня это было так неожиданно. Я вообще первый раз слышу, что у нас на работе можно получить счастливый билет. Вот увидишь, и тебе когда-нибудь повезет.

4. Поездка заслуженная, ведь я работаю, а не бездельничаю, планы выполнены, опозданий на работу нет, типа вот и сравните себя со мной тем более я не думаю, что руководство не видит моего упорства, в отличие от твоей лени, которую даже слепой бы заметил.

5. Эта путевка могла достаться каждому члену нашего коллектива, не могу сказать, что я ее достоин, я всего лишь грамотно и четко выполнял свою работу.

6. Предложу сравнить ее и мою работу и спрошу, кто больше достоин путевки. При условии, что я сам не опаздываю и делаю всё вовремя.

7. Скажу, что распределение туров зависело только от руководителя, значит, он так посчитал нужным.

8. А здесь что-то типа я тебя понимаю, буду тебе помогать и ты тоже заработаешь.

Первое. Квазижанр, как мы можем убедиться, является искусственным по своей

сути, созданным преимущественно в исследовательских или дидактических целях. Искусственность осознаётся как адресатом, так и адресантом.

Второе. Способ создания квазижанра является исключительно дедуктивным. Это значит, что перед адресантом стоит конкретная исследовательская/дидактическая цель, вытекающая из прототипического представления о типичном коммуникативном поведении, упакованном в искусственный речевой жанр – квазижанр. Для достижения поставленной цели формируется пакет требований к заданию для испытуемых/обучаемых с целью заполнения вербальной лакуны прототипического сценария поведения. У испытуемого, в свою очередь, активируется определённое модельное представление (в терминах когнитивной лингвистики *сценарий, фрейм*) о заданной ситуации. У носителей одной культуры эти представления резонируют скорее всего в унисон. Искусственный каркас коммуникативной ситуации, который как любая модель не тождествен реальной коммуникации, характеризуется редуцированностью при выраженности тех существенных особенностей, которые заложены в основу модели автором.

Полагаем, что квазижанр модельной ситуации даёт материал для весьма продуктивного решения ограниченного круга задач дискурсивного исследования, поскольку позволяет сначала дедуктивным способом воплотить гипотезу исследования в искусственном материале, характеризующемся укрупнённой исследуемых особенностями, которые можно классифицировать по основанию не/пригодности, не/существенности, а потом верифицировать эту модель на обширном дискурсивном материале, который, как известно, зачастую с трудом укладывается в схемы и модели, представляя собою живую пластичную коммуникативную ткань.

В целом жанроведческий подход должен бы быть более склонным к индуктивности, поскольку исследует живой дискурс. Однако дедуктивность квазижанра не может быть продекларирована как его сугубая типологическая особенность. Естественные жанры реальной коммуникации тоже могут иметь индуктивную основу. Во-первых, в жанроведении существуют модели, по которым исследуются речевые жанры. Самой известной из них считается модель Т. В. Шмелёвой, состоящая из семи конститутивных признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого и будущего, языковое воплощение и тип диктумного (событийного) содержания [12: 92–96]. О продуктивности модели свидетельствует

её 30-летняя востребованность в жанроведении. Модель Т. В. Шмелёвой не является единственной, в этом ряду можно назвать, в частности, коммуникативно-семиотическую модель жанров естественной письменной речи Н. Б. Лебедевой [13]. Речежанровые модели предлагают заготовленный каркас для исследования живых речевых жанров. Безусловно, они важны, поскольку дают опору прежде всего молодым исследователям, помогая им ориентироваться в стихии реального дискурса. С другой стороны, задавая определённые модельные параметры, они как бы запускают сам процесс исследования в заданное автором модели русло, априори редуцируя исследовательский подход.

На это обстоятельство обращает внимание В. В. Дементьев, рассуждая в цитированной монографии о том, что может дать русистике теория речевых жанров, в частности, она может дать материал для осмысления языковой узуальности [2: 26]. Ограничение исследовательского горизонта вряд ли стоит приветствовать строгим соблюдением модельных рамок.

Во-вторых, существуют жёсткие речевые жанры официально-делового стиля (административного, юридического и др. подстилей), которые естественно существуют по модельным канонам и живут по законам дедукции особенно органично в эпоху всеобщей цифровизации, в частности, бланки и формы разного рода документации, например, отчёты, заявления и т. д.

Третье. Квазижанр всегда состоит из двух обязательных частей: константной (например, задание для испытуемых) и вариативной, т. е. наполняемой переменной (множественные ответы испытуемых). Причём вариативность составляющих квазижанра отличается: константная часть стремится к минимальному количеству вербальных проявлений, а переменная часть – к максимальному. Константная часть, в свою очередь, тоже имеет две составляющие: формулировка задания (Скажите ..., обратитесь ..., отреагируйте ..., объясните ..., уладьте конфликт... и т. д.) и описание ситуации, содержащее как минимальное и достаточное для моделирования количество коммуникативно-прагматических параметров, которые могут характеризовать интенциональную установку участников квазикоммуникации в рамках квазижанра, социальные роли и статусы, межличностные отношения, пол, возраст и др., так и описание собственно конкретной коммуникативной интеракции. В качестве примера приведём константную часть другой модельной ситуации:

Ваш друг Андрей – очень ответственный работник, хорошо выполняет все задания, которые ему поручают. Тем не менее, его не выделяют в коллективе на фоне коллег, которые допускают ошибки и сдают работу не вовремя. Например, Виталий допускал более серьезные ошибки в документах, но он выкручивался, так как он в хороших отношениях с руководителем.

Однажды Андрей допускает ошибку при выполнении важного задания. Ваш руководитель узнает об этом и ставит его в пример недобросовестного сотрудника. Вас это возмущает. Как бы Вы убедили руководителя, что несправедливо так осуждать Андрея?

Явная цель: защитить друга, которого несправедливо резко осуждают.

Скрытая цель: обнаружить ошибки других, намеренно на неравное отношение в коллективе.

Говоря о композиции квазижанра, мы не ограничиваем его двумя составляющими. В зависимости от целей исследования может иметь место детализация каждой из составляющих. Например, испытуемым могут предлагаться готовые опорные слова/выражения, может задаваться начало фразы и т. д.

Четвёртое. Квазижанр имеет отчётливую моноинтенциональность: исследовать или обучить. Интенция понятна адресату и адресанту.

Моноинтенциональность составляет всяма специфическую особенность квазижанра, которая выражается в ответах, оформленных косвенной речью:

1. Привлечь внимание путём смены деятельности, то есть после проведения субботника вместе пойти с коллективом в кино, кафе и т. д.

2. Сделать акцент на том, что данный субботник сплотит коллектив. И думаю, что коллег можно будет смотивировать денежным поощрением.

3. Учитывая, что коллектив недружный, за просто так на субботник никто не пойдет, следовательно, нужно либо создать искусственную выгоду для всех участников субботника. Можно предложить денежное вознаграждение всем участникам.

4. Представить ситуацию как отличный способ провести время. При наличии возражений со стороны коллектива ссылаться на старших начальников.

Ответы могут быть и гибридными, содержащими одновременно прямую и косвенную речь:

1. Мотивировать тем, что приятно работать или жить в чистой среде, что мусор будет сдан в переработку, что это сплотит коллектив. Что тот, кто первый хорошо очистит свою часть территории, будет поощрен 10% суммы или предложить устроить чаепитие/шашлыки вскладчину.

2. Поговорить с каждым лично, объяснить, что нужно ухаживать за природой, тем более совместная работа сплочает коллектив.

3. Я скажу, что я был на тренировках, меня просят – а вот тебе попадет.

В экспериментальной ситуации такого рода ответы типичны. С одной стороны, они сразу определяют квазиинтенцию испытуемого в предлагаемой ему коммуникативной роли и в анализируемом исследовании дают возможность безошибочно типологизировать речевые стратегии (единицы абстрактного интенционального уровня), которые рассматриваются как маркеры манипулятивного коммуникативного стиля, реализуемые в речевых тактиках в вербальной наличности. Но здесь возникает проблема иного свойства: отсутствие вербальной наличности уводит в сторону от лингвистичности описания, мы не получаем материала, который даёт представление об узуальном использовании языка и описание совершенно переходит в плоскость схемы. С другой стороны, получив вербальный продукт, исследователь может ошибиться, «расшифровывая» интенцию квазиговорящего, и мы можем прийти к ситуации, когда, по выражению Т. Г. Винокур, «говорилось одно, а сказалось другое», когда стилистическое задание не совпадает со стилистическим эффектом.

Пятое. Квазижанр всегда имеет коррелят в естественной коммуникации, он существует как искусственный дублетный конструкт, создаваемый в конечном итоге с целью оптимизации коммуникативного процесса.

В связи с этим пунктом квазижанр тоже имеет определённые ограничения. Так, в ситуации даже анонимного экспериментального взаимодействия с испытуемыми может возникать эффект «оправдания ожидания», когда квазиговорящий даёт квазиответ, который вряд ли имел бы место в реальной коммуникации. Например:

1. *Уважаемый Николай Сергеевич, позвольте не согласиться с Вами. Как коллега Андрея, хотела бы обратить Ваше внимание на то, что ошибка, про которую сейчас идёт речь, – не такая критичная и легко исправимая. Несомненно, ошибки никогда не совершаются вовремя, однако именно эту достаточно легко решить! Если потребуется, я лично могу этим заняться. Нет никаких сомнений, что и Отдел качества, и Вы лично тщательно следите за выполнением всех требований. Но в недавнее время я стала замечать всё больше ошибок со стороны других коллег, например, Виталий должен был проследить за выполнением срочного заказа, однако это не было сделано, в связи с чем заказчик отказался с нами работать. Не хотелось бы терять такого ценного клиента. Возможно, мы могли бы написать ему письмо с извинениями и предложением о скидках на будущие заказы?*

2. *Уважаемые коллеги! По указанию руководителя нашей фирмы мы обязаны принять участие в субботнике, который пройдёт в ближайшие*

выходные. Предстоит уборка территории вокруг нашего здания. Явка обязательна! Если Вы вдруг не сможете принять участие в данном мероприятии, необходимо предоставить документальное подтверждение для причин Вашего отсутствия в указанные дни (медицинская справка, билеты на поезд или самолёт, иные документы – рассматриваются в индивидуальном порядке).

Заключение

Подводя итог, полагаем, что квазижанр существует в коммуникативной практике, имеет речежанровую природу, при этом обладает своей спецификой (искусственность; дедуктивность образования; наличие в композиции константной и переменной частей, несоизмеримых по объёму; моноинтенциональность; скоррелированность с естественной коммуникацией).

Возвращаясь к поставленному во вступлении вопросу о том, что существуют разные квазижанры, хотим подчеркнуть, что в статье рассматривается не один, а несколько разных квазижанров, но дать им названия весьма затруднительно. В этой связи может быть высказан ряд гипотез, например, использовать названия оригинальных жанров: квазижанрами являются: *квалилесть*, *квазиугроза*, *квазишантаж*, *квазиразводилово*... Конечно, все эти номинации выглядят весьма непривычно для лингвиста.

Добавим, что собственно квазижанрами описываемые в статье ситуации являются по отношению к реальному разговорному (манипулятивному) дискурсу, который исследуется или которому обучают, а по отношению к обучающему/исследовательскому дискурсу, из которого и взяты, – не квазижанрами, а полноценными жанрами. В этом смысле квазижанры являются единицами креолизованного типа (креолизированными жанрами).

Термин *модельная ситуация*, возможно, правильнее заменить на *моделируемая ситуация* (ср. понятие *модельной* – «образцовой» – языковой личности (≈типажа) в лингвоперсонологии, тогда как в статье термин *модельная ситуация* используется в значении, противоположном образцовому: «искусственная, искаженная» (по сравнению с оригиналом)).

Как уже было сказано, в данной предметной области вопросов гораздо больше, чем ответов, и итоговая объясняющая теория пока не просматривается.

Рассуждая об ограниченности квазижанра как исследовательского конструкта, можем констатировать, что он, безусловно, не заменяет изучения реальной коммуникации, не может считаться единицей реального дискурса, но может быть признан пригодным

для решения ограниченных исследовательских задач и/или может рассматриваться как промежуточный этап дискурсивного исследования, любое из которых только гипотетиче-

ски может быть признано исчерпывающим, поскольку дискурсивная реальность по своей сути неисчерпаема – она как жизнь, она и есть жизнь, «погружённая» в дискурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
3. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генеристика // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 210–223.
4. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>
5. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : ПГУ, 1986. С. 22–29.
6. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
7. Усачева О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 3. С. 55–65.
8. Большой латинско-русский словарь / под ред. И. Х. Дворецкого. М. : Русский язык, 1976. 1096 с.
9. Мкртычан С. В., Дзундза Н. В. Когнитивный параметр «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. 2023. № 4 (79). С. 37–47. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.4.037>
10. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб. : Питер, 2004. 384 с.
11. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М. : Просвещение, 1966. 302 с.
12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
13. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1-2. С. 4–10.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The Problem of Speech Genres. *Collected works*. Vol. 5. Works from 1940–1960. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206 (in Russian).

2. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
3. Sedov K. F. Linguistics. Speech production. Generistics. *Journal of Psycholinguistics*, 2012, no. 15, pp. 210–223 (in Russian).
4. Dementyev V. V. About “genres of speech and language of speech” again: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>
5. Gaida S. Problems of the genre. In: *Funktsional'naya stilistika: teoriya stilei i ikh yazykovaya realizatsiya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Functional Stylistics: Theory of Styles and their Language Implementation: Interuniv. coll. of sci. arts]. Perm, Perm State University Publ., 1986, pp. 22–29 (in Russian).
6. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual genre study: Fixed and disputable. *Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 2 (12), pp. 105–123 (in Russian).
7. Usacheva O. Yu. Looking at the genres of webcommunication. *Key Issues of Contemporary Linguistics, State University of Education*, 2009, no. 3, pp. 55–65 (in Russian).
8. *Bol'shoi latinsko-russkii slovar'.* Pod red. I. Kh. Dvoret'skogo [Dvoret'skii I. Kh., ed. Great Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk, 1976. 1096 p. (in Russian).
9. Mkrtchian S. V., Dzundza N. V. Cognitive parameter of impulsivity/reflexivity as the basis of the typology of manipulative communication styles. *Tver State University Bulletin: Philology*, 2023, no. 4 (79), pp. 37–47 (in Russian). <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.4.037>
10. Kholodnaya M. A. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. The nature of the individual mind. 2nd ed.]. Saint Petersburg, Piter, 2004. 384 p. (in Russian).
11. Apresyan Yu. D. *Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki (kratkij ocherk)* [Ideas and methods of modern structural linguistics (overview)]. Moscow, Prosveshchenie, 1966. 302 p. (in Russian).
12. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry Rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kollledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
13. Lebedeva N. B. The Russian naive written speech as the object of linguistic research. *Altai State Pedagogical University Bulletin: Humanities*, 2001, no. 1-2, pp. 4–10 (in Russian).

Поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 28.03.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 28.03.2024; published 28.02.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 41–50

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 41–50

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50>, EDN: RDYYSB

Научная статья

УДК 398.3:811.161.1'38'42

Речежанровые характеристики бытовых примет

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматриваются бытовые приметы как особый речевой жанр в рамках прогностического дискурса. Календарные и метеорологические приметы в значительной мере отражают повторяющиеся объективные обстоятельства, в то время как в бытовых приметах зафиксированы большей частью случайные совпадения событий. С позиций научной и религиозной картин мира бытовые приметы квалифицируются как суеверия. Функция бытовых примет состоит в построении простой картины мира с предписаниями и объяснениями, имеющими мистический характер. Дискурсивная формула бытовой приметы включает следующие компоненты: 1) действие, 2) последствие, 3) объяснение, 4) предписание, 5) исправление. Обязательными компонентами этого жанра являются действие и предписание, остальные части формулы могут быть факультативными. Объяснение бытовой приметы часто носит мистический характер, поскольку иррациональные объяснения хорошо запоминаются. Приметы характеризуются высокой степенью этнокультурного своеобразия. Примета возникает как иконический знак и впоследствии становится индексальным знаком. В новых приметах повторяются в ином проявлении древние магические установки поведения. Современные толкования примет показывают, что этот речевой жанр в значительной мере выполняет не столько объяснительную, сколько развлекательную функцию.

Ключевые слова: речевой жанр, прогностический дискурс, бытовая примета, суеверие, иконический знак, сигнальный знак

Для цитирования: Карасик В. И. Речежанровые характеристики бытовых примет // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 41–50. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50>, EDN: RDYYSB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech-genre characteristics of everyday omens

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka, Moscow 119034, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with everyday omens as a special speech genre within the framework of prognostic discourse. Calendar and meteorological omens to a great extent reflect recurring objective circumstances, while everyday omens record mostly random coincidences of events. From the positions of scientific and religious worldviews, everyday omens are qualified as superstitions. The function of everyday omens is to build a simple picture of the world with prescriptions and explanations of mystical nature. The discursive formula of a household omen includes the following components: 1) action, 2) consequence, 3) explanation, 4) prescription, 5) correction. The obligatory components of this genre are action and prescription, the other parts of the formula can be optional. The explanation of a household omen is often mystical in nature, as irrational explanations are well remembered. Omens are characterized by a high degree of ethno-cultural uniqueness. An omen appears as an iconic sign and later becomes an indexical sign. In new omens ancient magical attitudes of behaviour are

repeated in a different manifestation. Modern interpretations of omens show that this speech genre to a great extent fulfils not so much explanatory as entertaining function.

Keywords: speech genre, predictive discourse, household omen, superstition, iconic sign, signal sign

For citation: Karasik V. I. Speech-genre characteristics of everyday omens. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 41–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50>, EDN: RDYYSB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Освоение реальности включает в качестве одного из важнейших условий успешного выполнения намеченных действий планирование развития событий, т. е. понимание причинно-следственных связей между ними. Такое понимание базируется на индивидуальном и коллективном опыте людей. Оно неизбежно включает ошибочные заключения, которые впоследствии исправляются, но некоторые из них остаются как значимые либо забавные траектории познания мира. К числу таких траекторий относятся народные приметы – заключения обиходного сознания о связях между явлениями и событиями, позволяющие прогнозировать будущее. С позиций научного объяснения многие из таких примет считаются суевериями и предрассудками, особенно если речь идет об истолковании некоторых знаков в поведении людей. Вместе с тем метеорологические наблюдения и в ряде случаев факты быденных установок и действий людей достаточно надежно позволяют предсказывать типичное развитие событий.

С позиций дискурсологии приметы представляют собой один из жанров прогностического дискурса, который включает как рациональное планирование событий, так и их мистическое осмысление. С некоторыми оговорками прогностический дискурс включает благопожелания, проклятья, обещания, угрозы, программы, планы, предсказания, метеорологические прогнозы, диагнозы и всякие иные коммуникативные действия, содержание которых сориентировано на будущее.

Лингвокультурное описание примет неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [1–13]. Описаны типы этих коммуникативных действий (наблюдения, знамения, правила, запреты) [14], дано их культурологическое объяснение [15–17]. Заслуживает внимания вывод о том, что «сейчас суеверные демонологические представления наполнены либо предохранительными предписаниями при произвольной встрече с явлениями потустороннего мира, либо быличками и легендами о неожиданных контактах с персонажами низшей мифологии» [18: 117]. Вместе с тем

недостаточно охарактеризована жанровая специфика этих предписаний поведения.

Целью данного исследования является описание бытовой приметы как коммуникативного действия, предполагающее выявление его структуры и лингвокультурных особенностей. В качестве материала для анализа взяты словари примет и данные этой тематики, размещенные в Интернете [19–22].

Семиотика бытовых примет

Традиционно на основании тематического критерия выделяются календарные, погодные и бытовые приметы. Считается, что календарные и погодные приметы отражают объективное состояние реальности, в то время как бытовые умозаключения носят характер предрассудков и суеверий [23]. При этом отмечено, что «логика человека в ситуации предельного опыта (как у студента перед экзаменом, у космонавта перед полетом) резко меняется, всякое рациональное рассуждение, всякая причинно-следственная связь от прошлого к будущему уже не работают, человек воспринимает только те прогнозы, которые соответствуют смутным и тревожным ожиданиям» [Там же: 16]. Это верное замечание позволяет выделить определенные типы обстоятельств и типы людей: в обычных стандартных ситуациях есть возможность и время сделать рациональные рассуждения, но в ситуациях с высокой степенью непредсказуемости необходима опора на интуицию. Соответственно, есть люди, которые склонны любую ситуацию квалифицировать как стандартную и делать рациональные прогнозы относительно ее развития, и люди, которые в любом событии стремятся увидеть особые знаки, требующие озарения для их понимания. В крайнем выражении личности первого типа считаются педантами и занудами, а личности второго типа – романтиками и визионерами. Большинство ситуаций и типов личностей располагается между этими крайностями.

Истолкование бытовой приметы включает три базовых компонента этого коммуникативного действия: 1) тематика положения дел, 2) ожидаемые последствия, 3) объяснение причинно-следственных связей.

Отметим, что такая структура соответствует любым явлениям или событиям. Например, если зимой одеться недостаточно тепло перед выходом на улицу, то можно простудиться и заболеть, потому что переохлаждение ведет к простуде; если пойти на экзамен без подготовки, то можно получить плохую оценку, потому что на экзамене проверяются полученные студентом знания; если попытаться погладить чужую кошку, она может поцарапать, потому что посчитает это угрозой и т. д. Такие причинно-следственные связи становятся оценочными presuppositionами поведения: следует либо не следует вести себя определенным образом.

Формулировки бытовых примет могут быть сведены к общей схеме: 1) действие, 2) последствие, 3) объяснение, 4) предписание, 5) исправление. Например, в русской лингвокультуре не рекомендуется свистеть дома, поскольку предполагается, что от этого не будет денег. Объяснительная часть этой приметы факультативна. Культурологи могут найти мифологическую либо какую-либо другую базу для истолкования того или иного действия. Например, свист привлекает нечистую силу либо оскорбляет домового. В отличие от обычного причинно-следственного сочетания событий, приметы с возможным негативным исходом часто предполагают коррективное действие, которое может вернуть его участников к нормальному положению дел. В случае свиста в помещении рекомендуется трижды обернуться вокруг себя, словно поворачивая время вспять, но не уточняется – по часовой стрелке или против нее. Разумеется, и объяснение, и коррективное действие могут носить принципиально иррациональный характер. Такие объяснения имеют этнокультурную специфику: в Монголии не рекомендуется свистеть дома потому, что могут заползти змеи. Чем рациональнее объяснения, тем менее они требуют осмысления. Если жених несет невесту в юрту, споткнется и уронит девушку, то их семейная жизнь не сложится, и это не требует особых объяснений.

Прескриптивный компонент примет позволяет отнести эти коммуникативные события в особый тип единиц в рамках ценностной картины мира [24–32].

Высокая степень субъективности приметы приводит к тому, что одни и те же явления в одной культуре оцениваются положительно, а в другой отрицательно. Например, в английской культуре високосный год считается счастливым, и любое предприятие, начатое 29 февраля, завершится успешно (*Superstition tells us that Leap Years are good for important undertakings, and anything started on February 29 is sure of success*) [22: 139]. В русской куль-

туре високосный год оценивается как тяжелый и для людей, и для скотины, а 29 февраля, в день Св. Касьяна, «желательно вообще проспать до обеда, чтобы таким образом переждать самое опасное время» [19: 197].

В ряде случаев возникновение примет имеет иконическое знаковое обоснование: английские моряки считают, что нельзя свистеть на корабле, поскольку это может вызвать шторм. Свист человека сравнивается со свистом ветра. В Америке считается, что нельзя вешать портрет вверх ногами, поскольку это может повредить человеку, изображенному на портрете. Изображение отождествляется с реальным лицом. В этой же стране считается, что подкова как знак счастья должна висеть где-либо в доме или как украшение только концами вверх, это имитирует изображение сосуда, в который попадает счастье, если же концы будут направлены вниз, то счастье из дома уйдет. В России ориентация подковы, висящей на стене, либо ее изображение в виде кулона как символа счастья не играет роли.

В дискурсивном плане примета может быть выражена 1) в виде запрета либо предписания, 2) с дополнением в виде объяснения и 3) с уточнением в виде исправления неблагоприятного действия. Пример простого предписания: Берегись мужчину, даже если он друг или брат, у которого волосы на голове одного цвета, а усы другого (*Beware of that man, be he friend or brother, whose hair is one colour and moustache is another*) [22: 160]. В этой примете нет объяснения. В следующей примете объяснение есть: Когда пьешь любой напиток, спиртной или нет, его нельзя размешивать ножом, иначе заболит живот (*When enjoying a drink whether alcoholic or not, it should never be stirred with a knife or else you will get stomach ache*) [22: 81]. Нож наделяется магической силой. Известно, что нож или ножницы нельзя дарить, но можно их как бы продать другу, взяв за них символическую плату. Исправление неблагоприятного действия иллюстрируется в следующей примете: не следует зашивать что-либо на себе, не снимая одежды, можно «память зашить». Чтобы этого не произошло, нужно взять в зубы нитку.

Отметим, что развитие бытового прогностического знания подчиняется общим законам семиотики – прежде всего, закону асимметричного дуализма языкового знака, сформулированного С. О. Карцевским [33] (содержание знака стремится к выражению в новых формах, форма знака приобретает новое содержание), а также смысловому выветриванию знака, нейтрализации его содержания (иконические знаки со временем превращаются в индексальные, или сигнальные, т. е. объяснительные харак-

теристики знака стираются в памяти, знак просто требует запоминания). Именно поэтому примета, которая при своем возникновении имела некоторое рациональное объяснение, со временем превращается в сигнальный знак, а его истолкование замещается иным, часто мистическим, смыслом. Подчеркнем: иррациональное объяснение хорошо запоминается, поскольку не вписывается в систему общих логических закономерностей.

В семиотическом плане выделяются определенные знаки, которые являются ориентирами для прогностических заключений. Такова, в частности, значимость первого действия в системе примет. Например, *Если первый выстрел будет промах, то вся охота будет unsuccessful* [20: 540].

Некоторые знаки прогностического дискурса являются полностью иррациональными: *Красный переплет диссертации – к проблемам на ее защите, синий или зеленый – к успешной защите* [20: 348].

Такого рода примета, вероятно, появилась у мистически настроенного аспиранта в качестве объяснения произошедших неприятностей.

Культурологические характеристики речевого жанра «примета»

Принято считать, что англоязычный мир воспринимает реальность на основе здравого смысла, квалификация явлений и событий на Западе строится на рациональной основе в отличие от подобной квалификации на Востоке, которая включает мистическое осмысление действительности. Такой взгляд на соотношение рациональности и мистицизма следует признать значительным упрощением положения дел. Во-первых, есть разные типы ситуаций, допускающих рациональное либо иррациональное осмысление, и в любой культуре люди сталкиваются с чудесами и необъяснимыми явлениями. Во-вторых, есть разные типы личностей, различающихся по возрасту, гендеру, уровню образования, месту постоянного проживания и по базовым жизненным интересам. Массовая и элитарная культуры в разных сообществах могут существенно различаться. В-третьих, есть разные типы дискурса, то, что уместно в обиходном общении, будет выглядеть странным в общении религиозном или научном. В-четвертых, взгляды на мир меняются со временем, при этом движение от рациональности к мистике и в обратном направлении можно сравнить с маятником. С учетом этих аргументов обратимся к описанию англоязычных бытовых примет, объясняющих поведение людей.

Тематически многие приметы касаются здоровья и внешности.

Рекомендуется иметь при себе жёлудь как оберег от старения (*To carry an acorn on your person prevents you growing old*) [22: 12]. Старость сопряжена с неизбежными болезнями, внешность меняется не в лучшую сторону, людям хочется как можно дольше оставаться молодыми. Этот оберег соответствует общей знаковой тенденции приметы – находить простейшее средство для предотвращения нежелательного развития событий. Объяснительная аргументация сводится к символизации дуба как мощного растения, которому поклонялись кельтские друиды.

Оценочные характеристики примет могут быть радикально противоположными. Так, ямочки на щеках или подбородке в Британии оцениваются как знак красоты, т. е. покровительства со стороны Бога, а в некоторых штатах Америки воспринимаются как дьявольская отметка на лице (*Dimples – in Britain – God's finger. In certain parts of America: Dimple on the chin – Devil within*) [22: 76]. По-видимому, кому-то из американских первопроходцев очень не повезло, когда он столкнулся с девушками, у которых были ямочки на подбородке. Знаковая специфика приметы – своеобразный когнитивный фальстарт, люди стремятся сделать обобщение на основании очень ограниченного опыта. Кроме того, признак, который наблюдается у меньшинства, часто оценивается отрицательно: поэтому, в частности, в арабском мире голубоглазые считаются нечестными. Подавляющее число арабов – кареглазые люди.

Весьма интересен прогностический вывод о положительном истолковании поведения, которое доставляет неприятности: считается, что ребенок, который долго плачет, будет жить долго (*A child who cries long will live long*) [22: 70]. Плачущее дитя тревожит родителей, и, действительно, это может быть сигналом боли, которая мучит младенца. В прогностическом дискурсе мы видим парадоксальное объяснение положения дел.

В прогностическом дискурсе выделяются темы с высокой ценностной значимостью. К таким темам относится знание о будущем супружестве. Считается, что нельзя ставить кипящий чайник носиком к стенке – можно остаться старой девой (*Young girls are warned by superstition not to turn a boiling kettle around so that the spout faces the wall or they will never find a husband*) [22: 132]. По-видимому, в данном случае устанавливается иконическое истолкование выходящего пара – он уйдет вовне. Интересно, что исправить такое положение дел достаточно легко – нужно только повернуть чайник на плите. Подобное иконическое истолкование получает и следующий совет: девочкам следует оставлять часть пищи

на тарелке, поскольку если съесть всё, то останешься старой девой (*British and German girl children have been told for generations that if they eat the last of anything remaining on a plate they will live to become old maids*) [22: 138]. Вероятно, такое требование имело педагогический характер выработки самоконтроля в поведении. Обратим внимание: совет адресован только девочкам, мальчикам можно доедать всё. В русской лингвокультуре принято было оставлять часть пищи на тарелке в качестве статусного знака: «Мы не из голодного края». В списке английских примет приводятся разные неблагоприятные ситуации, которые помешают девушке выйти замуж: нельзя садиться на стол, нельзя получать в подарок три наперстка, нельзя иметь длинные волосы до колен (*A girl who sits on a table will never be married*) [21: 390], (*If you have three thimbles given to you, you will never be married*) [21: 397], (*With hair below the knee ne'er a bride will she be*) [21: 185]. Такая перспектива считалась очень неприятной, и понятно, что для объяснения этого положения дел приводились самые разные причины.

Для молодых людей приводится совет – как приворожить понравившуюся девушку: нужно уколоть мизинец своей левой руки и незаметно оставить каплю крови в чашке с питьем у этой девушки (*Among British country folk there is an old superstition that a drop of blood taken from a little finger of a man's left hand and secretly put in a woman's drink will make her passionately fall in love with him*) [21: 37]. В этой примете осмысливается жертвоприношение, предполагается, что капля крови обладает магической силой притяжения. Остается загадкой, почему это должен быть мизинец левой руки. Отметим, что жертвоприношение в приметах сохранилось в видоизмененном состоянии до наших дней. До сих пор корабль спускают на воду, разбивая о форштевень – переднюю часть носа корабля – бутылку шампанского. Когда-то это была жертвенная кровь – сначала человека, затем животного, затем произошло иконическое замещение крови красным вином, и наконец – шампанским (*The custom of launching a new ship by breaking a bottle of champagne across its bows is actually a continuation of a much older tradition. The vessel was symbolically given life when human blood was smeared over it. Later on the blood was replaced by the red wine, but nowadays champagne almost invariably serves*) [22: 139].

Детально разработана в прогностическом дискурсе тема отношений с друзьями. В английской системе примет запрещается смотреть на людей через осколок разбитого стекла – это приведет к ссоре с ними (*Never look through a piece of broken glass at anyone or*

you will be sure to have a quarrel with them [22: 106]. Ассоциация понятна: разбитое стекло – разбитая дружба. Практически у всех народов разбитое зеркало предвещает несчастье. Считалось, что нельзя дарить мыло друзьям – дружба смывается (*It is unlucky to give soap as a present. It will wash the friendship away*) [21: 366]. Заставляет задуматься скрытое в этой примете сравнение дружбы с грязью. Есть и странные предписания: не следует целовать кого-либо в нос, это повлечет ссору между этими людьми (*It is said to be unlucky to kiss anyone on the nose as this will cause trouble between the two people involved*) [22: 133].

Некоторые простые действия наделяются в приметах символическим смыслом. Например, два человека не должны пить из одной чашки, если они не муж и жена. Если же они так поступят, их судьбы будут связаны (*Two people must not drink out of the same cup (unless they are married). If they do, their destinies will be linked*) [21: 126].

Изучение примет свидетельствует о том, что простые англичане (речь идет о мужчинах) очень боялись ведьм: страшно было встретиться утром с босоногой рыжеволосой женщиной, страшно было, если женщина попросит у вас мыло (*It is unlucky to meet a barefooted woman early in the morning. Should you meet a woman with bare feet and red hair, turn back in haste for some evil thing come upon you*) [21: 166], (*If a woman borrows soap and thanks you for it, she is a witch*) [21: 366]. Эти приметы свидетельствуют о том, что нормы гигиены были у жителей Альбиона весьма своеобразными. Неприязнь к рыжеволосым, возможно, имела и антропологическое объяснение: среди кельтов таких людей было больше, чем среди германцев.

Ключевой темой прогностического дискурса является удача – привлечение удачи и предупреждение о неудаче в результате определенных действий. Типичный знак грядущей удачи – найти гвоздь, причем самый удачный вариант, если этот гвоздь является ржавым (*In Britain it is said to be lucky to find a nail in the road, for nails have been looked upon as a form of protection against evil since at least Roman times when iron was regarded as the sacred metal. A rusty nail which is found is more lucky than a shiny one, and proves most effective when carried on the person*) [22: 162]. Толкователи этой английской приметы объясняют ее ссылкой на то, что в древние времена железо считалось оберегом от всякого зла. В списке русских суеверий мы находим противоположное толкование: *Гвоздь найти – к неприятности, потерять – иметь встречу с врагом* [19: 88]. Отметим, что в интернете есть и противоположное толкование этого знака: «Почти все знают, что нельзя подбирать найденный

нож, часы или булавку, но мало кто знает, что найти гвоздь – примета хорошая, особенно если он гнутый и ржавый. В этом случае счастье вам привалит вдвойне. Такой гвоздь носят с собой или кладут на притолоку на кухне» (<https://mistic-world.ru/najti-poteryat/najti-gvozd-primeta>). Такое расхождение толкований свидетельствует о высокой степени субъективности и недостоверности обиходного прогностического дискурса либо, как в данном случае, о том, что толкователи суеверий активно пользуются литературой, изданной как у нас, так и за рубежом.

Считается доброй удачей найти пуговицу с четырьмя дырками (*To find a four-hole button is lucky*) [21: 51]. В русской культуре этот предмет прогностически осмыслен с иных позиций: *Пуговкой остегнуться – пьян или бит будешь* [19: 389]. В любом случае пуговица наделена особой магической силой.

Упреждение неудачного развития обстоятельств принимает в англоязычном мире своеобразные формы: жены и подруги моряков надевают платья шиворот наизнанку, чтобы их любимым повезло на море (*To this day there are fisher lassies who wear their chemises wrong side out when their sailor lads are away at sea and stormy weather threatens*) [21: 87]. Это попытка обмануть злых духов. В русском секторе интернета надетая наизнанку одежда трактуется иначе: *Если получилось так, что вы случайно одели кофту шиворот наизнанку и даже не заметили этого, то в таком случае примета вам сулит ссору с лучшим другом* (<https://luckclub.ru>). Можно сделать вывод, что в последнем случае злые духи одерживают победу. Жены и подруги моряков ни в коем случае не должны расчесывать волосы ночью – это может принести вред их мужьям и любимым (*If a woman has any relations or friends at sea she must on no account comb and dress her hair after nightfall. Such an act brings disaster upon them*) [21: 184]. Волосы ассоциируются с жизненной силой, и злые духи, которые начинают действовать в темное время суток, могут похитить эту силу и принести вред морякам. В России тоже считалось, что «расчесыванием волос следует заниматься исключительно в утренние или дневные часы, чтобы они заряжались энергией Солнца и давали владелице жизненную силу» (<https://www.shkolazhizni.ru/fengshui/articles/99404>). Можно видеть, что своеобразная логика примет повторяется в культурах разных народов.

Заслуживает внимания осмысление положения тела во сне. В английском прогностическом дискурсе находим следующее предсказание: если спать головой на север, то жизнь будет краткой, а если на юг, то долгой, ориентация тела головой на восток обещает богатство,

а на запад – путешествия (*There is an old English superstition about the direction in which you lie when you sleep. If your head points to the north, your days will be short, while if it points south your life will be long. Should you wish to be rich, point it east, while the westerly direction indicates travel*) [22: 211]. Отметим, что в списке примет содержится и прямо противоположное предсказание: спать головой на север полезно для здоровья (*It is healthy to sleep with your head towards the north and your feet towards the south*) [21: 361]. Географическое осмысление устройства своего дома детально разработано в китайской философско-культурной системе фэншуй, согласно которой, в частности, перед домом должно быть озеро, а сзади гора. Сон – это особое состояние жизни. Есть множество разных толкований снов. В русской системе толкований мы сталкиваемся с шуткой по этому поводу: «Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся» [19: 445]. Жрецы прогностического знания, как видим, иногда подмигивают слушателям и читателям.

Отметим, что в прогностическом дискурсе порой попадаются откровенные фейки. Например, в одном из англоязычных сочинений на эту тему говорится, что в России и Италии нельзя предлагать соль другу или гостю, поскольку это может повлечь за собой несчастье (*In Russia and in Italy salt is never offered by one friend to another, or by a host to welcome a guest, for fear of bringing down misfortune*) [22: 199]. Известная традиция предлагать гостю хлеб с солью опровергает это суждение. Известно, что в русской традиции считается дурной приметой просыпать соль – это ведет к ссоре. «Во избежание этого нужно либо рассеяться, или дать себя ударить по лбу, или посыпать голову рассыпанной солью» [19: 444]. В Америке предвестником ссоры считается рассыпанная пудра для лица.

Особой магической силой в англоязычном мире примет обладает новый блестящий утюг, который рекомендуется приносить в новый дом – его яркость отпугивает злых духов. Но если утюг поржавел, его волшебная сила уходит (*It is unlucky to bring old iron as this can lead to misfortune. Tradition says that the brightness of a new iron blinded evil spirits and drove them away, but rusted or old iron had no effect on them at all and they could take up residence as they pleased*) [22: 128]. Обратим внимание на то, что в иррациональном мире примет обычные предметы оказываются наделенными особыми качествами – утюги, иголки, подушки и др. Жить в этом мире и легко, и трудно одновременно. Важнейшей характеристикой этого мира является совместимость разнородных качеств, его таинственная нелогичность.

Удачу могут привлекать некоторые живые существа. Паучок в доме считается знаком благополучия (*If you wish to live and thrive, let the spider run alive*) [22: 215]. Аналогичным образом этот знак воспринимается в традиционной русской культуре: *Паук над кем-нибудь спустился с потолка – к счастью* [19: 347]. Но некоторые существа навлекают на людей несчастья. В традиционной английской культуре встреча с сорокой, если кто-то отправился в путь, предвещает гибель: *It is unlucky to see a magpie if you are setting on a journey, and if one of the birds flies before you on your way to church it is a death omen. Incidentally only the Chinese consider the magpie to be a bird of good omen* [22: 147]. Но в китайской культуре сорока – символ счастья.

Структура некоторых примет включает превентивное действие, которое нейтрализует возможное негативное последствие события. Увидеть на дороге мёртвую птицу – дурной знак. Рекомендуется плюнуть на нее, чтобы не случилось ничего плохого. (*It is unlucky to see a dead pigeon. When we see a dead bird lying on the road, we spit on it so we don't get it for our supper*) [21: 25]. Залетевшая в комнату птица предвещает болезнь для тех, кто там живет (*It is said that for a bird to fly into a room, and out again, by an open window, surely indicates the disease of some inmate*) [21: 25]. В русской системе примет это объясняется аналогичным образом с уточнением: *Птица залетает в дом – к беде. Надо успеть поймать ее и сорвать голову, сказав: «Прилетела на свою голову!» – тогда беда обойдет стороной* [19: 388].

Некоторые приметы касаются только определенных категорий людей. Таково английское предупреждение для невест: если по дороге в церковь вдруг появится ящерица, брак не будет счастливым (*The lizard is a creature of ill-omen for a bride, for if she sees one on her way to church her marriage will be unhappy* [22: 143].

У многих народов правая сторона ассоциируется с позитивной квалификацией явления, левая – с негативной. Английские рыбаки, отправляясь в море, должны заходить в лодку только с правой стороны, даже если это и неудобно (*Fishermen when going to sea must always enter the boat by the right side, no matter how inconvenient*) [21: 34].

Каждая вещь должна быть на своем месте. Особую значимость в доме имеет стол. В английской системе примет запрещается класть метлу, зонт и обувь на стол. Обувь ставили на стол в семье шахтера, если тот погибал в результате завала. (*It is unlucky to put an umbrella upon a table*) [21: 415]. Стол в русской культуре ассоциируется с алтарем, поэтому ка-

тегорически запрещается класть на него ноги или разбивать сваренное яйцо об стол. Перевернутый стол предвещает драку [19: 454].

Заслуживают внимания приметы, относящиеся к определенному виду деятельности. Таковы приметы у актеров, музыкантов, моряков, врачей. Если актер споткнется на сцене во время спектакля, его ждет ангажемент на следующий сезон. В английских театрах нельзя украшать одежду павлиньими перьями, и все предметы на сцене, включая еду, напитки или украшения, должны быть имитациями, иначе спектакль провалится (*If a player spontaneously falls during a performance, he can be sure of another engagement at the same theatre. As far as costumes are concerned, peacock's feathers should never be worn as they bring a disaster, indeed if these feathers appear anywhere in the theatre, even if worn by a member of the audience, it is an ill omen. Indeed superstition decrees that no real food, drink or jewelry should be used, only imitations, or the production will fail*) [22: 13–14], (*Real flowers are barred for stage decorations*) [21: 396]. Актерам категорически запрещалось свистеть в театре – за это могли уволить (*To whistle in a theatre is a sign of the worst luck in the world, and there is no offence for which the manager will scold an employee more quickly*) [21: 441].

Музыканты считают, что возобновлять исполнение музыкального произведения, если оно было прервано на какое-то время, – плохая примета. Им нужно взять другую вещь – хотя бы на несколько тактов – прежде чем вернуться к первоначальной (*It is fairly common to find among musicians the belief that it is a bad luck to recommence a piece of music they have been practicing if they have been interrupted for any length of time. They should apparently take another piece – if only for a few bars – before going back to the original*) [22: 161].

Есть свои приметы и у спортсменов.

Нельзя давать интервью перед матчем – к поражению [20: 393].

Интервью понимается как поступок победителя, т. е. перед нами вариант опасения сглаза.

Есть множество запретов, соблюдаемых моряками. Нельзя показывать пальцем на корабль, выходящий из гавани, он может затонуть (*It is ill-omened to point at a ship leaving the harbour (for fear it will sink)* [22: 179]. Считается, что ведьмы плавают по морю на куриных скорлупках и топят корабли, поэтому нельзя приносить куриные яйца и в любом случае скорлупку нужно раскрошить. (*An egg is deemed so unlucky that fishermen will not even use the word, but call the produce of the fowl 'the roundabout'*) [21: 133]. Табуируется даже слово «яйцо».

Были свои приметы и у медиков. Считалось, что первый пациент у врача всегда выздоравливает (*A doctor's first patient, people say, is always cured*) [21: 158].

Выполнение примет требует особого порядка действий. Например, если вы захлопнули дверь своего дома, оставив там ключ, вы можете залезть через окно в дом, открыть дверь, но назад нужно вылезти через окно и только потом зайти в дом обычным способом (*If you forget your key and find yourself locked out, according to an English superstition there is a very definite procedure you must observe to avoid bad luck. Once you have got in through a window, go round to the front door, open it, and then go back to the window and climb out again and enter the now opened door in the normal manner*) [22: 126]. Эти действия противоречат нормальной обиходной логике, но соответствуют особой логике прогностического мировосприятия.

Иногда примета играет роль утешения. Когда люди писали ручками, пользуясь чернилами, время от времени чернильные капли срывались с пера, оставляя на бумаге кляксы. Конечно, это было неприятно. Но возникло поверие, что клякса приносит удачу (*It has been a superstition in the British Isles for several centuries that to spill some ink while writing a letter is an omen of good luck* [22: 127]. Аналогичным образом англичане считают, если в пиво или в чай попала муха, это добрый знак – день пройдет хорошо (*If a fly falls into your cup of tea it will bring good luck*) [21: 164].

Как и любое явление, приметы меняются в соответствии с обстоятельствами жизни. Отметим новые приметы.

Одной из самых ярких офисных примет нашего времени является мода незаметно подержаться за стол начальника – якобы это приносит премию, доброжелательное отношение босса и прочие приятные вещи [20: 180].

В семиотическом плане в этой новой примете отражено магическое осмысление древнего ритуала прикосновения к чему-то сакральному как оберегу. В расширительном смысле к подобным действиям можно отнести и получение автографа от знаменитости.

Только что полученную зарплату не тратить хотя бы сутки, а все 24 часа продержат ее в темноте [20: 375].

Зарплата ассоциируется с предметом, наделенным признаком счастья, удачи, т. е. воспринимается как талисман. Вызывает улыбку уточнение места хранения денег – отсюда следует, что счастье рассматривается как скоропортящийся продукт, который не сохраняется на свету.

Не рекомендуется вечером стирать с комбютера пыль, иначе появятся непредвиденные расходы [20: 407].

Эта примета соотносится с предупреждением о том, что нельзя вечером выносить мусор – счастье вынесешь.

Если машину сфотографировали – жди скорой аварии. Не фотографируйте свое авто, иначе его угонят [20: 623].

Фотография наделяется магической силой замещения предмета. Это древнее опасение отражено в египетских цветных скульптурных портретах живых людей, один глаз у скульптуры должен был оставаться нераскрашенным, иначе портрет может заместить человека. Отметим, что в наши дни можно констатировать, что для большинства наших современников фотография в социальных сетях (селфи) не рассматривается как угроза слеза.

Некоторые новые приметы представляют собой советы контролировать свои действия:

Если во время беседы по мобильному телефону выронишь что-то из рук, то вскоре заболит голова [20: 605].

Какой бы ни была беседа, взятый предмет нужно крепко держать в руке.

Эти новые приметы свидетельствуют о том, что их магический смысл отражает древние предписания поведения.

Заключение

Приметы образуют особый речевой жанр в рамках прогностического дискурса, представляя собой обиходные обобщения наблюдений относительно явлений природы и человеческих характеров. Календарные и метеорологические приметы в значительной мере отражают повторяющиеся объективные обстоятельства, в то время как в бытовых приметах зафиксированы большей частью случайные совпадения событий. С позиций научной и религиозной картин мира бытовые приметы квалифицируются как суеверия. Функция бытовых примет состоит в построении простой картины мира с предписаниями и объяснениями, имеющими мистический характер. Дискурсивная формула бытовой приметы включает следующие компоненты: 1) действие, 2) последствие, 3) объяснение, 4) предписание, 5) исправление. Обязательными компонентами этого жанра являются действие и предписание, остальные части формулы могут быть факультативными. Объяснение бытовой приметы часто носит мистический характер – иррациональные объяснения хорошо запоминаются. Приметы характеризуются высокой степенью этнокультурного своеобразия. Примета возникает как иконический знак и впоследствии становится индексальным знаком. В новых приметах повторяются в ином проявлении древние ма-

гические установки поведения. Современные толкования примет показывают, что этот речевой жанр в значительной мере выполняет

не столько объяснительную, сколько развлекательную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова Н. А. Лингвокультурологический потенциал ключевого слова народной приметы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 26 с.
2. Ананьина Т. С. Репрезентация примет и поверий во фразеологических единицах русского и французского языков (сопоставительный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.
3. Гоу Яньминь. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности (лингвокультурологический подход) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022. 19 с.
4. Закиров М. И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 20 с.
5. Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006. 18 с.
6. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 52 с.
7. Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917>
8. Садова Т. С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб. : СПбГУ, 2003. 212 с.
9. Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 42 с.
10. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 18 с.
11. Федорова Н. И. Концепт небо в народных приметах русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 20 с.
12. Харченко В. К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. 1992. № 1. С. 78–82.
13. Чергунец И. А. Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 24 с.
14. Туганова С. В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.
15. Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 51 с.
16. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 47 с.
17. Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. / под ред. А. К. Байбурина. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 154–178.
18. Байдуз М. И. О некоторых границах сверхъестественного в современном городском пространстве //

Предел, граница, рамка. Интерпретация культурных кодов: 2012 / сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина и Е. С. Решетниковой. Саратов ; СПб. : ЛИСКА, 2012. С. 109–120.

19. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1996. 560 с.
20. Никитина Т. Г., Роголева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет : около 15 000 единиц. М. : АСТ: Астрель, 2009. 685 с.
21. A Dictionary of Superstitions / ed. by Iona Opie, Moira Tatem. Oxford University Press, 2005. 494 p.
22. Waring Ph. A Dictionary of omens and superstitions. London : Souvenir Press, 1998. 264 p.
23. Базылев В. Н. Предисловие // Многоязычный словарь суеверий и примет / под ред. Д. Пуччо. М. : ФЛИНТА, 2013. С. 6–21.
24. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
25. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
26. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
27. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
28. Кононова И. В. Генезис британской национальной морально-этической концептосферы сквозь призму языка : монография. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2009. 256 с.
29. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. М. : Гнозис, 2008. 374 с.
30. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М. : Гнозис, 2022. 536 с.
31. Леонтович О. А. Слово и образ в поисках друг друга : монография Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.
32. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
33. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. Ч. 2. М. : Просвещение, 1965. С. 85–90.

REFERENCES

1. Agapova N. A. *Linguocultural Potential of the Key Word of a Folk Omen*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2013. 26 p. (in Russian).
2. Ananyina T. S. *Representation of Omens and Beliefs in Phraseological Units of the Russian and French Languages (Comparative Aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2019. 27 p. (in Russian).
3. Gou Yanmin. *Russian and Chinese Signs of Anthropocentric Orientation (Linguocultural Approach)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2022. 19 p. (in Russian).

4. Zakirov M. I. *Concept of Water/su in Russian and Tatar Folk Omens*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kazan, 2009. 20 p. (in Russian).
5. Ivanova N. N. *Structural-semantic Peculiarities and Linguocultural Potential of Omens*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Veliky Novgorod, 2006. 18 p. (in Russian).
6. Kulkova M. A. *Cognitive and Semantic Space of the Folk Omen*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kazan, 2011. 52 p. (in Russian).
7. Lomakina O. V. Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2022, no. 9 (467), pp. 133–140 (in Russian). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917>
8. Sadova T. S. *Narodnaia primeta kak tekst: lingvističeskii aspekt* [Folk omen as a text: Linguistic aspect]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 2003. 212 p. (in Russian).
9. Sadova T. S. *Folk Omens as a Text and Problems of Linguistics of Folklore Text*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2004. 42 p. (in Russian).
10. Tonkova E. E. *Folk Omen From the Positions of Linguocognitivism and Linguoculturology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2007. 18 p. (in Russian).
11. Fedorova N. I. *The Concept of the sky in Folk Signs of the Russian Language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kazan, 2011. 20 p. (in Russian).
12. Kharchenko V. K. The language of folk omens. *Russian Language in School*, 1992, no. 1, pp. 78–82 (in Russian).
13. Cherginets I. A. *The Meaning Construction of Superstitions and Prejudices in English and Russian Linguocultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nalchik, 2008. 24 p. (in Russian).
14. Tuganova S. V. *Syntagmatics and Paradigmatics of Russian and English Superstitious Signs of Anthropological Orientation*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kazan, 2006. 22 p. (in Russian).
15. Bogdanov K. A. *Everyday Life and Mythology: Studies on the Semiotics of Folklore Reality*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2002. 51 p. (in Russian).
16. Konovalova N. I. *Sacral Text as a Lingvocultural Phenomenon*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2007. 47 p. (in Russian).
17. Tsivyan T. V. Mythological programming of everyday life. In: *Etnicheskie stereotipy povedeniya: sb. st. Pod red. A. K. Baiburina* [Baiburin A. K., ed. Ethnic stereotypes of behaviour: A collection of articles]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1985, pp. 154–178 (in Russian).
18. Baiduzh M. I. About some boundaries of the supernatural in the modern urban space. In: *Predel, granitsa, ramka. Interpretatsiya kul'turnykh kodov: 2012. Sost. i obshch. red. V. Yu. Mikhailina i E. S. Reshetnikovoi* [Mikhailin V. Yu., Reshetnikova E. M., compl. total ed. Limit, Border, Frame. Interpretation of Cultural Codes: 2012]. Saratov, Saint Petersburg, LSKA, 2012, pp. 109–120 (in Russian).
19. Grushko E. A., Medvedev Yu. M. *Slovar' russkikh sueverii, zaklinanii, primet i poverii* [Dictionary of Russian superstitions, spells, omens and beliefs]. Nizhny Novgorod, 'Russian Merchant' and 'Brothers Slavs', 1996. 560 p. (in Russian).
20. Nikitina T. G., Rogaleva E. I., Ivanova N. N. *Bol'shoi slovar' primet: okolo 15 000 edinit* [Big dictionary of omens: About 15 000 units]. Moscow, AST, Astrel, 2009. 685 p. (in Russian).
21. Iona Opie, Moira Tatem, eds. *A Dictionary of Superstitions*. Oxford University Press, 2005. 494 p.
22. Waring Ph. *A Dictionary of omens and superstitions*. London, Souvenir Press, 1998. 264 p.
23. Bazylev V. N. Preface. In: *Mnogoiazychnyi slovar' sueverii i primet. Pod red. D. Puchcho* [Puccio D., ed. Multilingual Dictionary of superstitions and omens]. Moscow, FLINTA, 2013, pp. 6–21 (in Russian).
24. Babaeva E. V. *Linguocultural Characteristics of the Russian and German Axiological Pictures of the World*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 40 p. (in Russian).
25. Vorkachev S. G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiia* [Incarnation of meaning: Conceptualia selecta: Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).
26. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyie kommunikativnye tsennosti v novykh i noveishikh sferakh russkoi rechi: monografiia* [Speech-genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech: Monograph]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).
27. Karasik V. I. *Iazykovaia spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral: Values, signs, motives]. Moscow, Gnosis, 2019. 424 p. (in Russian).
28. Kononova I. V. *Genezis britanskoi natsional'noi moral'no-eticheskoi kontseptosfery skvoz' prizmu iazyka: monografiia* [Genesis of the British national moral and ethical conceptsphere through the prism of language: Monograph]. Ussuriysk, Ussuriysk University Publ., 2009. 256 p. (in Russian).
29. Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh: monografiia* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures: Monograph]. Moscow, Gnosis, 2008. 374 p.
30. Kusse H. *Kul'turovedcheskaia lingvistika* [Cultural Linguistics]. Moscow, Gnosis, 2022. 536 p. (in Russian).
31. Leontovich O. A. *Slovo i obraz v poiskakh drug druga: monografiia* [Word and image in search of each other: Monograph]. Volgograd, PrinTerra-Design, 2022. 252 p. (in Russian).
32. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiia* [Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2004. 340 p. (in Russian).
33. Kartsevsky S. O. About asymmetrical dualism of linguistic sign. In: *Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2 t.* [History of linguistics of XIX–XX centuries in essays and extracts: In 2 parts]. Moscow, Prosveshchenie, 1965, part 2, pp. 85–90 (in Russian).

Поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 10.04.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 10.04.2024; published 28.02.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 51–61

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 51–61

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-51-61>, EDN: SCVQQU

Научная статья

УДК 655.535.54:811.161.1'38'42

Специфика проявления вариативности и условия разрушения жанра аннотация в издательском дискурсе

Т. И. Стекова[✉], М. В. Праско

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

Стекова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Праско Максим Викторович, аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания, mvprasko@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7731-4768>

Аннотация. Рассматривается проблема вариативности речевых жанров и размывания их границ. Цель исследования – определить, изменение каких параметров ведет к разрушению жанра аннотации, функционирующего в издательском дискурсе, а какие изменения допустимы и являются проявлением внутрижанровой вариативности в пределах одного дискурса. Материалом исследования послужили собранные методом случайной выборки 100 русскоязычных прикнижных аннотаций на литературно-художественные издания и издания для детей, выпущенные в 2000–2024 гг. По результатам исследования определено, что издательская аннотация в условиях маркетинговой коммуникации расширяет функциональные возможности и становится полиинтенциональной: помимо предписанной ГОСТом информативной функции, она выполняет функцию воздействия. Усиление рекламного компонента приводит к нарушению требований, предъявляемых нормативными документами к структуре и языковому воплощению прикнижных аннотаций. Проявление дополнительной воздействующей функции и гибкость структуры демонстрируют вариантную реализацию жанра аннотации в издательском дискурсе, поскольку сохраняется ведущая информативная функция и статус вторичного текста. В том случае, когда текст, размещенный на обороте титульного листа, является цитатой из произведения, которое должно аннотироваться, или его структурным элементом, аннотация утрачивает информативную функцию и свою вторичность, что свидетельствует о разрушении жанровой формы.

Ключевые слова: аннотация, речевой жанр, вторичный текст, вариативность, издательский дискурс, персуазивность, аттрактивность

Для цитирования: Стекова Т. И., Праско М. В. Специфика проявления вариативности и условия разрушения жанра аннотация в издательском дискурсе // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 51–61. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-51-61>, EDN: SCVQQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Variability and conditions of abstract genre destruction in publishing discourse

T. I. Stekova[✉], M. V. Prasko

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Tatiana I. Stekova, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Maxim V. Prasko, mvprasko@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7731-4768>

Abstract. The article deals with the problem of variation of speech genres and blurring of their boundaries. The aim of the study is to determine the change of what parameters leads to the destruction of the annotation genre functioning in publishing discourse and what changes are acceptable and are a manifestation of intra-genre variation within one discourse. The study was based on 100 Russian publisher's abstracts of literary fiction and children's editions published in 2000–2024, collected by random sampling. The results of the study prove that the publisher's abstract in the conditions of marketing communication expands its functional capabilities

and becomes polyintentional: in addition to the informative function prescribed by regulations, it has an impact function. The strengthening of the advertising component leads to the violation of the requirements set by normative documents to the structure and linguistic embodiment of publisher's abstracts. The manifestation of the additional influencing function and flexibility of the structure demonstrate the variant realization of the abstract genre in the publishing discourse, as the leading informative function and the status of a secondary text are preserved. In the case when the text placed on the back of the title page is a quotation from the work to be annotated or its structural element, the abstract loses its informative function and its secondary status, which indicates the destruction of the genre form.

Keywords: abstract, speech genre, secondary text, variation, publishing discourse, persuasiveness, attractiveness

For citation: Steksova T. I., Prasko M. V. Variability and conditions of abstract genre destruction in publishing discourse. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 51–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-51-61>, EDN: SCVQQU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Социальная детерминированность жанров речи, с одной стороны, обуславливает их содержательное наполнение, структурно-композиционные особенности и выбор языковых средств, с другой – является причиной перехода одного жанра в другой, появления новых жанров и изменения уже существующих. Вопросы функционирования одного речевого жанра в разных сферах общения привлекают внимание многих современных лингвистов, что актуализирует изучение проблемы вариативности жанра и размытия его границ. Так, М. А. Кантурова выделяет в системе речевых жанров процесс модификации, при котором внутри жанра происходят изменения, приводящие к появлению его вариантов, и процесс мутации, когда межжанровое взаимодействие способствует образованию нового жанра [1]. Внутрижанровую вариативность А. Г. Баранов определяет как «модификации в тематическом, композиционном и вербальном планах» [2: 337]. Исследователи различают вариативность в пределах одного дискурса и при его смене, вариативность способов языкового выражения и жанровой интерпретации высказывания адресатами [3: 90; 4: 180–181]. По мысли Т. Г. Рабенко, жанровые варианты возникают под влиянием коммуникативно-прагматических условий реализации жанра: модификации субстрата, адресата, референтной соотнесенности и функционально-целевого параметра [5: 12]. В. А. Салимовский и Д. В. Яруллин под тождеством жанра понимают «наличие у многочисленных жанровых вариантов общей исходной целеустановки, по-разному актуализируемой в различных коммуникативных условиях» [6: 156], т. е. ведущим жанрообразующим фактором выступает иллюкутивная функция, смена

которой свидетельствует о появлении нового жанра.

Рассмотрим проблему вариативности на примере аннотации. Жанр аннотации не является монолитным и статичным, он функционирует в речи в виде нескольких вариантов: в частности, выделяют библиографическую и издательскую аннотации, аннотацию к научной статье. Несмотря на наличие регламентирующей литературы (ГОСТы, справочники, рекомендации редакций научных журналов), для аннотации характерна внутрижанровая вариативность в пределах одного дискурса. Так, в научном дискурсе структура аннотации к научным статьям зависит от издания, в котором готовится публикация (сборник статей или научный журнал, включенный в перечень ВАК, и пр.), образ автора может быть обобщенным (в аннотации к научному изданию) или конкретным (в аннотации к научной статье); в издательском дискурсе языковое воплощение аннотации зависит от специфики аннотируемого произведения и его адресата и т. д.

Цель нашего исследования – определить, изменение каких параметров ведет к разрушению жанра аннотации, функционирующего в издательском дискурсе, а какие изменения допустимы и являются проявлением внутрижанровой вариативности в пределах одного дискурса.

Материалом исследования послужили собранные методом случайной выборки 100 русскоязычных прикнижных аннотаций на литературно-художественные издания и издания для детей, выпущенные в 2000–2024 гг.

Жанр аннотации в издательском дискурсе

В начале 2000-х гг. был введен ГОСТ 7.86–2003 «Издания. Общие требования к издательской аннотации», посвященный при-

книжной аннотации, под которой понимается текст, содержащий «краткую характеристику издания с точки зрения его целевого назначения, содержания, читательского адреса, издательско-полиграфической формы и других его особенностей» [7: 2]. Появление отдельного нормативного документа для этого вида аннотации продиктовано, по-видимому, необходимостью регламентировать ее содержание и структуру, а также статус обязательного элемента справочно-опознавательного аппарата книги, поскольку в 1990-е гг. издатели нередко пренебрегали качественной подготовкой информации о выпускаемых изданиях.

В ГОСТе 7.86–2003 сформулированы требования, предъявляемые к содержанию, структуре и оформлению издательской аннотации, следовательно, этот жанр подразумевает стереотипную реализацию. Прикнижная аннотация к литературно-художественным изданиям должна содержать следующие сведения:

- целевое назначение и читательский адрес издания;
- сведения об авторе: принадлежность к определенной эпохе, стране, национальности, социальной группе, литературному направлению; время создания произведения; упоминание о других произведениях автора, которые могут быть известны читателю;
- жанр произведения, его стилистические особенности;
- основная тема или проблема произведения, время и место описываемых событий, общая сюжетная линия произведения, характеристика главных героев;
- особенности издательско-полиграфического оформления [7: 3–4].

Особо оговариваются требования к тексту аннотации:

- она имеет «лаконичную, конкретную языковую форму, при этом содержит емкую характеристику издания, без второстепенной и посторонней информации»;
- ее объем не превышает 500–600 печатных знаков;
- «не рекомендуется приводить цитаты из текста произведения, содержащегося в издании»;
- «рекламные элементы в содержании аннотации не должны искажать объективную характеристику издания» [7: 5].

Исходя из определения издательской аннотации и требований, предъявляемых к ее структуре и содержанию, очевидно, что в ГОСТе ведущей обозначена информативная функция жанра. Однако в условиях конкуренции и борьбы за успешность

реализации книжной продукции на потребительском рынке книга становится товаром, который нуждается в рекламе и продвижении. Издательская аннотация нацелена на формирование горизонта читательского ожидания и определенного коммуникативного эффекта: заинтриговать читателя и мотивировать его к прочтению, а значит, и покупке выпущенной книги. В этом аспекте аннотация как адресатоориентированный элемент издательского паратекста обеспечивает единство коммуникативного и коммерческого компонентов издательского дискурса [8] и, следовательно, выполняет, помимо информативной, воздействующую функцию.

Функционирование аннотации в условиях маркетинговой коммуникации приводит к тому, что в современной издательской практике нарушаются многие требования, предъявляемые нормативными документами к структуре аннотации и к сведениям, приводимым в ней. По мнению Н. Г. Иншаковой, «неумение сегодняшних издателей составлять полноценные, соответствующие своему функциональному назначению издательские аннотации не повод для того, чтобы говорить о вымирании жанра, о необходимости кардинального пересмотра требований к нему и замене новой разновидностью...» [9: 78]. Исследователь предлагает выделить два вида аннотаций: издательскую, которая традиционно размещается на обороте титульного листа и содержит объективную характеристику книги, и рекламную, расположенную на задней стороне переплета и выполняющую функцию воздействия на целевую аудиторию [9: 79]. Рекламная аннотация, сохраняя основные типологические особенности жанра, призвана компенсировать сдержанность и нормативность издательских аннотаций за счет использования экспрессивной лексики и синтаксиса, разнообразных приемов привлечения внимания и актуализации информации, цитат и других средств, доступных рекламе [9: 79]. Однако анализ современной издательской практики показывает, что тексты, размещенные на обороте титульного листа и на обложке, чаще всего совпадают, что свидетельствует о неразграничении издательскими работниками предложенных Н. Г. Иншаковой функциональных разновидностей аннотации.

Дерегламентацию текстового пространства издательской аннотации отмечают и М. В. Черкунова и Е. В. Пономаренко, которые утверждают, что введение «слогана и слоганоподобных элементов, смещение смысловых акцентов с информативных блоков на эмотивные <...> насыщение аксиологическими смыслами личного мнения

в противовес профессиональному» приводят к «перестройке» «конвенциональных системных свойств» прикижных аннотаций [10: 104–105].

Исследователи, изучающие издательскую аннотацию в диахронном аспекте, отмечают трансформацию жанровых признаков. Так, Е. Д. Бугрова указывает, что в современных аннотациях снизилась информативная насыщенность высказывания, преобладают императивные, оценочные и прагматические компоненты, наблюдается перенасыщение экспрессией, актуализируется графическая составляющая [11]. Т. Е. Лаевская выделяет следующие особенности современных аннотаций: «усиление жанрово-стилистической гомогенности с первичным текстом, “раскрепощение” языка, преобладание агитационной функции, создание атмосферы “причастности” читателя к сюжету художественного произведения» [12: 92].

Как отмечают многие исследователи, аннотации, размещенные на обложках изданий¹ или на сайтах издательств и в книготорговых каталогах, приобретают черты продвигающих текстов, поскольку направлены на эффективное воздействие на целевую аудиторию и на достижение «коммерческого/репутационного успеха» книги или произведения [13: 78]. Э. А. Зоидзе, исследуя рекламный компонент таких аннотаций, выделяет их прагматические особенности: «объективно-субъективная организация информации, интенциональность, адресованность читателю, аргументативность» [14: 99]. О. Г. Чупрына указывает на значимые структурно-содержательные характеристики обложечной аннотации (в англоязычном научном дискурсе она обозначается термином *blurb*): локация (размещена на задней сторонке переплета), трехчастная структура (описание сюжета, оценка и сведения об авторе), интертекстуальность (наличие цитат из первоисточника или книжных рецензий), информативность (последовательное представление сведений об аннотируемой книге) и модальность (наличие внутренней и внешней оценки) [15]. Отмечая вариативность способов характеристики первоисточника, Н. В. Васильева в качестве компонентов макроструктуры содержания обложечной аннотации указывает краткий пересказ, мини-рецензию, цитацию, которые в совокупности призваны реализовывать интенцию воздействия на адресата таким образом, чтобы он купил книгу [16]. Итак, одни исследователи считают обложеч-

ную аннотацию современной модификацией издательской аннотации, вызванной «послаблением» стандарта [13: 77], другие полагают, что это самостоятельный жанр в издательском дискурсе, который «воспринимается как альтернатива издательской» и рассматривается как средство «полноценного рекламного сопровождения» публикуемых книг [17: 41].

В нашем исследовании мы остановимся на рассмотрении аннотаций, расположенных на обороте титула, и выявим нарушения правил их составления, что, по сути, приводит к усилению воздействующей функции.

Нарушение стандарта как проявление вариативности структуры издательской аннотации

Как показывает анализ собранного материала, нарушения требований стандарта связаны прежде всего со структурой аннотации, что приводит к ее вариативной реализации.

Так, рассмотрим аннотацию к сборнику произведений У. Голдинга:

Уильям Голдинг – писатель, произведения которого, в сущности, никак не объединенные ни внешне, ни стилистически, тем не менее неразрывно связаны между собой на более глубинном, более скрытом уровне. Называйте его психологическим – или, если угодно, этическим. Суть от этого не меняется. И холодновато-изысканная, почти надменная в своей невеселой иронии «Пирамида» по-прежнему связана с абсурдным, натуралистичным и яростным «Повелителем мух» – потому что подлинная МЫСЛЬ и подлинная БОЛЬ не существуют друг без друга... (Голдинг У. Пирамида. Повелитель мух. М.: АСТ, 2001).

Как видим, эта аннотация реализует информативную функцию, как и предписано стандартом, но при этом читательский адрес не определен; автор назван, но не даются сведения о нем; основная проблема намечена, но не указаны сюжетные линии произведений.

Аналогичные отступления от стандартной структуры и в аннотации к роману Г. Гессе:

Перед вами – книга, без которой неминуема ВСЯ культура постмодернизма Европы – в литературе, в кино, в театре. Что это – гениальный авангардистский роман, стилизованный под философию сюрреализма, или гениальное философское эссе, сти-

¹Сейчас уже привычным кажется, что на четвертой сторонке обложки издателя размещают текст аннотации. Новшеством можно считать расположение аннотации на лицевой стороне обложки. В современной издательской практике такие примеры не единичны (рис. 1), однако встречаются они только среди изданий нехудожественной литературы.

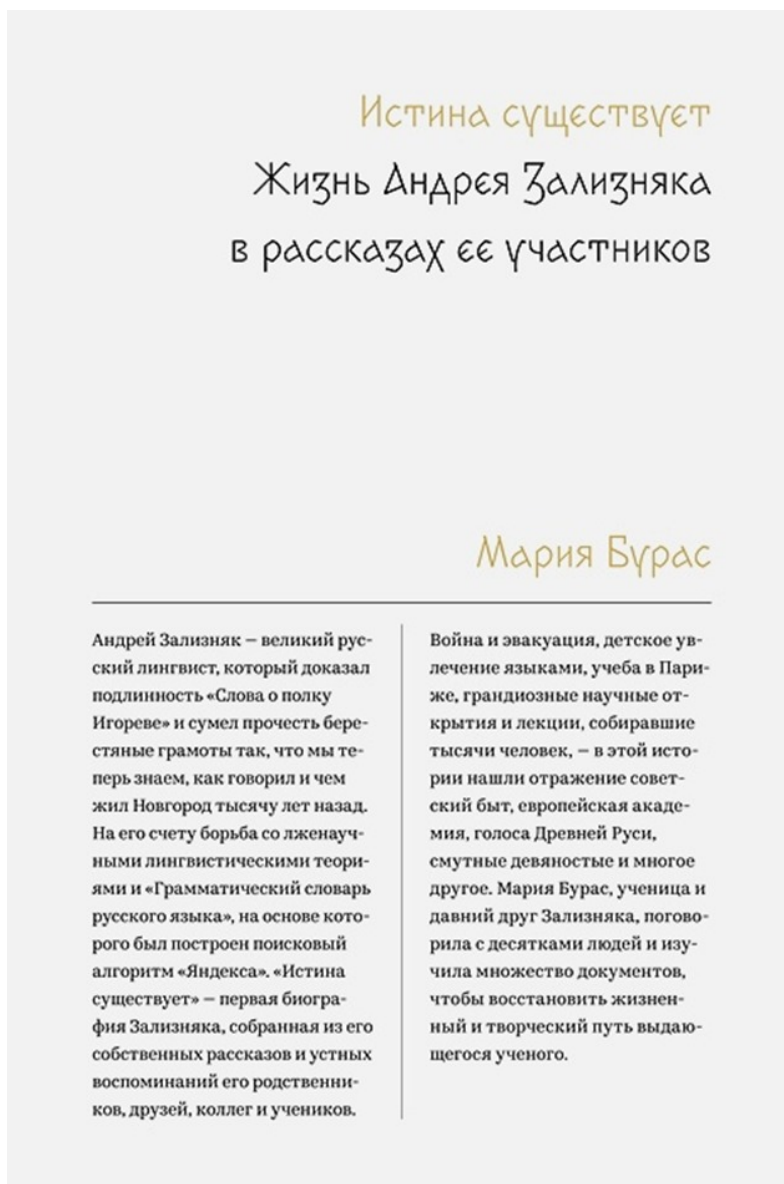

Рис. 1 / Fig. 1

лизованное под сюрреалистический роман? Пожалуй, ТЕПЕРЬ это и не важно.

Важно одно – идут годы и десятилетия, а изысканной, болезненной и эзотеричной «игре в бисер» по-прежнему нет конца. Ибо такова игра, в которую играют лучшие из людей... (Гессе Г. Игра в бисер. М. : АСТ, 2001).

Здесь также читательский адрес не указан; нет никаких сведений об авторе; жанр произведения не определен; тема, основная сюжетная линия не обозначены; объем аннотации не соответствует требованиям. Тем не менее, эта и подобные аннотации выполняют свою основную – информативную – функцию.

Отметим, что в выборке была обнаружена одна аннотация, которая используется для трех разных книг: *Верта – неугомонная стрекоза. Она играет различными предметами и вовлекает в свою игру читателей* (Беллини Л. Верта и колода карт. М. : Городец, 2021; Беллини Л. Верта и карандаши. М. : Городец, 2021; Беллини Л. Верта и яйцо. М. : Городец, 2021). Очевидно, это решение издателей можно объяснить тем, что произведения объединены одной героиней и сюжет построен однотипно. Однако аннотация дает самый минимум информации о содержании, тем самым нарушаются требования к ее составлению.

Наряду с ненамеренным нарушением стандарта можно говорить о сознательном нарушении, вызванном сближением издательского дискурса с маркетинговым. В связи с этим издательская аннотация, обладающая прагматическим потенциалом, начинает выполнять следующие информативно-рекламные функции: «репрезентативная – представить конкретную информацию о произведении; воздействующая – убедить в актуальности произведения и вызвать интерес к приобретению книги; апеллятивно-эмоциональная – выразить заинтересованное обращение к читателю со стороны издательства за счет различных средств воздействия» [18: 33]. Таким образом, наряду с информативной функцией, столь же важной становится и воздействующая функция, следовательно, жанр аннотации – полиинтенциональный. И в этом случае от составителя аннотации требуется творческое мышление, он должен заинтересовать читателя, учитывая специфику объекта аннотирования. Эта задача требует направления усилий автора аннотации на поиски оригинального варианта реализации. Причем, как показывает собранный материал, оригинальность в первую очередь связана не со структурой аннотации, а с используемыми языковыми средствами. На эту особенность уже указывали исследователи. Как отмечает Э. А. Зоидзе, в издательских аннотациях привлечение внимания целевой аудитории осуществляется средствами аттрактивности, наиболее частотными из которых являются цитация, прецедентные имена и тексты,

прилагательные с мелиоративной семантикой, местоимения с инклюзивной семантикой, метафоры и образные сравнения, окказиональные образования, средства ритмизации, вопросительные предложения [19].

Проявление воздействующей функции как вариантная реализация жанра аннотации

Анализ собранного материала позволил выделить несколько способов и средств реализации воздействующей функции, что свидетельствует о вариативности структурно-содержательных компонентов и оформления издательских аннотаций.

1. Семиотическая акцентировка с помощью знаков цитирования, шрифтовых выделений, пробелов и т. д., т. е. аттракторов – словесных знаков, которые задерживают внимание адресата при чтении текста, вызывают у него необходимые эмоциональные реакции.

В аннотации на произведения Дж. Оруэлла прописными буквами выделены слова, на которые составитель текста ставит логическое ударение (рис. 2). По нашим наблюдениям, эта тенденция характерна для аннотаций 2000-х гг., особенно частотно ее проявление в книгах, выпущенных издательством АСТ.

Отметим, что в современных сборниках Дж. Оруэлла, вышедших в АСТ, продолжают использоваться текст аннотации 2009 г. в немного измененном виде и без графически выделенных слов. При этом многие другие издания этих произведений Дж. Оруэлла

Оруэлл, Д.
О-63 1984 : роман. Скотный Двор : сказка-аллегория: [пер. с англ.] / Джордж Оруэлл. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 412, [4] с. — (Классика).

ISBN 978-5-17-047725-8 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-9713-7282-0 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

«1984». Книга, о которой **МНОГО ГОВОРИЛИ** когда-то — и **МНОГО ГОВОРЯТ** сейчас. Книга, ставшая своеобразным «антифоном» для второй великой антиутопии XX в. — «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

Что, в сущности, страшнее — доведенное до абсурда «общество потребления» — или доведенное до абсолюта «общество идеи»? По Оруэллу, нет и не может быть ничего ужаснее **ТОТАЛЬНОЙ НЕСВОБОДЫ**...

«Скотный Двор». Юмор. Сарказм. Притча, ухитрившаяся принять форму «иронической антиутопии».

Может ли скромная **ФЕРМА** стать символом тоталитарного общества? Конечно, да. Но... **КАКИМ** увидят это общество его «**ГРАЖДАНЕ**» — животные, обреченные на бойню?

Рис. 2 / Fig. 2

в том же издательстве выходят с другими аннотациями.

2. Использование цитат.

В аннотации к роману «Идиот» Ф. М. Достоевского используются отрывки из писем автора и отзыва современного читателя.

«Мне бы хоть бы только без большой скуки прочел читатель, – более ни на какой успех и не претендую...», – писал Федор Михайлович Достоевский сразу после публикации романа «Идиот» в номерах журнала «Русский вестник» за 1868 год. И вот прошло почти полтора века. «Меня зовут Наташа, мне 30 лет и я Идиот. Вероятно, моя книгожизнь до Достоевского и после него – это будут две разные жизни. Зря я столько лет боялась Федора Михайловича и отказывала себе в таком замечательном удовольствии. Говорю же, Идиот» (отзыв читательницы на портале Livelib, 2016). «Идиот» сегодня – одно из самых любимых, цитируемых, экранизируемых и инсценируемых произведений русской – да и не только русской! – литературной классики во всем мире. «А насчет недостатков я совершенно и со всеми согласен; а главное, до того злюсь на себя за недостатки, что хочу сам на себя написать критику» (Ф. М. Достоевский, 1869) (Достоевский Ф. М. Идиот. М.: Время, 2017).

В аннотации нет сведений о сюжете, только оценка, представленная разными участниками литературно-издательского процесса. Писатель говорит о недостатках произведения и надеется на интерес со стороны читателя. Современный читатель сокрушается, что так поздно взялся за чтение Достоевского, и отмечает, что получил удовольствие от этого процесса. Составитель аннотации указывает на востребованность классического произведения. Использование цитат в сопоставлении позволяет актуализировать косвенную оценку: автор признает, что книга не без недостатков и может показаться скучной, но она способна перевернуть жизнь читателей, потому что они могут узнать себя в героях романа.

3. Использование в аннотациях прецедентных имен, создающих интертекстуальность. «Адресата словно «втягивают» в интеллектуальную игру, предлагая сигналами интертекстуальности «пройти» по указанному в знаках культуры «извилистому» пути интерпретации смысла» [20: 130]. В аннотации к роману «Радуга тяготения» автор сложного постмодернистского произведения сравнивается с писателями, которые на слуху у публики, знакомой с элитарной литературой, тем самым ему дается оценка (рис. 3). Такое позиционирование выполняет функцию про-

Пинчон Т.

П 32 Радуга тяготения : роман / Томас Пинчон ; пер. с англ. А. Грызуновой, М. Немцова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 928 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-20174-3

Томас Пинчон — наряду с Элинджером, «великий американский за творник», один из крупнейших писателей мировой литературы XX, а теперь и XXI века, после первых же публикаций единодушно признанный классиком уровня Набокова, Джойса и Борхеса. Его «Радуга тяготения» — это главный послевоенный роман мировой литературы, вобравший в себя вторую половину XX века так же, как джойсовский «Улисс» вобрал первую. Это грандиозный постмодернистский эпос и едкая сатира, это помноженная на фарс трагедия и радикальнейшее антивоенное высказывание, это контркультурная библия и взрывчатая смесь иронии с конспирологией; это, наконец, уникальный читательский опыт и сюрреалистический травелог из преисподней нашего коллективного прошлого. Без «Радуги тяготения» не было бы ни «Маятника Фуко» Умберто Эко, ни всего киберпанка, вместе взятого, да и сам пейзаж современной литературы был бы совершенно иным. Вот уже почти полвека в этой книге что ни день открывают новые смыслы, но единственное правильное прочтение так и остается, к счастью, недостижимым. Получившая главную американскую литературную награду — Национальную книжную премию США, номинированная на десяток других престижных премий и своим радикализмом вызвавшая лавину отставок почтенных жюри, «Радуга тяготения» остается вне оценочной шкалы и вне времени.

Рис. 3 / Fig. 3

движения книги среди читателей, знакомых с творчеством упомянутых писателей.

4. Гиперболизированная комплиментарность по отношению к автору или его произведению, которая достигается за счет применения лексических средств со значением положительной оценки.

Великий русский писатель Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) занимает **особое** место в истории отечественной литературы. **Первый** русский нобелевский лауреат, создатель **неповторимой** любовно-психологической прозы, **певец** дореволюционной России... Несмотря на то что он жил вне Родины, душой он был тесно с ней связан (Бунин И. А. Солнечный удар. Жизнь Арсеньева. М. : Верже, 2018).

5. Аппетитивность, основными маркерами которой являются оценочные прилагательные и наречия, назывные и вопросительные предложения.

Сотни переизданий!

Простой язык!

Увлекательный сюжет!

Сможете ли вы выгнать из дому постороннюю женщину, если она решила, что вы именно тот, кто сможет воспитать ее ребенка?

Сможете ли вы отвлечься от забивания колышков и купить «вольво» для своего американского брата?

Сможете ли вы написать путеводитель по Финляндии, имея под рукой только старый журнал *National Geographic* и музыку Сибелиуса?

Все три романа **прославленного** норвежца в одном томе! (Лу Э. Во власти женщины. Наивно. Супер. Лучшая страна в мире. СПб. : Азбука-классика, 2006).

6. Ироничное формальное следование требованиям стандарта (о чем книга и кому она рекомендована).

В новой книге знаменитый художник и писатель, главный номад эпохи Александр Бренер продолжает свой **великий поход против современной цивилизации** и на собственном примере показывает, как и куда можно совершить от нее побег. Книга рекомендована **студентам гуманитарных вузов, менеджерам среднего звена, дезертирам из туменов Чингизхана, голубям Ватикана и активистам арт-пролетариата**.

Но на самом деле эта книжка – вопль беспомощности и отчаянное хватание за соломинку поэзии (Бренер А. Орфей! Орфей! М. : Городец, 2022).

7. Диалогизация, которая создает у адресата «эффект присутствия» до непосредственного «погружения» в произведение.

Вам когда-нибудь приходилось попадать в странные и загадочные обстоятельства? Ну, например, бежите вы по знакомой улице и вдруг, провалившись в люк, оказываетесь в секретном штабе Тайного Общества Трусов. А еще неожиданно выясняется, что ваша родная бабушка – гениальная изобретательница, создавшая машину времени. К тому же – совсем скоро Землю должны захватить хищные космические пришельцы-синеморды, которые хотят заразить людей вирусом страха. И спасение человечества зависит только от вас! Главное – научиться преодолевать свой страх. И тогда самое мощное оружие превращается в пыль, непобедимый враг станет бессильным и в конце концов в ваших руках окажется универсальное **СРЕДСТВО ОТ СТРАХА** № 9 (Воронина Л. Тайное Общество Трусов, или Средство от страха № 9. Минск : Открытая книга, 2018).

8. Отсылка к новым цифровым технологиям, используемым в издании.

А лучше понять героиню, заразиться ее азартом и погрузиться в мир музыки позволят **QR-коды** на полях книги. Достаточно навести смартфон на нужную область, и вы окажетесь перед сценой, на которой исполняют не только русскую классику, но и вариации на тему британского рока (Шрайбер К. Соло для Клары. М. : КомпасГид, 2022).

Как видим, во всех приведенных аннотациях и подобных им предписанная ГОСТом структура не всегда выдерживается, некоторые ее компоненты опущены. Но все-таки информативная функция реализуется и дополняется воздействующей функцией, которая достигается за счет одновременного использования особых языковых средств и приемов, т. е. в одной аннотации применяются сразу несколько способов воздействия, дополняющих друг друга и усиливающих персуазивный эффект. Во всех подобных примерах аннотация остается вторичным жанром (текст о тексте) и значимым элементом издательского паратекста.

В то же время в современном книгоиздании нередки случаи, когда место аннотации на обороте титула занимает цитата из произведения, которое должно аннотироваться. Видимо, для этого выбирается ключевой фрагмент, соотносящийся с основным замыслом текста. Например, в издании сборника произведений В. Токаревой на обороте титульного листа после библиографической записи приведен отрывок одного из рассказов, входящего в книгу:

«Главное не знать, а верить. Вера выше знания. Иначе зачем Богу было создавать

такую сложную машину, как человек? За чем протягивать его через годы, через испытания, через любовь? Чтобы потом скинуть с древа жизни и затоптать? А куда деваются наши слезы, наше счастье, наш каждодневный труд?.. Я всю жизнь чего-то добивалась: любви, славы, богатства. А сейчас мне ничего не надо. Я не хочу ничего. Видимо, я переросла свои желания. Наступил покой как после бомбежки. Бомбежка – это молодость». Виктория Токарева (Токарева В. Ничем не интересуюсь, но всё знаю. СПб. : Азбука, 2022).

Рассмотрим еще один пример, когда место аннотации в издании занимает элемент текста.

Сравним две аннотации к книге «Сиди и смотри» А. Бульбенко и М. Кайдановской (М. : Самокат, 2023). Одна из них размещена в интернет-магазине издательства и соответствует основным правилам составления издательской аннотации:

«Сиди и смотри» – история, которую вместе рассказывают девочка-подросток Марта Кайдановская и писатель Андрей Бульбенко. Марта ведет путевые заметки, вместе с семьей спасаясь из родного города, который находится под обстрелом. Они знакомятся случайно, и девочка вручает писателю заметки в двух разных конвертах –

*со словами, что нужно их вскрыть, если от нее не будет вестей*².

И вторая – аннотация в книге (рис. 4). При чем она не соответствует ни одному из требований, предъявляемых к этому жанру.

В прикнижной «аннотации» воспроизведен эпиграф ко всей повести. Это написанная китайцами на плохом русском языке инструкция по сборке детской двухъярусной кровати. В предисловии от авторов объясняется, что героиня повести писала свои записки на обороте листов этой инструкции. Таким образом, появление такой «аннотации» к книге обусловлено сюжетным ходом, причем автором «аннотации» являются авторы книги, а не сотрудники издательства.

Безусловно, в последних двух случаях тексты, размещенные на обороте титульного листа, выполняют рекламную функцию: привлекают внимание читателя либо публикацией концептуального фрагмента текста (как в аннотации к сборнику В. Токаревой), либо тем, что «аннотация» является композиционно-смысловым элементом текста (как в «Сиди и смотри»). Происходит утрата базовой, жанрообразующей информативной функции, меняется образ автора и диктумное содержание (это уже не вторичный, а первичный текст). В таком случае можно говорить о разрушении самого жанра анно-

Рис. 4 / Fig. 4

²URL: <https://samtambooks.com/book/sidi-i-smotri/>

тации, причиной которого является утрата информативной функции и актуализация воз- действующей функции. Это уже не текст о тексте, а компонент самого текста. Вопрос о том, какова жанровая принадлежность та- ких текстов, остается открытым и требует отдельного исследования.

Заключение

Таким образом, в издательском дискурсе растет степень проявления внутрижанровой вариативности аннотаций вследствие нару- шения требований, предъявляемых к струк- турному построению и языковому оформ- лению текста. Функционирование аннотации

в условиях маркетинговой коммуникации способствовало появлению и дальнейшему усилению дополнительной функции – воз- действующей. Жанр, по сути, сохраняет и расширяет свои границы до тех пор, пока аннотация является вторичным текстом и вы- полняет информативно-рекламную функцию. Если воздействующая функция становится основной или текст, размещенный на оборо- те титула, является фрагментом первоисточ- ника, то это свидетельствует о разрушении жанровой формы, несмотря на то, что со- храняется привычная локация. Выявленная специфика жанра аннотации в издательском дискурсе требует дальнейшего уточнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кантурова М. А. Деривационные процессы в си- стеме речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : дис. ... канд. филол. наук. Но- восибирск, 2012. 169 с.
2. Баранов А. Г. Когнитивность жанра // *Stylistika*. Vol. VI. Opole, 1997. С. 331–343.
3. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров : монография. Ново- сибирск : Изд-во НГПУ, 2019. 128 с.
4. Стеклова Т. И., Крылов Ю. В. Новая жизнь старого жанра: к проблеме вариативности жанра (на ма- териале лозунга и слогана) // *Жанры речи*. 2018. № 3 (19). С. 179–188. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188>
5. Рабенко Т. Г. Инвариантные и вариантные при- знаки жанров естественной письменной речи (на ма- териале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 6–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>
6. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве ре- чевого жанра // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 151–159. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>
7. ГОСТ 7.86–2003. Система стандартов по инфор- мации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Общие требования к издательской аннотации. М. : ИПК Издательство стандартов, 2004. 6 с.
8. Вукулова Л. Г., Макарова И. В. Издательская деятельность как дискурсивная практика: книжный ка- талог // *Когниция, коммуникация, дискурс*. 2013. № 7. С. 23–32.
9. Иншакова Н. Г. Аннотация в современном кон- тексте книжного издания // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2014. № 6. С. 72–83.
10. Черкунова М. В., Пономаренко Е. В. Динами- ческие свойства аннотаций к англоязычным произве- дениям художественной литературы // *Филологические науки в МГИМО*. 2021. Т. 7, № 2 (26). С. 98–107. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-2-26-98-107>
11. Бугрова Е. Д. Эволюция жанра аннотаций к пе- реводной массовой литературе // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2: Гуманитарные на- уки. 2013. № 2 (114). С. 82–88.
12. Лаевская Т. Е. Вторичный жанр «издатель- ская аннотация»: типология, функции, дискурсивные контакты: монография. Мозырь : Изд-во МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. 104 с.

13. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // *Верхневолжский филологиче- ский вестник*. 2018. № 3. С. 71–82. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10136>
14. Зондзе Э. А. Издательская аннотация: осо- бенности продвигающего текста // *Нургалиевские чтения-XII: Научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки: сборник статей по материа- лам международной научно-практической конференции (Астана, 23–24 февраля 2023 г.)* : 3 т. Т. 1 / под общ. ред. К. Р. Нургали. Астана : Мастер ПО, 2023. С. 96–100.
15. Чупрына О. Г. Обложечная аннотация как про- двигающий текст // *Иностранные языки в высшей школе*. 2020. № 3 (54). С. 105–114. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.010>
16. Васильева Н. В. Текст на обложке книги: место в классификации вторичных текстов // *Информацион- ная структура текста: сборник статей*. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 169–182.
17. Иншакова Н. Г. Рекламный и пиар-текст. Осно- вы редактирования : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2014. 256 с.
18. Вукулова Л. Г. Роль издательской аннотации (prière d'insérer) в смысловой презентации классическо- го текста // *Вестник МГПУ. Филологический выпуск (романо-германская филология)*. 2007. Т. 1 (14). С. 33–41.
19. Зондзе Э. А. Аппривность книгоиздательского дискурса // *Актуальные вопросы англистики и мето- дики преподавания русского языка как иностранного: сборник научных статей*. Вып. 2. М. : Языки народов мира, 2023. С. 197–206.
20. Колесникова О. И. Персуазивный текст изда- тельской аннотации: лингвокультурный аспект // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2020. № 22. С. 125–138. <https://doi.org/10.17223/23062061/22/8>

REFERENCES

1. Kanturova M. A. *Derivation Processes in the System of Speech Genres (for Example, the Speech Genre of Cooking Recipe)*. Diss. Cand. Sci (Philol.). Novosibirsk, 2012, 169 p. (in Russian).
2. Baranov A. G. Cognotypicity of the Genre. *Stylistika*, vol. VI. Opole, 1997, pp. 331–343 (in Russian).
3. Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov: monografiya* [Derivation

and Variability of Speech Genres : Monograph]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2019. 128 p. (in Russian).

4. Steksova T. I., Krylov Yu. V. New Life of the Old Genre: To the Problem of Variability in the Genre. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 179–188 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188>

5. Rabenko T. G. The Genres of Natural Writing “Personal Diary”, “Personal Letter”, “Personal Note”: Invariant and Variant. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 6–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>

6. Salimovskij V. A., Jarullin D. V. On a Speech Genre Identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>

7. GOST 7.86–2003. *Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Izdaniia. Obshchie trebovaniia k izdatel'skoi annotatsii* [GOST 7.86–2003. System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Editions. General Requirements to Annotation of Edition]. Moscow, Publishing and printing complex “Publishing House of Standard”, 2004. 6 p. (in Russian).

8. Vikulova L. G., Makarova I. V. Publishing Activity as a Discursive Practice: A Book Catalog. *Cognition, Communication, Discourse*, 2013, no. 7, pp. 23–32 (in Russian).

9. Inshakova N. G. Abstract in the Modern Context of a Book Publication. *Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School*, 2014, no. 6, pp. 72–83 (in Russian).

10. Cherkunova M. V., Ponomarenko E. V. Dynamic Properties of Abstracts to Works of Fiction in English. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2021, vol. 7, iss. 2 (26), pp. 98–107 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-2-26-98-107>

11. Bugrova E. D. The Evolution of Blurbs for Translated Mass Literature. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2013, no. 2 (114), pp. 82–88 (in Russian).

12. Laevskaya T. E. *Vtorichnyi zhanr “izdatel'skaia annotatsiia”: tipologiia, funktsii, diskursivnye kontakty: monografiya* [Secondary Genre “Publishing Abstract”:

Typology, Functions, Discursive Contacts: monograph]. Mozyr, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin Publ., 2021. 104 p. (in Russian).

13. Ukhova L. V. “Promoting Text”: Notion, Features, Functions. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 71–82 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10136>

14. Zoidze E. A. Book Blurbs: Peculiarities of a Promotional Text. *Nurgali K. R., ed. Nurgaliev Readings-XII: Scientific Community of Scientists of the XXI Century. Philological Sciences: A collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (Astana, February 23–24, 2023): 3 vols. Astana, Master PO, 2023, vol. 1, pp. 96–100 (in Russian).*

15. Chupryna O. Blurb as a Promotional Text. *Foreign Languages in Higher Education*, 2020, no. 3 (54), pp. 105–114 (in Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.010>

16. Vasil'eva N. V. Back Cover Text (Blurb) as a Text Type in the Classification of Secondary Texts. In: *The Information Structure of the Text: Collection of articles*. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ. 2018, pp. 169–182 (in Russian).

17. Inshakova N. G. *Reklamnyi i piar-tekst. Osnovy redaktirovaniia: ucheb. posobie* [Advertising and PR text. Fundamentals of editing: A textbook]. Moscow, Aspekt Press, 2014. 256 p. (in Russian).

18. Vikulova L. G. The role of the Publishing Annotation (prière d'insérer) in the Semantic Presentation of the Classical Text. *Vestnik Moscow City University. Philological Issue (Romano-Germanic Philology)*, 2007, vol. 1 (14), pp. 33–41 (in Russian).

19. Zoidze E. A. Attractivity of Book Publishing Discourse. *Topical Issues of English and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language: A collection of scientific articles*. Iss. 2. Moscow, Yazyki narodov mira, 2023, pp. 197–206 (in Russian).

20. Kolesnikova O. I. The Persuasive Text of Publisher's Annotations: A Linguocultural Aspect. *Text. Book. Book Publishing*, 2020, no. 22, pp. 125–138 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/23062061/22/8>

Поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 28.06.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 28.06.2024; published 28.02.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 62–68

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 62–68

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-62-68>, EDN: TCZZVS

Научная статья

УДК 177.6:811.161.1'38

Опьянение души: афористика страсти (семантика, прагматика, речежанровые свойства)

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет, Россия, 350072, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Московская, д. 2

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных
языков, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Аннотация. На материале корпуса малоформатных высказываний исследуются семантика и аксиология страсти, а также дискурсивные свойства афористики. Устанавливается, что афоризм не имеет четкого определения на основании какого-либо одного признака и речь здесь может идти лишь о «семейном сходстве» как приближенности какого-то малоформатного текста по совокупности признаков к идеалу афористического высказывания. В корпусе афоризмов о страсти доминирует аксиологический признак – каждое третье высказывание о страсти содержит её оценку: чаще всего страсть рассматривается как грех и порок, несколько реже она получает положительную оценку – рассматривается как духовное богатство и источник плодотворной деятельности, еще реже наблюдается компромиссный взгляд на оценку страсти, когда она признается благотворной, если её интенсивность не выходит за пределы меры, задаваемой разумом и волей, а вредоносной – если она выходит за пределы меры и овладевает человеком. Праксеология страсти в афористике сводится к рекомендациям подчинять страсти своей воле и учиться управлять ими. Из отличительных семантических признаков страсти в афористике можно отметить её всеисилие и неподвластность воле, а также врожденность и неискоренимость страстей. Из числа собственно отличительных признаков афористики в высказываниях о страсти явно преобладает образность – метафора присутствует практически в каждом четвертом афоризме, причем доминирующим типом метафорического переноса здесь выступает пиро/термометафора: горение и температурные колебания отражены в каждой третьей метафоре страсти. Другая отличительная черта афористики – антитезисность присутствует в каждом шестом высказывании о страсти, где чаще всего страсть противопоставляется разуму. Еще одна отличительная черта афористики – парадоксальность в высказываниях о страсти проявляется относительно редко.

Ключевые слова: афоризм, речевой жанр, страсть, семантический признак, оценка, метафора, антитезисность, парадоксальность

Для цитирования: Воркачев С. Г. Опьянение души: афористика страсти (семантика, прагматика, речежанровые свойства) // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 62–68. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-62-68>, EDN: TCZZVS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Inebriety of the soul: Aphoristica of passion (semantics, pragmatics, genre properties)

S. G. Vorkachev

Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St., Krasnodar 350072, Krasnodar Region,
Russia

Sergey G. Vorkachev, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Abstract. Based on the material of a corpus of short-format statements, the semantics and axiology of passion, as well as the discursive properties of aphorism, are studied. It is established that an aphorism does not have a clear definition based on a single feature and we can only talk about “family resemblance” as the proximity of some

small-format text in terms of a set of features to the ideal of an aphoristic statement. The corpus of aphorisms about passion is dominated by an axiological feature – every third statement about passion contains its assessment: most often passion is considered as a sin and vice, somewhat less often it receives a positive assessment – it is considered as spiritual wealth and a source of fruitful activity, even less often a compromise view of assessment is observed: passion is recognized beneficial, when its intensity does not go beyond the limits set by reason and will, and harmful – when it goes beyond the limits and takes possession of a person. The praxeology of passion in aphorism comes down to recommendations to subordinate passions to your will and learn to control them. Among the distinctive semantic features of passion in aphorism, one can note its omnipotence and insubordination to the will, as well as the innateness and ineradicability of passions. Among the actual distinctive features of aphorism in statements about passion, imagery clearly predominates – metaphor is present in almost every fourth aphorism, and the dominant type of metaphorical transfer here is pyro/thermometaphor: combustion and temperature fluctuations are reflected in every third metaphor of passion. Another distinctive feature of aphorism – antithesis is present in every sixth statement about passion, where passion is most often contrasted with reason. One more distinctive feature of aphorism is that paradox in statements about passion appears relatively rarely.

Keywords: aphorism, speech genre, passion, semantic feature, evaluation, metaphor, antithesis, paradoxicality

For citation: Vorkachev S. G. Inebriety of the soul: Aphoristica of passion (semantics, pragmatics, genre properties). *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 62–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-62-68>, EDN: TCZZVS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Афоризм как малоформатный текст известен с древнейших времен: афористические формы можно встретить уже в вавилонском «Кодексе Хаммурапи», созданном где-то в 1750 г. до н. э., а слово *ἀφορισμός* впервые появляется в медицинском трактате Гиппократов «Афоризмы» где-то в IV в. до н. э. Афоризм же как литературный жанр «официально» оформляется в 1647 г. публикацией «Карманного оракула» Бальтасара Грасиана.

В древнегреческом языке, откуда пришло к нам имя «афоризм», им обозначался логический термин «определение» (у Аристотеля) и было оно образовано, очевидно, от глагола *ἀφορίζω* – «отделять, отмежевывать, ограничивать; определять, обозначать; изгонять, отлучать, устранять, исключать» [1, т. 1: 276]. В определение (дефиницию), как известно, включаются существенные признаки предмета, позволяющие отделить этот предмет от всех прочих предметов, однако афоризм в современном понимании черты дефиниции практически утратил.

В толковых словарях русского языка, фиксирующих бытовое сознание его носителей, афоризм предстает как видовая форма изречения: [2: 25; 3, т. 1: 71; 4, т. 1: 53; 5, т. 1: 52; 6: 52]. В то же самое время само изречение по сути синонимизируется с афоризмом [6: 386; 5, т. 1: 654; 3, т. 1: 1181; 4, т. 1: 584]. Понимание афоризма как малоформатного литературного жанра в литературоведении [7: 42; 8: 64] практически совпадает с его пониманием в бытовом языковом сознании, отраженном в толковых словарях.

Обобщение толкований афоризма в литературоведческих словарях и энциклопедиях приводит к мысли о том, что афоризм представляет собой авторское высказывание, характеризующееся лаконичностью, отточенностью и выразительностью формы, законченностью и обобщенностью содержания, оригинальностью и иногда парадоксальностью заключенного в нем смысла. Литературные афоризмы создаются, как правило, людьми творческими и пишущими – писателями, поэтами и даже учеными, в том числе и лингвистами [9], в задачи исследователей литературных афоризмов входит, главным образом, установление родо-видовой иерархии малых литературных жанров: поиски различий афоризмов, максим, сентенций, гномов, апофтегм, хрий, грегерий и пр. Корпус «мудрых мыслей великих людей» формируется как за счет создания авторских сборников афоризмов, так и путем превращения в прецедентные фразы из художественных и научных произведений, а также выборки из дневников и подготовительных записей писателей.

Несмотря на то что слово «афоризм» продолжает оставаться литературоведческим термином и в основные лингвистические терминологические словари не вошло, афоризм как исследовательский объект привлекает пристальное и все возрастающее внимание как зарубежной [10–13], так и российской науки о языке [14: 663], которая пытается отыскать специфические и лингвистически релевантные признаки своего предмета исследования. В ходе разноаспектного рассмотрения афоризма – как малоформатного текста, как речевого жанра, как фразеологизма, как интертекста, как уни-

версального высказывания и пр. [15–20] были выделены его обязательные и факультативные, формальные и содержательные характеристики. Так, в число обязательных формальных признаков попадают краткость/лаконичность, авторизованность (паспортизованность), воспроизводимость, раздельнооформленность (сверхсловность), однофразовость, номинативность, дискурсная автономность, устойчивость; в число обязательных содержательных – генерализованность сообщаемого (обобщенность), имплицитность и инферентность смысла (идиоматичность, глубина), смысловая законченность, вневременной характер (универсальность, нерелативность); в число факультативных формальных – экспрессивность (выразительность, эстетичность), метафоричность (наличие переносного смысла), образность, интертекстуальность; в число факультативных содержательных – оригинальность (неожиданность формулировки), парадоксальность, антитезисность (антонимичность) [21: 130–132; 22: 151–152; 14: 699; 16: 904; 17: 30–31].

В результате всех этих усилий был сделан довольно обескураживающий вывод о том, что афоризму, как и любому разнокачественному явлению, дать четкого и последовательного классического определения на основании какого-либо одного признака невозможно [14: 662–663], а говорить здесь, как представляется, можно лишь о «семейном сходстве» в понимании Людвиг Витгенштейна [23: 111]: какой-либо малоформатный текст по совокупности признаков с той или иной степенью сходства приближается к афоризму. Так, например, основным критерием отделения афоризмов от пословиц признается наличие-отсутствие автора, однако ситуация здесь осложняется присутствием своего рода «серой полосы», включающей такие малоформатные тексты, как крылатые слова, так называемые «народно-литературные афоризмы», вербальная часть недавно появившихся интернет-мемов и демотиваторов, почти во всем сходные с афоризмами, но спокойно обходящиеся и без автора. В то же самое время генерализованность, получающая статус базового признака афоризмов [14: 699], в полной мере присуща и пословицам.

Разворот парадигмы гуманитарного знания в сторону человека как субъекта речи и мысли в конце прошлого века только стимулировал интерес лингвистики к афористике как к хранилищу и зеркалу духовной культуры народа и ментальности этноса [21: 127]. Возникшее в это время российское ответвление антропологической лингвистики – лингвокультурология и её ипостась лингвоконцептология стали рассматривать афоризм как один из источников формирования понятийной составляющей лингвокультурного концепта наряду со словарными

толкованиями и научными дефинициями [24: 148]. Выделяемые в афористике «ключевые слова» [17: 30–31]), в принципе, совпадают с именами лингвокультурных концептов, в которых концентрируется суть афоризма. Можно, кстати, заметить, что и до появления лингвоконцептологии уже словари афоризмов интуитивно рубрицировались преимущественно на основе «ключевых слов» – имен лингвокультурных концептов. В современной российской антропологической лингвистике афористика активно используется в качестве материала для семантического наполнения преимущественно этических лингвокультурных концептов. Наблюдения над функционированием афоризмов в игровом дискурсе позволяют выделить еще одну факультативную характеристику «мысли, исполняющей пируэт» (Ж. де Брюйн) – тональность, которая разделяется на два вида: тональность «увеселительная» (балагурная), ориентированная на развлечение получателя речи, и тональность, «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателя речи высокую оценку своего остроумия [25].

Свойства страсти

В корпусе афоризмов о страсти (308 единиц) доминирует, безусловно, аксиологический признак – каждое третье высказывание о страсти (104 афоризма) содержит её оценку: отрицательную, положительную или ту и другую в зависимости от интенсивности и предметной направленности последней.

Чаще всего (48 афоризмов) страсть рассматривается как грех и порок, её проявления уподобляются рептилиям: *Нет греха тяжелее страстей* (Лао-цзы); *Страсти – это пресмыкающиеся, когда они входят в сердце, и буйные драконы, когда они уже вошли в него* (К. Гельвеций). Она нехороша уже тем, что вводит нас в заблуждение и заставляет совершать ошибки: *Любая страсть толкает на ошибки, но на самые глупые толкает любовь* (Ф. Ларошфуко). Более того, страсть – это *ад для разума* (Э. Шефтсбери), поскольку она его ослепляет и приводит к безумию: *Страсть ослепляет самые уравновешенные умы* (А. Дюма-отец); *Кто не в себе, тот и не отвечает за себя, страсть изгоняет разум* (Б. Грасиан).

Бог страсти – злой тиран (П. Корнель) – потакание страстям приводит человека к духовному рабству, утрате такого блага, как свобода: *Мы тем свободнее, чем больше мы поступаем сообразно рассудку, и тем больше поработены, чем больше поддаемся страстям* (Г. Лейбниц). Страсть – причина несчастья человека (*Человек бывает несчастлив или вследствие страха, или вследствие безграничной, вздорной страсти* – Эпикур), она приводит к утрате душевного покоя (*Надо быть свободным... как*

от страсти и страха, так и от огорчений, наслаждения для души и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного спокойствия – М. Цицерон), она противоестественна (Страсть есть неразумное и несогласное с природой движение души – Зенон) и животна (Ярость и страсть, – животные черты, а знание и мудрость – красота человека – Абу Хамид аль-Газали), приносит страдание и боль (Как часто, подчинившись голосу страсти на один час, мы платим за него долгими днями скорби – Ас-Самарканди) и ведет к гибели (Темные стихийные страсти, лишая человека устойчивого духовного равновесия, уже сами по себе влекут его к гибели – С. Франк), она источник несправедливости, своекорыстия и эгоизма (Страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными – Ф. Ларошфуко).

Несколько реже (41 афоризм) страсть получает положительную оценку – она рассматривается как духовное богатство человека (А. Франс) и источник всякой живой плодотворной деятельности (В. Белинский). Страсть считается двигателем прогресса и основой величия человека: Ни один великий шаг в истории не был сделан без помощи страсти, которая, удесятерая нравственные силы и изоцряя умственные способности деятелей, сама является великой прогрессивной силой (Г. Плеханов); Как знать, может быть, именно страстям обязан разум самыми блистательными своими завоеваниями (Л. Вовенарг); Ничто великое в мире не совершается без страсти (Г. Гегель); Человек по-настоящему велик лишь тогда, когда им руководят страсти (Б. Дизраэли). Страсть украшает жизнь человека и делает его лучше: Страсти без конца осуждают, им приписывают все человеческие несчастья и при этом забывают, что они являются также источником всех наших радостей (Д. Дидро); Те люди, которых особенно волнуют страсти, больше всего могут насладиться жизнью (Р. Декарт).

Наименее представительным (15 афоризмов) оказывается «умеренный» – компромиссный взгляд на оценку страсти, когда она признается благотворной, если её интенсивность не выходит за пределы меры, задаваемой разумом и волей, а вредоносной – если она выходит за пределы меры и овладевает человеком: Страсть, стоит ей перейти естественную меру, непременно теряет и всякую меру (Л. Сенека); Все страсти хороши, когда мы владеем ими; все дурны, когда мы им подчиняемся (Ж.-Ж. Руссо). В то же самое

время оценка страсти зависит от характера объекта, на который она направлена – созидание или разрушение, добрые дела или злодеяния: Страсть – ключ к творческому началу, если она управляема совестью. И к разрушению, а то и преступлению, если совесть заменяется сиюминутной необходимостью (Б. Васильев).

С аксиологией страсти, естественно, соседствует её праксеология, дающая советы и рекомендации как нужно действовать по отношению к страстям – стараться подчинять их своей воле, учиться управлять ими: Владей страстями, иначе страсти овладеют тобой (Эпиктет); Подчините себе ваши страсти, и их сила станет вашей силой, их величие – вашей красотой (А. Франс).

В корпусе афористических высказываний о страсти можно встретить упоминание и других характеристик этого интенсивного чувства. Чаще всего здесь говорится о его всеилии, неукротимости и неподвластности воле (Ослепление страстью имеет настолько дьявольскую силу, что власть ее над людьми не знает границ. Ничто не может ей препятствовать: ни возраст, ни опыт, ни положение в обществе – М. Матисс; Того, кто вздумал бы препятствовать зарождению страстей, я счел бы почти таким же безумцем, как и того, кто вздумал бы уничтожить их – Ж.-Ж. Руссо), страсти «ранжируются» по силе (Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – властолюбие – В. Белинский; Самая необузданная страсть у всех живых существ – похоть и голод; первая вызвана постоянным стремлением к воспроизводству себе подобных, вторая – к самосохранению – Дж. Аддисон), утверждается, что одну страсть может подавить только другая – клин вышибается клином (Только великая страсть способна укрощать наши страсти – А. Пети).

Констатируется врожденность и неискоренимость страстей (Как плотью, жилами, и кровью, и костями, / Так от рожденья мы наделены страстями – П. Ронсар), их всеохватывающий, доминантный характер (Человек, у которого много страстей одновременно, не имеет ни одной из них – К. Гельвеций), их беспричинность и бессознательность (Любит, потому что любит, не любит, потому что не любит, – логика чувств и страстей коротка (А. Герцен).

Отмечаются непостоянство и динамизм страстей (Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни – Ф. Ларошфуко; Живет надеждой страсть и гибнет вместе с ней: / То пламень, гаснущий, когда нет пищи новой – П. Корнель), зависимость от возраста (Этому возрасту с всеобщего согласия позволяют кое-какие

любовные забавы, и сама природа щедро надевает молодость страстями – М. Цицерон).

Речежанровые характеристики

Речежанровые характеристики

Из числа собственно отличительных признаков афористики [22: 151] в высказываниях о страсти явно преобладает образность – метафора присутствует практически в каждом четвертом афоризме (в 80 единицах), причем доминирующим типом метафорического переноса здесь выступает пиро/термометафора, с помощью которой «овеществляется» интенсивность эмоционального проявления, его «накал». Горение и температурные колебания отражены в каждой третьей метафоре страсти (26 единиц), где страсть воспламеняет, пылает, сжигает, кипит, охладевает и угасает: *Жар страстей нередко бывает жаром гения* (О. Мирабо); *Достаточно и малого словца, / Чтоб страсти грозным вспыхнули пожаром* (Г. Цадаса); *Перекипевшие страсти образуют ядовитую накипь* (В. Карасик); *Всевластная любовь повелевает нами / И разжигает в нас, и гасит страсти пламя* (Ж. Расин).

Почти в два раза реже (15 единиц) страсть персонифицируется – уподобляется человеку, она говорит, советует, рассуждает, отправляет правосудие: *Как часто, подчинившись голосу страсти на один час, мы платим за него долгими днями скорби* (Ас-Самарканди); *Если советы страсти более смелы, чем советы рассудка, то и силы для исполнения их страсть дает больше, чем рассудок* (Л. Вовенарг); *Страсть плохо рассуждает* (О. Бальзак); *Господствующая страсть – это судья, наделённый властью совершать правосудие* (К. Гельвеций).

Все прочие типы переноса вспомогательного субъекта в афористике страсти появляются значительно реже. Семь раз страсть реифицируется, она уподобляется неодушевленным предметам (вещам) – оковам, стрекалу, паутине, веревке, мыльному пузырю: *Разум, нередко скованный страстями, зачастую обладает лишь свободой не оказывать им уважения, а только вести их с большим искусством к преступлению* (К. Гельвеций); *Страсти являются как бы стрекалами для души, толкающими ее на добродетельные поступки* (М. Монтень); *Страсть в человеке сначала паутина, потом – толстая веревка* (Талмуд); *Внезапная страсть ударяет как молния и лопається как мыльный пузырь* (Ф. Жиро). Так же семь раз она «одушевляется», уподобляется живому существу – она бодрствует, живет и умирает: *Страсти в человеке постоянно бодрствуют, высматривая себе добычу; рассудок же спит, пока его не разбудят* (И. Гердер); *Вы можете найти спасение: из-*

гоните от себя разврат, умерщвляя страсти постом и воздержанием (М. Ярагский).

Страсть уподобляется явлениям природы (*Страсти – это ветры, надувающие паруса корабля; ветер, правда, иногда топчет корабль, но без него корабль не мог бы плыть* – Ф. Вольтер; *Страсти – это облака, затемняющие солнце разума* (К. Гельвеций), животным (*Всякий человек подобен укротителю диких зверей, а эти звери – его страсти* – А. Амнель), жидкости (*Превзошел в своем деле любых мастеров. / Над столом бытия опрокинул он чашу / И страстями наполнил ее до краев* – О. Хайям), ослепительному свету и мраку (*Они [страсти] ослепляют наш ум ложным блеском, покрывают и наполняют его мраком* – Н. Мальбранш), болезни (*Внезапная страсть, как и внезапный паралич, часто поражает лишь одну сторону* – Х. Роулэнд) либо, наконец, она уподобляется несколько абстрактным явлениям (*Страсть – опьянение души* – Р. Саути; *Единственный ад для разума – страсть* – Э. Шефтсбери).

Еще одна отличительная черта афористики – антитезисность, вербализуемая через антонимичность, присутствует в каждом шестом афористическом высказывании о страсти (51 единица). Чаще всего, как и можно было ожидать, страсть как эмоциональное явление противопоставляется разуму (рассудку, уму): *Что постановит страсть, то непродолжительно, мимолетно; что определит разум, в том век не раскаешься* (Э. Роттердамский); *Если советы страсти более смелы, чем советы рассудка, то и силы для исполнения их страсть дает больше, чем рассудок* (Л. Вовенарг); *Чем больше людям отпущено ума, тем сильнее их страсти* (Б. Паскаль). За разумом идет любовь: *Любовь – это желание отдавать, а страсть – желание брать* (Р. Литвинова). В афоризмах о страсти ум противопоставляется глупости, свобода – неволе, радость – горю, порок – добродетели, сила – слабости, жар – холоду, женщины – мужчинам: *Страсти придают самым глупым людям ум и делают глупыми самых умных* (Л. Сенека); *Тот, кто дает волю своим страстям, становится их рабом* (Э. Севрус); *Те, кому довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению, и горюют о нем* (Ф. Ларошфуко); *Страсти становятся пороками, когда превращаются в привычки, или добродетелями, когда противодействуют привычкам* (В. Ключевский); *Мы сопротивляемся нашим страстям не потому, что мы сильны, а потому, что они слабы* (Ф. Ларошфуко); *Женская страсть – это эпос, мужская – эпиграмма* (К. Краус).

И, наконец, такой отличительный признак афористики, как парадоксальность – неожидан-

ность определений и характеристик страсти, инференций и выводов в суждениях о ней здесь проявляется относительно редко: *Настоящая страсть есть сумма двух недоразумений* (Д. Буфалино); *Страсть – каприз, натолкнувшийся на препятствие* (А. Декурсель); *Терпенье может обернуться страстью* (П. Сир); *Настоящая великая страсть встречается ныне довольно редко. Это привилегия людей, которым больше нечего делать* (О. Уайльд).

Заключение

Афоризм, как и любое разнокачественное явление, не способен получить четкое определение на основании какого-либо одного признака, речь здесь может идти лишь о «семейном сходстве» как приближенности какого-то малоформатного текста по совокупности признаков к идеалу афористического высказывания.

В корпусе афоризмов о страсти доминирует аксиологический признак – каждое третье высказывание о страсти содержит её оценку: чаще всего страсть рассматривается как грех и порок, несколько реже она получает положительную оценку – рассматривается как духовное богатство и источник плодотворной деятельности, еще реже наблюдается компромиссный взгляд на оценку страсти, когда она признается благотворной, если её интенсивность не вы-

ходит за пределы меры, задаваемой разумом и волей, а вредоносной – если она выходит за пределы меры и овладевает человеком. Праксеология страсти в афористике сводится к рекомендациям подчинять страсти своей воле и учиться управлять ими. Из отличительных семантических признаков страсти в афористике можно отметить её всеилие, неукротимость и неподвластность воле, а также врожденность и неискоренимость страстей.

Из числа собственно отличительных признаков афористики в высказываниях о страсти явно преобладает образность – метафора присутствует практически в каждом четвертом афоризме, причем доминирующим типом метафорического переноса здесь выступает пиро/термометафора, с помощью которой «овеществляется» интенсивность эмоционального проявления: горение и температурные колебания отражены в каждой третьей метафоре страсти. Еще одна отличительная черта афористики – антитезисность присутствует в каждом шестом афористическом высказывании о страсти, где чаще всего страсть противопоставляется разуму. Такой отличительный признак афористики, как парадоксальность – неожиданность определений и характеристик, инференций и выводов в суждениях в афористических высказываниях о страсти проявляется относительно редко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. 848 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2000.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2001.
5. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1984.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
7. Кожевников В. М., Николаев П. А. Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
8. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. 1600 с.
9. Карасик В. И. Эпиграфы. Волгоград : Парадигма, 2014. 478 с.
10. Davis M. S. Aphorisms and Clichés: The Generation and Dissipation of Conceptual Charisma // Annual Review of Sociology. 1999. № 25. P. 245–269.
11. Geary J. The World in a Phrase: A Brief History of the Aphorism. New York : Bloomsbury, 2005. 240 p.
12. Baias C. The Aphorism: Function and Discursive Strategy // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 191. P. 2267–2271.

13. Hui A. A Theory of the Aphorism. From Confucius to Twitter. Princeton : Princeton University Press, 2019. 272 p.

14. Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 4. С. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

15. Горячева Е. Д. Афоризм как целостный текст: механизмы структурно-семантической организации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 129–138.

16. Иванов Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

17. Королькова А. В. Русская афористика в контексте фразеологии : дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2005. 422 с.

18. Мечковская Н. Б. Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. С. 79–111.

19. Наличникова И. А. Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58), ч. 3. С. 121–123.

20. Туманова Е. О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого

языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43), ч. 1. С. 175–179.

21. Авдеева А. С., Водоватова Т. Е. Афоризм: понятие, лингвистический статус, структурно-содержательная специфика // Вестник Международного института рынка. 2017. № 2. С. 127–134.

22. Воркачев С. Г. *Lumen naturale*: аксиология интеллекта в языке. М. : Флинта ; Наука, 2017. 296 с.

23. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. 612 с.

24. Воркачев С. Г. Образ слова: к семантическому портрету имени // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 145–150.

25. Воркачев С. Г. Игры разума: интеллект в юмористическом дискурсе // Лингвокультурология. 2016. Вып. 10. С. 26–51.

REFERENCES

1. Dvoretiskii I. Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'*: v 2 t. [Ancient Greek-Russian dictionary: in 2 vols]. Moscow, Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958 (in Russian).

2. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953. 848 p. (in Russian).

3. Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka*: v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow, Astrel'-AST, 2000 (in Russian).

4. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*: v 2 t. [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative: in 2 vols]. Moscow, Russkii yazyk, 2001 (in Russian).

5. *Slovar' russkogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow, Russkii yazyk, 1981–1984 (in Russian).

6. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint, 1998. 1536 p. (in Russian).

7. Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 752 p. (in Russian).

8. Nikoliukin A. N. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvak, 2001. 1600 p. (in Russian).

9. Karasik V. I. *Epigrafiy* [Epigraphs]. Volgograd, Paradigma, 2014. 478 p. (in Russian).

10. Davis M. S. Aphorisms and Clishés: The Generation and Dissipation of Conceptual Charisma. *Annual Review of Sociology*, 1999, no. 25, pp. 245–269.

11. Geary J. *The World in a Phrase: A Brief History of the Aphorism*. New York, Bloomsbury, 2005. 240 p.

12. Baias C. The Aphorism: Function and Discursive Strategy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, no. 191, pp. 2267–2271.

13. Hui A. *A Theory of the Aphorism. From Confucius to Twitter*. Princeton, Princeton University Press, 2019. 272 p.

14. Ivanov E. E. Aphorism as an object of linguistics: Main signs. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (in Russian).

15. Goriacheva E. D. Aphorism as an integral text: Mechanisms of structural-semantic organization. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 129–138 (in Russian).

16. Ivanov E. E. Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series : Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924> (in Russian).

17. Korol'kova A. V. *Russian Aphorism in the Context of Phraseology*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Smolensk, 2005. 422 p. (in Russian).

18. Mechkovskaia N. B. Genres of aphorism and gradation of statements according to the degree of idiomaticity. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres : Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs "Nauka", 2009, iss. 6, pp. 79–111 (in Russian).

19. Nalichnikova I. A. Aphorism as a genre, compact text and universal statement. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 4 (58), part 3, pp. 121–123 (in Russian).

20. Tumanova E. O. Aphorism as a speech genre: Stages of formation and development (by the material of the German language). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2015, no. 1 (43), part 1, pp. 175–179 (in Russian).

21. Avdeeva A. S., Vodovatova T. E. Aphorism: Concept, linguistic status, structural and content specificity. *Bulletin of the International Market Institute*, 2017, no. 2, pp. 127–134 (in Russian).

22. Vorkachev S. G. *Lumen naturale: aksiologiya intellekta v yazyke* [Lumen naturale: Axiology of intelligence in language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2017. 296 p. (in Russian).

23. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty. Ch. 1* [Philosophical works. Part 1]. Moscow, Gnozis, 1994. 612 p. (in Russian).

24. Vorkachev S. G. Image of the word: To the semantic portrait of the name. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 2018, no. 1, pp. 145–150 (in Russian).

25. Vorkachev S. G. Mind games: Intelligence in a humorous discourse. *Linguoculturology*, 2016, iss. 10, pp. 26–51 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 20.02.2024; published 28.02.2025

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

Научная статья

УДК 811.161.1'38

Немая сцена в свете теории речевых жанров

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. В статье предпринят анализ коммуникативных готовностей универсального феномена немой сцены под углом зрения теории речевых жанров. Немая сцена понимается как распространенное речезанровое событие, в процессе которого возникает безмолвно реализуемый психологический эффект восприятия озадачивающей неожиданности. Нами рассматриваются структурно-функциональные признаки немой сцены, ее семантические горизонты и формы проявления в живой речи и в художественных произведениях. Установлено, что структурные составляющие композиции немой сцены включают в себя, во-первых, привычно общающихся адресатов будущей новости, во-вторых, само внезапное коммуникативное событие, в-третьих, эмоционально окрашенную реакцию заметного удивления со стороны участников события, в-четвертых, спонтанно порождаемую обстоятельствами речевую паузу как встречный когнитивный отклик на отклонение от изведенного и привычного; в-пятых, едва намечаемый самой внутренней энергией паузы выход из напряженного состояния. В отмеченной пятиактной цепочке речезанровых признаков немой сцены доминантную роль в маркировке данного явления играет фактор порождаемого ситуацией невольного содержательного молчания. Красноречивое молчание вызвано состоянием аффекта как непроизвольной реакции на случившееся. Немая сцена – разновидность коммуникативного поведения, способная проявлять себя в пределах разных жанров межличностного дискурса: в информативной сфере бытия, в фатическом общении, в сосредоточенно монологическом мышлении. Немая сцена является испытанной коммуникативной формой обнаружения до времени скрытой вести, вызывающей широкий диапазон ответных реакций – от страха и ужаса до радости и ликования.

Ключевые слова: немая сцена, гипержанр, речевое событие, пауза, удивление, молчание, коммуникативное поведение

Для цитирования: Прозоров В. В. Немая сцена в свете теории речевых жанров // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A silent scene in view of the speech genre theory

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The article offers the analysis of the communicative potential of the silent scene as a universal phenomenon in view of the speech genre theory. A silent scene is understood as a widely spread speech genre event, during which there appears a speechless psychological effect of perceiving puzzling unexpectedness. The

author analyzes structural and functional properties of a silent scene, its semantic horizons and forms of its implementation in speech and fiction. It is established that structural components of the silent scene composition include, firstly, customarily interacting addressees of the coming news, secondly, the unexpected communicative event itself, thirdly, the emotionally colored reaction full of noticeable surprise on the part of the participants of this event, fourthly, a speech pause which is spontaneously originated by the circumstances as an oncoming cognitive feedback to the deviation from something unexperienced and habitual, fifthly, the way out of the dramatic situation, hardly marked out by the interior energy of the pause. In this five-act chain of speech genre properties of a silent scene the factor of unwilling meaningful silence originated by the situation dominates. Conspicuous silence is caused by the affective state as a spontaneous reaction to what has happened. A silent scene is a variety of communicative behavior which is able to manifest itself within different genres of personal discourse: in informative sphere, in phatic communication, in intent monologic brainwork. A silent scene is a time-tested communicative form of discovering hidden before now news which causes a great variety of feedback – from fear and terror to joy and elation.

Keywords: silent scene, hyper genre, speech event, pause, surprise, silence, communicative behavior

For citation: Prozorov V. V. A silent scene in view of the speech genre theory. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Фразеологизм «немая сцена» (далее – НС) напрямую восходит в нашей отечественной коллективной памяти к знаменитому финалу комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», но в то же время предполагает и несомненно более широкий спектр смыслопроявлений.

Наша задача – оценить и описать коммуникативные готовности универсального и многофункционального феномена немой сцены в свете современной теории речевых жанров. Под немой сценой мы соглашались понимать распространенные, многообразные, разномасштабные ситуации речевых жанров, в процессе которых возникает почти безмолвно реализуемый психологический эффект восприятия озадачивающей внезапности. Нежданное событие словно бы лишает погруженных в него дара речи. Слова оказываются бессильными передать реакцию на только что происшедшее.

Своим рождением НС обязана чувству явно ощущаемого / сильного / из ряда вон выходящего удивления, прямым следствием которого является некоторое замешательство и ошеломление (см. осмысление категории удивления в современных филологических работах [1, 2]). Сам характер скорого интенсивного удивления, его коммуникативная тональность [3: 384], эмоциональный всплеск и взрыв, замешательство и восторг обусловлены конкретной ситуацией и могут быть отмечены и откровенным пробуждением страха, и широкой амплитудой ярко окрашенных недоумений или едва заметной растерянности, и произвольной искренней радостью и внутренним ликованием. НС отзывается в таких распространенных речевых конструкциях, как «оторопь взяла», «бросило в дрожь», «в гру-

ди что-то оборвалось», «застыл от страха», «замерли от изумления», «в тихом восторге», «в немом восхищении».

Рассмотрим основные структурно-функциональные признаки НС, ее семантические горизонты и формы проявления в непосредственной живой речи и в словесно-художественном преломлении.

1. Структурно-функциональные признаки НС

В художественно-образном выражении НС отчасти напоминает пантомиму, безмолвное представление, единственным способом выражения мыслей и чувств в котором являются пластические движения, жестикуляция и мимика. В сущности, у Гоголя впечатляюще гротескно и вместе целостно явлены все основные необходимые и достаточные признаки-стадии интересующего нас немого коммуникативного события (как правило, пятиактного в своей темпоральной синтактике, в разновременной протяженности) [4: 24–25]. Обратимся к структурным составляющим композиции НС в гоголевском тексте.

Вся уездная, как мы бы сегодня сказали, элита собирается в доме городничего, чтобы поздравить его и его супругу «с необыкновенным счастьем» – предполагаемым замужеством дочери. Почтмейстер «впопыхах» развеивает умопомрачительные иллюзии. Городничий в смятении и ярости. Все ищут виноватых. Несмотря на стремительность развязки, связанной с известием о том, что Хлестаков, которого все «приняли за ревизора, был не ревизор», наши герои прямо на глазах начинают приходить в себя: городничий несостоявшегося зятя именует уже вертопрахом; остальные принимаются клей-

мить местных «сплетников городских, лгунов проклятых». Короче говоря, всё готово прийти в привычное удобное состояние. Это *акт первый* – исходный момент, сложным образом определившийся фон будущего скорого превращения.

И тут-то как раз (*акт второй* – внезапное происшествие, неожиданное коммуникативное событие императивного типа), как бог из машины, является вестник – Жандарм с ошарашивающей новостью о приехавшем «по именному повелению» и остановившемся в гостинице настоящим ревизоре.

Акт третий – первая непосредственная когнитивная реакция на случившуюся внезапность: следует авторская ремарка, характеризующая начальный отклик комедийных героев на прозвучавшее известие. Оно «поражает как громом всех». Спонтанное ошеломление сопровождается «звуком изумления», который «единодушно вылетает из дамских уст». И в этот момент (*акт четвертый* – озадаченное безмолвное переживание случившегося, «коммуникативно значимое молчание» [5: 36]) вся группа сценических персонажей, пластически видоизменяясь, «остаётся в окаменении». Далее в тексте комедии как раз и объявляется словосочетание, которому суждено будет стать крылатым: «немая сцена».

Тут всё: испуг, полная потерянности, безмолвное вопрошение, сардонические насмешки, относившиеся «прямо к семейству городничего»... Автор настаивает на почти полтора-минутном окаменении. А у зрителя – полтора-минутное разглядывание преображений, случившихся с только что активно действовавшими лицами. Замерли, застыли, остолбенели... Стихли? На время окаменели, чтобы (предчувствие *акта пятого* – возвращения к привычному состоянию, но осложненному тем, что только что пережито) воспрянуть вновь. По правую сторону от Городничего – «жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела». Эти хоть и застыли, но в любой момент готовы ожить. Простодушный почтмейстер претерпел фантазмагорическую перемену. Он оказался где-то за женой и дочерью городничего и превратился «в вопросительный знак», да ещё и «обращённый к зрителям». Наставнику юношества Луке Лукичу предписывается изображать из себя человека, «потерявшегося самым невинным образом». Проще вроде бы Землянике: играющий его должен наклонить голову несколько набок, как если бы он к чему-то прислушивался. Земляника – услужливый «проныра и плут», по аттестации Гоголя. С него всё как с гуся вода. И здесь он тоже, за компанию одеревенев, слуха тем не менее не утратил и внутренне готов, как он уже докладывал

об этом Хлестакову, и впредь «стараться на службу отечеству».

Целую пантомиму в немой сцене разыгрывает Ляпкин-Тяпкин. Он присел «почти до земли» «с растопыренными руками» и при этом сделал «движение губами, как будто бы хотел посвистать или произнести “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!”». За судьей расположился едва прописанный в тексте комедии отставной чиновник Коробкин. Причем Коробкин, ненароком нарушая принятые в пьесе театральные законы «четвертой стены», обращается к зрителям «с прищуренным глазом и едким намёком на городничего». Предсказуемо устремляются «движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами» Бобчинский и Добчинский. «Поза каждого персонажа в немой сцене пластически передаёт степень потрясения, силу полученного удара», – справедливо итожит Ю. В. Манн [6: 233].

Паралич хитроумной несправедливости? Идея возмездия за грехи? Мысль о неотвратимости закона? Торжество государственной справедливости? Вмешательство высшей карающей силы? Символическая, апокалиптическая картина Страшного Суда? «Финал не отбрасывает героев к исходным позициям, а, проведя их через цепь потрясений, ввергает в новое душевное состояние» [Там же: 235].

Занавес опускается. Мы остаёмся со своими собственными мыслями и проблемами. Но пребывает с нами и беспокойное ощущение присутствия в нашей жизни тех самых противочувствий, которые в полной мере предъявил Гоголь в своей комедии. Гоголевская композиция НС служит точным ключом к пониманию самого феномена внезапной озадаченности и смущения как распространенной разновидности коммуникационного поведения.

Что же представляет собой НС в свете теории речевых жанров? Мы соглашались с мыслью о целесообразности «идеи расширительного понимания РЖ при одновременной внутренней дифференциации данного явления» [7: 144]. По терминологии К. Ф. Седова [8: 14–15] (с учетом обстоятельных уточнений Л. В. Балашовой) [9: 22], НС как комплексное целое в её пятиактном осуществлении напоминает коммуникативно-речевой *гипержанр*, в состав которого входят и различные речевые жанры исходной ситуации (в «Ревизоре» это хор поздравлений, сменяемый публичным чтением частного письма, следующие за этим самоуспокоительные инвективы городничего), и речевой жанр оглашения ошарашивающей новости, и произвольные эмоционально-экспрессивные возгласы реагирующих на новость, и безмолвное оцепенение, и пласти-

чески намечаемая готовность выхода из неё. Вместе с тем, НС в силу своей коммуникативной процессуальности может быть отнесена и к сложным *речевым событиям*, которые включают «в свой состав в качестве вербальной составляющей речевые жанры – при этом несколько разных речевых жанров, даже разные наборы их» [7: 139–140].

Важно отметить, что в НС большая роль отводится разнонаправленной энергии этического порядка, которую можно описать при помощи понятий «стыд», «конфуз», «неловкость», «досада», «огорчение», «разочарование», «раздражение», «гнев»... Хотя может проявиться и сочувствие, жалость, симпатия, одобрение, просветление, счастливое озарение. В любом случае НС как сложное коммуникативно-речевое явление предполагает:

- наличие участников исходного, размеренно устоявшегося жизнепорядка, предсказуемого хода житейских обстоятельств, привычно общающихся в традиционно заданных речевых пределах;
- неожиданное коммуникативное событие: обнаружение-объявление непредвиденного случая-прецедента (известия / объекта / события / поведенческого акта), способного мгновенно взволновать, взорвать, возмутить предшествовавшее ему, относительно спокойное общение;
- невербальную / предельно краткую / немногословную, но эмоционально отчетливо окрашенную реакцию удивления со стороны участников события; реакция эта может сопровождаться нечаянно вырвавшимися возгласами, восклицательно-фразеологическим аккомпанементом к происшедшему: «Ба!», «Ах!», «Ну и ну!», «Ничего себе!», «Это ещё что такое?!», «Какими судьбами!», «Вот тебе раз!», «Подумать только!» и т. п.;
- спонтанно порождаемую обстоятельствами речевую паузу, длительность которой напрямую зависит от степени (меры) нарушения спокойного течения предшествовавших стадий коммуникативного контакта; в нашей жизни «существует целый ряд смыслов, которые не могут быть переданы средствами языка даже в незначительной степени» [7: 496].
- выход из напряженного, беспокойного, стрессового состояния, едва заметно намечаемый самой паузой, её внутренней энергией.

Степень соотносительной жесткости / свободы элементов (актов), связывающих НС, зависит от согласованности / рассогласованности настроений, интересов, мироотношений адресанта (носителя непредвиденного сооб-

щения или поступка) и адресата внезапной ошарашивающей новости.

В отмеченной пятиактной цепочке речевых признаков НС доминантную роль в самой маркировке данного события играет фактор порождаемого событием невольного молчания. Молчание вызвано состоянием аффекта, волнения, смущения как непроизвольной реакции на случившееся, происшедшее, открывшееся (см. детальное изучение феномена молчания в отечественной лингвистике и культурологии [5; 10–14]).

Зачастую молчание в НС способно быть описано экспрессивными пословично-поговорочными конструкциями. Сравним в коллекции В. И. Даля, в его «Пословицах, поговорках и прибаутках русского народа», подобные примеры эмоциональных констатаций, подытоживающих резонансы, сопричастных НС: «Что это за невидаль!», «Такие чудеса, что дыбом волоса»; «Чуден свет – дивны люди»; «Дивны дела твои, Господи!»; «Как снег на голову»; «Как огнем обхватило, как паром (варом) обдало»; «Не из тучи гром грянул (из навозной кучи)»; «Не успела кошка умыться, а гости наехали»; «Как рублем подарил»; «Как медом напоил».

НС антропологически задана нам интенциональными состояниями, связанными с поражающей нас новизной, известием, уведомлением, непроизвольно порождающими эффект молчания. Сама семантика молчания, имеющая глубочайшую историческую и предысторическую конвенциональную подоплёку, во многом предопределяет общую тональность и связность НС.

2. Семантические горизонты НС (информатика)

В повседневно-бытовом, прагматическом смысле, находящем свое воплощение и во вторичных (художественных) речевых жанрах, НС – это разновидность коммуникативного поведения, способная проявлять себя в обширных пределах разных жанров межличностного дискурса: и в информативной сфере бытия, и в фатическом общении, и даже в сосредоточенно монологическом мышлении.

В широком *информативно-речевом* пространстве НС рождается при встрече предполагаемого адресата информации с очевидно неожиданными для него вестями (новостями), не вписывающимися в привычную картину мира, в обыденный распорядок жизни, способными огоршить, вызвать изумление и недоумение своей ошеломляющей чудесностью, исключительностью, нелепостью, абсурдностью.

НС способна сопровождать нас в кратковременном и даже почти мгновенном, сравни-

тельно легком ее выражении. Весьма приметное замешательство у родителей может породить сын-первоклассник, впервые в их присутствии невозмутимо использовавший в своей речи нецензурную лексику. Заметное удивление детей вызывает знакомый им дядя, в несвойственной обычно взрослым манере непривычно дурачащийся. Благодарное чувство восторга испытывает именинник, получивший в подарок то, о чем он, как говорится, и во сне мечтать не мог. Еще разнородные ситуативные примеры такого рода НС:

- Девочка трёх лет впервые увидела в зоопарке жирафа, на несколько секунд замерла от удивления и потом тихо прошептала: «Какая длинная кра-со-та!»
- Пациент обомлел, оттого что сию минуту ненароком вдруг прочел в своей истории болезни про скрывааемый от него тяжелый диагноз.
- Дедушка только что выяснил, что час назад стал жертвой телефонных мошенников, сильно удручился, молча сник, а потом сокрушенно говорит внуку: «А ведь как складно врать научились!»
- По телефону: «Мама, привет! Мама, ты стоишь? Сядь! Слушай: я вчера вышла замуж за Славика!.. Мама?! Ты меня слышишь? Алло!? Алло!? Алло!? Мама! Ну вот, отключилась!»
- «Я не то, что вы предполагаете, /.../ я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула» (А. С. Пушкин «Дубровский»).

НС изображена на картине И. Е. Репина «Не ждали» (1884–1888). Мы свидетели внезапного, с некоторой внутренней робостью возвращения в родной дом, в свою семью отбывшего заключение праведного человека, прошедшего трудные испытания судьбой. Перед нами первые мгновения осознания его близкими происшедшего – неожиданной, но давно желанной встречи с родным человеком. Шок, некоторая растерянность (когда глазам своим не веришь!), готовая смениться на радостный порыв и счастливые со слезами на глазах объятия.

На картине А. М. Волкова «Прерванное обручение» (1860) запечатлен печальный и одновременно разоблачительный сюжет. Молодой человек сватается к дочери купца. По всей вероятности, предупрежденная об этом событии на торжество явилась и обманутая «женихом» молодая женщина со своим отцом и маленьким ребёнком на руках. НС исполнена мелодраматизма: замешательство обольстителя, обморочные состояния пострадавших женщин, шок, возмущение собравшихся гостей

Одно из самых проникновенных явлений НС в русском живописном искусстве – грандиозное полотно А. А. Иванова «Явление Христа народу» (1837–1857). Пустыня на берегу Иордана. Иоанн Креститель (Предтеча) красноречивым жестом обращает всеобщее внимание на явление Спасителя. Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» почувствовал эту картину во внутреннем её движении: каждый из воссозданных на полотне по-своему переживает речь пророка. На одних лицах – «уже полная вера; на других – еще сомненье; третьи уже колеблются; четвертые понурили главы в сокрушении и покаянии; есть и такие, на которых видна еще кора и бесчувственность сердечная». Вдали открывается нам Спаситель: «Он, в небесном спокойствии и чудном отдалении, тихой и твердой стопой уже приближается к людям». НС покоряет многообразно живым, психологически выразительным величием и всепроникающей духовной красотой и силой.

Амплитуда семантических горизонтов воплощения НС в информационно-коммуникативном пространстве поистине необозрима. Вероятно, в большей степени то же заключение применимо к фатике.

3. Семантические горизонты НС (фатика и автокоммуникация)

НС в ее *фатических* осуществлениях сплошь и рядом обнаруживается в таких ситуациях коммуникативного контакта, когда общение оказывается по разным поводам затруднено и исполнено растерянности, смущения, неловкости, немой удивления, немой радости.

Вот один из многочисленных случаев любования картинами природы, любования прекрасным: «Иди сюда! Скорее! Смотри, смотри, какая радуга! В полнеба!» – оба зачарованно глядят. По своей психологической природе сильное удивление заразительно и может стать удачным (просветляюще добрым) коммуникативным событием, если рядом с тобой кто-то, кто в состоянии разделить твои чувства и состояния.

С понятной долей смущения отнесенная нами к информационно-коммуникативному ряду примеров сюжетики картины «Явление Христа народу», несущая в себе огромный заряд душевного и духовного просветления, с ещё большей справедливостью может быть зачислена по классу фатических выражений и пробуждений.

НС очень часто сопутствует фатической коммуникации, предсказуемо сопровождая её в трудно обозримых конфликтных ситуациях большой эмоционально-экспрессивной насыщенности и напряженности, в процессе выяс-

нения отношений, разговоров «по существу», «по душам», объяснений личного, интимного, сокровенного характера и т. п.

НС предстает перед читателями в начале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», когда беззаботный и довольный собой Стива Облонский возвращается из театра и застаёт жену с запиской, открывшей ей глаза на измену мужа с французенкой-гувернанткой: Долли «неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него. – Что это? это? – спрашивала она, указывая на записку». Долли чуть позже попробует ему и себе объяснить всю тяжесть той невыговариваемой НС: «Ну, скажите, после того... что было, разве возможно нам жить вместе? Разве это возможно? Скажите же, разве это возможно? – повторяла она, возвышая голос. – После того как мой муж, отец моих детей, входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...»

К примерам НС фатического ряда может быть отнесено и художественно-образное разращение сюжета в пушкинском «Евгении Онегине»: «Она ушла. Стоит Евгений, // Как будто громом поражен. // В какую бурю ощущений // Теперь он сердцем погружен! /.../»

НС постоянно случается при неудачно складывающихся диалогах в процессе фатической коммуникации. В комическом контексте припоминается Иван Федорович Шпонька в трудно ему дающейся беседе наедине с белокурой барышней Машенькой – Марьей Григорьевной: «Ни одна мысль не приходила на ум. Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня все так же сидела. Наконец Иван Федорович собрался с духом. – Лето очень много мух, сударыня! – произнес он полудрожащим голосом. – Чрезвычайно много! – отвечала барышня» (Н. В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»). Припомним и сопровождаемые НС неловкие объяснения Подколесина и Агафьи Тихоновны в «Женитьбе» Н. В. Гоголя, Вари и Лопухина в «Вишневом саде» А. П. Чехова и др.

Красноречив разговор Павла Петровича Кирсанова с Базаровым в «Отцах и детях» И. С. Тургенева. Сперва Базаров почти демонстративно по ходу навязываемой ему беседы «отвечал коротким зевком», другой раз перебил рассуждения своего собеседника явно провокативным заключением: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», затем отвечал ему «с презрительною усмешкой» и, наконец, в ответ на его расспросы заметил: «Что это, допрос?» И следует предельно короткий авторский комментарий, обозначающий наступившую за столом немую сцену: «Павел Петрович слегка поблднед...» Вмешательством в разговор Николай Пет-

рович попробовал разрядить напряженную ситуацию.

Особый интерес в связи с феноменом НС представляет финал пьесы А. П. Чехова «Чайка». Осенняя непогода. Сосредоточенные каждый на себе, обитатели усадьбы вместе с Аркадиной и Тригориным коротают вечер. Слышится «за сценой выстрел; все вздрагивают». Аркадина (испуганно): «Что такое?» Набегающую НС почти до самого занавеса хладнокровно пробует отдалить доктор Дорн: «Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь». Он уходит и через полминуты возвращается. Это полминуты предельно напряженного, тревожного молчания-ожидания. Дорн: «Так и есть. Лопнула склянка с эфиром». Напевает «Цыганскую песню» (на слова Иннокентия Анненского): «Я вновь пред тобою стою очарован...». Аркадина переводит дыхание. Дорн подводит Тригорина «к рампе», вполголоса просит его: «Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну» и поясняет: «Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...» Следует занавес. Предуготовленная всей цепью сюжетных состояний и событий НС всецело адресуется теперь зрительному залу. Испытание немой сценой погружает зрителя в круговорот вызванных финалом противочувствий. Показатель успеха каждого данного спектакля зависит от пронзительной силы преподнесенной театром немой сцены, от глубины и сложности её переживания зрителем. Здесь НС словно бы невольно отдалает традиционные аплодисменты.

Потрясает своим волнующим и возвышающим драматизмом НС в исполнении Александра Калягина (Михаил Васильевич Платонов) и Евгении Глушенко (Сашенька), заключающая фильм Н. С. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977). Многообразие форм и способов осуществления НС в фатической коммуникации требуют специального пристального рассмотрения.

Комическое впечатление оставляет ситуация, когда в момент её разрешения НС явно напрашивается, но по разным причинам не случается. На память приходит финал гоголевской повести «Коляска»: помещик Чертокуцкий возвращается домой изрядно пьяный; на следующий день он разбужен своей ни о чем не подозревающей супругой в момент, когда приглашенные им накануне высокие гости прибыли к нему в полном составе и он спросонок, сознавая масштабы конфуза, решается передать, что его нет дома и спрятаться от них в новой коляске, которой накануне им же похвалялся. Недоумевающие офицеры, сопровождаемые конюхом, решают

хоть на коляску взглянуть. Читатель замирает в ожидании немой сцены... Однако, изумленно взглянув на Чертокуцкого, который сидел в халате, согнувшись «необыкновенным образом», генерал произносит только «А, вы здесь!» и, захлопнув дверцы коляски, уезжает «вместе с господами офицерами». Минус-прием (отсутствие предполагаемой реакции) заметно усиливает комизм положения.

На наш взгляд, НС может фиксироваться и в процессе автокоммуникации. Я бы сказал, что фатический отсвет различим и в ситуациях, связанных с монологическим мышлением. Наши раздумья по разным поводам прерываются внезапными догадками, предположениями, озарениями, которые невольно требуют некоторой приостановки – внутренней паузы, перегруппировки мыслей, полноценного прочувствования и некоего сосредоточения собственного внимания на вдруг явившемся новом предмете рефлексии.

Сложность в определении НС в монологическом мышлении связана с тем, что все виды «онемения» так или иначе происходят благодаря внутренним переживаниям и потрясениям. Это бесспорно. Но верно и то, что в самом «уединенном» процессе мысли тоже (в том числе и под влиянием внешних раздражителей) нередко случаются произвольные, разной протяженности чувствительные внутренние приостановки, вызванные потребностью что-то передумать, пересмотреть, пережить, переубедить самого себя.

При вдумчивом выразительном чтении стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» перед второй строфой «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит» отчетливо напрашивается многозначительная пауза, знаменующая нашу ответную реакцию на начальное утвердительное отрицание, за которым угадываются огромной силы сложнейшие переживания-колебания мысли поэта.

Ещё пример: Ученому-математику вдруг (эврика!) является понимание давно уже тревожившего его способа решения задачи: какое-то время ему нужно, чтобы в восторженном молчании внутренне согласить пришедшую на ум мысль с истиной.

В автобиографическом романе С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858) ребенок в младенческом еще возрасте испытал невероятно сильные для него впечатления от сложной (всей семьей) переправы по быстрой реке Белой и буквально онемел от страха: «Все смеялись, говоря, что от страха у меня язык отнялся, но это было не совсем справедливо: я был подавлен не столько страхом, сколько новостью предметов и величиной

картины, красоту которой я чувствовал, хотя объяснить, конечно, не умел».

Вспоминаются переживания, в которые посвящает нас В. А. Жуковский в стихотворении «Невыразимое» (1819). Переживания наедине с собой связаны с внутренним восторгом человека, созерцающего красоту «дивной природы»: «Хотим прекрасное в полете удержать». И финальный стих, исполненный истинного откровения: «И лишь молчание понятно говорит».

Оторопь охватывает Пискарева, героя повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» (1833–1834), когда вдруг в пленившей его воображение красавице он открывает «тлетворное дыхание разврата»: «Повесивши голову и опустивши руки, сидел он в своей комнате, как бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море. “Такая красавица, такие божественные черты – и где же? в каком месте!..” Вот все, что он мог выговорить».

Немое изумление в жизни и в искусстве часто означает вдруг, по какому-то конкретному поводу необычайно остро обнаруживаемое разительное расхождение мечты и реальности, «желанного и данного» (А. П. Скафтымов). В подобных случаях слишком трудно бывает отчетливо различить доминирование в НС речежанровых признаков информатики, фатики и монологического мышления [15]. Большие информативные, фатические и автокоммуникативные речежанровые поля часто диффузны и смыкаются порой до неразличимости.

Один из самых ярких примеров в нашей словесно-художественной культуре и одновременно одно из сложнейших испытаний для нашей аналитической практики – НС в финале пушкинской драмы «Борис Годунов» (1825). Народная стихия здесь – одна из самых главных действующих сил исторического движения. В её поддержке кровно заинтересованы все без исключения властные субъекты политических противостояний и противоборств. Внутренняя логика её изменений предпочтений не является, разумеется, непосредственным предметом наших рассуждений. Но вне этой мотивной логики не понять и многозначно мощную силу НС у Пушкина.

В авторской ремарке, давно уже ставшей крылатой, запечатлено состояние массового шока. Народ безмолвствует? Что таится в этом безмолвии? О чем народ вдруг «в ужасе молчит»? Безмолвие может быть и зловещим, и благодатным?

Тайно и вечно склонный к смятению, народ поддержал Лжедмитрия, победной толпой ворвался в Кремль с воплями «Да гибнет род Бориса Годунова!» Один из них, правда, сжалился над детьми покойного царя: «Брат

да сестра! Бедные дети, что пташки в клетке». И вот народ расступается: в кремлевский дом Борисов входят именитые бояре. Из дома раздаётся шум: «Тревога, дерутся...» Слышен женский визг. Крики замолкают. На крыльце дома появляется Мосальский: «Народ! Мария Годунова и сын её Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы». Авторская ремарка: «Народ в ужасе молчит». Представителя новой власти неприятно удивляет и изумляет приключившаяся перемена в состоянии народном: «Что ж вы молчите?» И дальше четкая побудительно приказная установка: «Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!»

В ответ – народное безмолвие, мёртвая тишина, затишье перед новой бурей, «бессмысленной и беспощадной»? Её начальное закипание? Реакция на очевидную и наглую ложь? Ужас перед лицом свершившейся жестокой расправы? Осуждение случившегося? Обращенная к себе укоризна? Сковавшая всех оторопь? НС не даёт ответа. В этом её притягательная скорбная сила. Здесь и угрюмая реакция на заведомо лживую новостную информацию, и проснувшееся сострадание к невинно убиенным, и разверзшаяся в душах людей бездна.

Заключение

НС – своего рода момент истины, одна из испытанных универсальных коммуникативных форм обнаружения чего-то, доселе скрытого, потаенного, вызывающего в нас широкий диапазон ответных реакций – от легкого недоумения и растерянности до смятения и ужаса, от просветления до ликования. Непременное сопровождение любой НС – разной протяженности красноречивое молчание как встречный когнитивный отклик на отчетливое отклонение от изведенного и привычного.

Отмеченное нами пятиактное коммуникативное строение НС позволяет рассматривать различные версии её динамического осуществления. Всякий раз немой сцене предшествует внезапное и нечаемое явление (слово, образ, поступок, действие). Сама непосредственная и откровенная реакция на это явление и выливается в НС. От градуса реакций на ситуативную неожиданность напрямую зависит и продолжительность невольной обескураживающей паузы.

НС могут различаться по разным критериям. Например, с точки зрения значительности повода, их породившего: от досады на собственную невнимательность или забывчивость по конкретному бытовому поводу до поражающего воображение, внезапно открывшегося нам поворота важных событий исторического масштаба.

Эмоционально-экспрессивная выраженность НС зависит и от самообладания субъекта восприятия, и от степени неожиданности произошедшего. Непременное, разной силы эмоциональное, этически ориентированное сопровождение НС склоняет к мысли о родственной близости этого коммуникативного феномена к бесконечному разнообразию фатических по преимуществу способов жизнечувствования и непонимания.

НС в крайнем её выражении может быть близка диагностируемому в медицине шоку как ответной реакции организма на воздействие чрезвычайных раздражителей. Выскажем предположение, что НС – одна из важнейших психотерапевтических операций, бессознательный способ эмоционально-интеллектуального коммуникативного регулирования. Часто это переживаемое нами состояние способствует своевременной адаптации к выбивающей из колеи поразительной новости, удивительному явлению или диковинному развороту событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев А. Е. Об удивлении как лингвосоциальном концепте русского языка // Вестник НГУ. Серия : История, философия. 2018. Т. 16, № 2. С. 90–100.
2. Почепцов Г. Г. Молчание как речевой акт // Сборник научных трудов Московского ордена Дружбы народов государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. Вып. 252. М. : МГПИИЯ, 1985. С. 43–52.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
4. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
5. Копылова Т. Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу // Вестник Удмуртского

университета. Серия История и филология. 2014. Вып. 2. С. 36–39.

6. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Изд. 2-е, доп. М. : Худож. лит., 1988. 412 с.

7. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

8. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

9. Балашова Л. В. Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 21–44.

10. Кузёмина Е. Ф. Молчание как выразительность говорения // Кубанский государственный технологи-

ческий вестник. Теория и практика общественного развития. 2008. Вып. 1. С. 154–157.

11. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 24 с.

12. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского : Филология. 2012. № 5, ч. 3, С. 77–82.

13. Носова О. Е. Молчание: стратегия и тактика // Вестн. Башкир. ун-та. 2009. Т. 14, № 1. С. 105–109.

14. Радионова Е. С. Семантика и прагматика молчания // Язык. Человек. Картина мира : материалы всероссийской научной конференции. Ч. 1. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. С. 179–182.

15. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

REFERENCES

1. Bochkarev A. E. On surprise as a lingua-specific concept of the Russian language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 90–100 (in Russian).

2. Pocheptsov G. G. Silence as a speech act. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo ordena Druzhby narodov gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni Morisa Torez* [Collection Scientific Proceedings of the Maurice Tores Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages]. Moscow, MSPIFL, 1985, iss. 252, pp. 43–52 (in Russian).

3. Karasik V. I. *Jazykovye kljuchi* [Linguistic clues]. Volgograd, Paradigma, 2007. 520 p. (in Russian).

4. Goldin V. E. Names of speech events, of speech deeds, and of genres of Russian speech. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Pod red. V. E. Goldina* [Goldin V. E., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian).

5. Kopylova T. R. Silence in modern linguistics: Approaches to analysis. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology*, 2014, iss. 2, pp. 36–39 (in Russian).

6. Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Izd. 2-ye, dop.* [Poetics of Gogol. Ed. 2nd, add.]. Moscow, Khudozh. lit., 1988. 412 p. (in Russian).

7. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

8. Sedov K. F. Man in the genres of modern communication space. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. Pod red. R. F. Sedova* [Sedov K. F., ed. Anthology of speech genres: Daily communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–38 (in Russian).

9. Balashova L. V. Genres of "extra-literary speech culture" in the mirror of metaphor. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts.]. Saratov, ITS "Nauka", 2007, iss. 5. Genre and culture, pp. 21–44 (in Russian).

10. Kuzyomina E. F. Silence as expressiveness of speaking. *Kuban State Technological Bulletin. Theory and Practice of Social Development*, 2008, vol. 1, pp. 154–157 (in Russian).

11. Melikyan S. V. *The Speech Act of Silence in the Structure of Communication*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 2000. 24 p. (in Russian).

12. Mukhametov D. B. Silence as a component of Russian culture. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology*, 2012, no. 5, part. 3, pp. 77–82 (in Russian).

13. Nosova O. E. Silence: Strategy and tactics. *Bulletin of the Bashkir University*, 2009, vol. 14, no. 1, pp. 105–109 (in Russian).

14. Radionova E. S. Semantics and pragmatics of silence. In: *Yazyk. Chelovek. Kartina mira: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Ch. 1* [Language. Man. Picture of the world: Proceedings of the All-Russian scientific conference. Part 1]. Omsk, Omsk State University Press, 2000, pp. 179–182 (in Russian).

15. Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

Поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 28.02.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 78–86

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 78–86

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-78-86>, EDN: VFBCQH

Научная статья

УДК 821.161.1-3.09+929Карамзин

Функции «базовых моделей» в формировании пасторально-сентиментальной жанровой матрицы в прозе Н. М. Карамзина («Деревянная нога», «Евгений и Юлия»)

С. М. Шаврыгин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, 129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1

Шаврыгин Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, sshavrygin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация. Рассматривается категория «фамильного сходства» и связанная с ней категория «базовых (базисных) моделей» в аспекте жанрологического анализа на примере двух ранних произведений Н. М. Карамзина: перевода идиллии С. Геснера «Деревянная нога» и первой оригинальной повести «Евгений и Юлия». Теория «базовых моделей» Дж. Лакоффа, созданная исследователем для нужд когнитивной лингвистики, с оговорками и доработками может быть применена к анализу жанровых структур как речевых, так и литературных жанров. Используя методику различения формы как феномена и формы как структуры, предложенную К. И. Белоусовым, по аналогии в аналитических целях возможно разделить категории жанра-феномена (миромоделирующая функция) и жанра-структуры (проекция жанрового феномена на предметную область текста). В результате выявления жанровых подструктур выделяются ядерные, периферийные компоненты, необходимые для интерпретации жанровой модели. Как показывает предложенная методика анализа, под влиянием творчества Геснера и через переводы его идиллий («Деревянная нога») в сознании Карамзина как начинающего писателя формируется несколько базовых жанровых моделей: ядерная – идиллически-буколическая, периферийные – гимническая, героическая, прециозно-галантная, галантно-сказочная – связанных между собой синергетическими отношениями и создающих мультижанровую матрицу, открывающую неограниченные возможности выбора и распределения жанровых базовых моделей в соответствии с оригинальным творческим замыслом. Развитие и усложнение жанрово-стилевой матрицы происходит в первой оригинальной повести Карамзина «Евгений и Юлия», ядерным жанровым компонентом которой становится сентиментально-лирическая базовая модель, образующая кластер из двух пасторальных базовых структур, связанных метонимической когнитивной связью: жизни в сельской усадьбе и георгик. В архитектонике повести сентиментальная, патриархальная базовая модель противопоставлена новой базисной модели, масонско-психологической, возникающей на основе нравственно-философской прозы масонов, в переводах которой активно участвовал Карамзин. Именно на базе масонской матрицы формируется сентиментальный психологизм карамзинской прозы. Этот тип синергетического соотношения жанрово-стилевых матриц становится основным для целого ряда повестей Карамзина 1790–1800 годов.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, базисная модель, прототип, жанрово-стилевая матрица, повесть, жанр, сюжет, идиллия, пастораль, масонство

Для цитирования: Шаврыгин С. М. Функции «базовых моделей» в формировании пасторально-сентиментальной жанровой матрицы в прозе Н. М. Карамзина («Деревянная нога», «Евгений и Юлия») // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 78–86. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-78-86>, EDN: VFBCQH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The functions of the “basic models” in the formation of a pastoral-sentimental genre matrix in N. M. Karamzin’s prose (“Wooden Leg”, “Eugene and Julia”)

S. M. Shavrygin

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 9/14, p. 1 Meshchanskaya St., Moscow 129090, Russia

Sergej M. Shavrygin, sshavrygin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Abstract. The article considers the category of “family resemblance” and the related category of “basic models” in the aspect of genre analysis using the example of two early works of N. M. Karamzin: the translation of S. Gesner’s idyll “Wooden Leg” and the first original story “Eugene and Julia”. The theory of “basic models” by J. Lakoff, created by the researcher for the needs of cognitive linguistics, with some reservations and modifications can be applied to the analysis of genre structures of both speech and literary genres. Using the method of dilution of form as a phenomenon and form as a structure, proposed by K. I. Belousov, by analogy, for analytical purposes, it is possible to divide the categories of genre-phenomenon (world-modeling function) and genre-structure (projection of genre phenomenon on the subject area of the text). As a result of the identification of genre substructures, the author highlights the nuclear and peripheral components necessary for the interpretation of the genre model.

As the proposed method of analysis shows, under the influence of Gesner’s work and through translations of his idylls (“Wooden Leg”), several basic genre models are formed in Karamzin’s mind as a novice writer: nuclear – idyllic-bucolic, peripheral – anthemic, heroic, précieuse-gallant, gallantly fabulous – interconnected synergetic relationships and creating a multi-genre matrix that opens up unlimited possibilities for the selection and distribution of genre basic models in accordance with the original creative idea. The development and complication of the genre-style matrix occurs in Karamzin’s first original story “Eugene and Julia”, the core genre component of which becomes a sentimental lyrical basic model forming a cluster of two pastoral basic structures connected by a metonymic cognitive connection: life in a rural estate and georgics. In the architectonics of the story, the sentimental, patriarchal basic model is contrasted with a new basic model, masonic-psychological, arising on the basis of the moral and philosophical prose of the masons, in the translations of which Karamzin actively participated. It is on the basis of the masonic matrix that the sentimental psychologism of Karamzin’s prose is formed. This type of synergetic correlation of genre and style matrices becomes the main one for a number of Karamzin’s novels of 1790–1800.

Keywords: cognitive poetics, basic model, prototype, genre-style matrix, novel, genre, plot, idyll, pastoral, masonry

For citation: Shavrygin S. M. The functions of the “basic models” in the formation of a pastoral-sentimental genre matrix in N. M. Karamzin’s prose (“Wooden Leg”, “Eugene and Julia”). *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 78–86 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-78-86>, EDN: VFBCQH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вводные замечания

Современная классическая теория жанра, во многом базирующаяся на идеях М. М. Бахтина («проблема жанра, как проблема целого»), основывается на представлении о художественном произведении как социально-философском, культурном феномене, обладающем рядом изначально присущих свойств и признаков (формально-содержательное единство, жанр и т. п.). Однако сугубо феноменологический анализ приводит к плюралистичности концепций и не снимает характер дискусионности проблемы [1:13–43]. В рамках прагмалингвистической стратегии феномены проецируются на предметные области текста и порождают специфические структуры. Когнитологические, лингвокультурологические, концептологические интегральные направления изучения текста дополняют классические подходы и в итоге обогащают наши представления о сущности базовых категорий поэтики литературы.

Методология

Модель текста представляет собой «синтез структур разнообразных текстовых пространств» [2: 35], образующих форму текста, феномен, определяющий структуру «предметов одного и того же объекта» [2: 35]. Текстовые структуры представляют собой проекцию формы на предметную область. Жанр – элемент формы. По аналогии можно предположить, что жанр как формально-стилистический феномен также проецируется в пространство текста, порождая определенные предметные структуры. Однако единый аналитический инструментарий выделения, определения, детерминирования и анализа подобных структур пока еще на пути к созданию, исследователи, работающие в аспекте когнитивной жанрологии (генристики), предложили ряд специфических методик, ответственных за описание сложных когнитивных явлений, одним из которых является жанр [3]. Продуктивно представление о жанре как переходном явлении между языком и речью, обладающем гибридными свойствами. Жанры – это

инструменты типологического и интерпретационного упорядочивания, аттракторы особого рода, способные использовать приемы формализации, свойственные как прямой (метафора, теория фреймов, теория прототипов), так и не прямой коммуникации (имплицитность, ирония, эвфемизмы, тропы, игра) [4: 87–93].

На сегодняшний день одной из самых востребованных методик является теория прототипов, базирующаяся на идеях «фамильного сходства» [5: 91]. Согласно теории фамильного («семейного») сходства жанр являет собой «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [6: 111], а согласно современной теории прототипов жанр текста определяется «схождением рассматриваемого элемента с прототипом, своего рода “лучшим”, типическим образцом данного класса» [7: 16–18]. «Сосредоточившись на аналогии между внутренней структурой литературных жанров и структурой семей, можно установить “генеалогическую” линию литературных жанров, то есть ряд писателей, которые участвовали в формировании, видоизменении и передаче текстового наследия, созданного «отцом-основателем» жанра» [8: 123; 9].

В рамках когнитивной лингвистики на основе теории прототипов Дж. Лакофф предложил использовать категорию «базовой (или базисной) модели» («base model»), то есть четко выделяемую область текста, выявляющую основные категории и имеющую свою внутреннюю структуру. Свойства внутренней структуры отражают центральную оппозицию, модель которой «определяет соотношение центров категорий» и задает ряд принципов, влияющих на образование «цепочечных связей». В этой цепочечной структуре выделяются ядерная зона (центральные категории) и периферийная зона (периферийные категории), движение всегда осуществляется от центральных к периферийным категориям.

Базовые модели могут пересекаться, «образуя сложное соединение, которое психологически является в большей степени базисным, чем сами модели. Мы будем называть такие объединения моделей экспериенциальными кластерами» [10: 37]. Базовые модели могут синтезироваться, но могут и расходиться, при этом референт может выбирать какую-то одну базовую модель и на ней строить целое.

Карамзин на протяжении художественного творчества последовательно выбирал различные базовые модели, но основными стали две: пасторально-сентиментальная (идиллия) и прециозно-галантная (сказка), многообразные сочетания которых в его прозе двигали ее (прозу) к этим двум полюсам. Рассмотрим

формирование пасторально-сентиментальной модели в ранних переводах и повестях.

Разделы статьи

Базовые модели и их функции в прозе Карамзина начала 1780-х гг.

Перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (1783) является первым печатным трудом начинающего литератора и, собственно, подготавливает путь Карамзина как автора, поэта, художника слова, а главное, и в этом основная ценность перевода, создаёт ориентацию на определённые образцы, прототипы.

В самом начале литературной деятельности Карамзин оказался в перекрестии разнонаправленных идеологических, философских, социологических, эстетических ментальных моделей и потому перед ним стояла задача обретения «четких и единых философско-эстетических представлений» [11: 16]. Уже с первого перевода начались интегративные процессы, связанные со становлением эстетического сознания молодого писателя и будущего историка, включением его личности в широкое поле культурно-художественных связей, приобретением широкой культурной компетентности, гуманитарной эрудиции.

О том, чем привлекла Карамзина идиллия швейцарского автора, см. [12]. Перевод Карамзина важен тем, что начинающий литератор впервые осваивает востребованные временем и культурой жанрово-стилевые модели. Первая и начальная сценарная базовая модель – **идиллическая (буколическая)**, центральная категория которой «молодой пастух пасет стадо (коз, коров, овец)» (Феокрыт, Идиллии I, III, V, VI и др.) порождает соответствующую жанрово-стилистическую матрицу: герой, его действия, тип события, структура фабулы, пространственно-временные характеристики и детали – полностью укладываются в схему буколического прототипа. Формируется идеальный классический образец, не поддающийся никаким изменениям и трансформациям. Центральная ядерная категория буколической базовой модели ведет к периферийным категориям: появляется «старый, сединами украшенный человек» на деревянной ноге. Герой, пастух ведет себя в соответствии с законами жанра буколики: проявляет уважение к старшему, поит его свежей водой и т. д.

Далее актуализируется периферийная категория, формирующая метонимическую модель: часть предыдущей базовой модели замещает ее целиком и порождается новая категория «борьба за свободу (вольность)», в свою очередь, формирующая новую жанровую матрицу: старик рассказывает историю о своей деревянной ноге, вспоминает битву, в резуль-

тате которой рабство сменилось свободой. Внутренняя структура этой базовой модели, с одной стороны, представляет собой рецепцию римско-буколического мотива «деянья отца», «доблесть героев – добродетель» (Вергилий, Эклога IV), с другой – цепочку когнитивных категорий: психолого-философских «радость», «удовольствие», «счастье», прагматических «собственность», «обладание страной», «пользование природными богатствами» и метафор «восходящее солнце», «утешительные пения» – выявляет структуру, которую можно определить как **гимническую** или **одическую**. Эта базовая модель носит характер лирический, описательный, нефабульный, одновременно пересекаясь с заданной первоначальной буколической моделью, о чем свидетельствуют упоминание стариком свирели, постоянного знака идиллической ситуации: «Радость и удовольствіе царствуют теперь въ сей долинь, и его свирелей распространяется отъ одной горы до другой» [13: 6–7].

Далее следует новый метонимический перенос с элементами нравственного дидактизма: достойный человек не может забывать о кровавой цене нынешней вольности. Подвергаются рефлексии категории, связанные с буколиккой, особенно с концептом «война» (Вергилий, Эклога IV): «кровь, борьба, сражение, смерть или победа» – цепочка категорий, раскрывающая центральное понятие «война, битва». Таким образом формируется новая базовая модель – **героическая** – жанрово-стилевая матрица которой основана на событии, данном в последовательно хронологическом фабульном развертывании. Эта базовая модель проецируется не только на идиллические прототипы, но и на куртуазно-рыцарские, **прециозно-галантные**, что видно из описания и хода и деталей сражения. Прав И. Клейн, когда пишет о сосуществовании в идиллии Геснера, и, следовательно, в переводе Карамзина двух жанровых моделей – пасторальной и галантной, – но не совсем точен в утверждении: «Пасторальная проза Геснера склонна к дидактизму; галантность и остроумие уходят далеко на задний план...» [14: 38–39]. Прециозно-галантная базовая модель появляется в самой середине текста, а значит в апогее развития художественной мысли автора о цене идиллии, радости и счастья, к ней стягиваются предшествующие базовые модели и из нее вырастают следующие.

Последняя финальная базовая модель окончательно порывает с буколической. Спасителем старика в кровавой битве оказывается отец молодого пастуха и в благодарность за это старик резко меняет его жизнь. «Пусть другой будетъ пасти сихъ козь. Они сошли въ долину, гдѣ было его обитаніе. Старикъ

имѣлъ съ излишествомъ земли и стада, и прекрасная дочь была его одна наслѣдница» [13: 16–17]. Формируется **галантно-сказочная** базовая модель с центральной категорией «брак, свадьба». Жанрово-стилевые особенности сказочной матрицы проявляются в описании прекрасной внешности пастуха, нравственной скромности, девической кротости и непорочности дочери старика. В финале обращение с благодарностью к Всевышнему фиксирует появление христианского мотива, заместившего обращение к богам в классической идиллии.

Таким образом, идиллия Геснера в переводе Карамзина представляет собой идиллию нового времени, далекую от классических античных образцов, представляющую собой мультижанровую структуру. Жанровый феномен Геснера формируется из проекции нескольких базовых моделей, восходящих к разным жанровым прототипам: буколической, гимнической (одической), героической, прециозно-галантной, галантно-сказочной. При этом пересечение этих моделей минимально, их кластеризация происходит по принципу метонимических переходов периферийных категорий, превращающихся в центральные, а сами базовые модели связываются между собой синергетическими отношениями. Действительно, линейный и казуальный принципы фабулы преодолеваются нелинейным вероятностным подходом, точки соприкосновения базовых прототипических структур обладают энергией динамизма и случайностного выбора. Синергия жанрово-стилевых матриц позволяет перейти на другой уровень рецепции и анализа – лингвоэстетический (семиоэстетический) [15: 28–46], – что дает возможность расширить базисный пасторальный мир, рассказать о человеческой жизни в ее богатстве и многообразии: это темы пастухов и пастушек, отцов и детей, национального подвига, национальной гордости, бескорыстного подвига и спасения, человеческой благодарности, не имеющей срока давности, любви и счастливого брака. Изначально в сознании и прозе Карамзина создается мультижанровая матрица, открывающая неограниченные возможности выбора и распределения жанровых базовых моделей в соответствии с очередным оригинальным замыслом и в дальнейшем уже собственные художественные тексты писателя следуют этой лингвокогнитивной и лингвоэстетической стратегии.

Базовые модели и их функции в прозе Карамзина конца 1780-х годов

Следующее и уже авторское произведение писателя, повесть «Евгений и Юлия», была напечатана в 1789 г. в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (ч. XVIII). Между

переводом идиллии «Деревянная нога» и этой повестью Карамзина прошло шесть напряженных творческих лет, был накоплен большой и богатый переводческий, эстетический, мировоззренческий опыт [11: 20] и одновременно опыт масонской жизни и мироощущения, способствовавший формированию особых когнитивных структур сознания писателя, породивший особую жанрово-стилистическую матрицу первой оригинальной повести, по-иному воплотившей идею истинной чувствительности, не осуществленной в переводе идиллии Геснера.

Как мы уже предположили, жанровая матрица, складывающаяся в прозе Карамзина, имеет синергетический характер, поэтому предполагает нелинейный принцип рассмотрения и анализа; более того, линейный процесс рецепции не раскрывает целостности текста, представление о которой становится возможным только после полиструктурного синергетического анализа.

В середине повести, в апогее описания влюбленных и брачных отношений Евгения и Юлии, в рассказе о музыкальных пристрастиях героини возникает реминисценция, актуализирующая ряд жанровых мотивов. «Она [Юлия] прекрасно играла на клавишине и пела. Клопштокова песня "Willkommen, silberner Mond" {Явись к нам, серебряный месяц (нем.)}, к которой музыку сочинил кавалер Глук, ей отменно полюбилась. Никогда не могла она без сердечного размягчения петь последней строфы, в которой Глук так искусно согласил тоны с чувствами великого поэта» [16: 91]. Когнитивная функция этих имен – К. В. Глюка и Ф. Г. Клопштока – очевидна: актуализировать особые ментальные структуры, связанные с восприятием особого рода чувствительности, не рассудочной, как в идиллии Геснера, а подлинно сердечной, глубоко личной, интимной, коренящейся в глубинах первозданной природной сущности души.

Вначале это мотив гармонического союза музыки и поэзии, но постепенно перерастает в тему чистой невинной наивной немецкой сентиментальности, близости к природе, идеального экзальтированного чувства, но чувства далекого от жизненного опыта. Ф. Шиллер писал: «Лишь немногие из новых и еще меньше старых поэтов могут сравниться в роде сентиментальном, особенно в его элегической части, с нашим Клопштоком. Все, чего можно достигнуть на почве идеального, вне границ живых форм и вне области индивидуального, создано этим музыкальным поэтом. <...> в особенности там, где предметом поэзии является его собственное сердце, он нередко показывал свою великую натуру, восхитительную наивность» [17: 428–429]. Далее Шиллер

уточнял, что лирика Клопштока уводит юношей от жизни в мир идей, к высотам непорочности, надземности, почти религиозной святости, но, когда юноши возвращаются из царства идей в границы жизненного опыта, они многое теряют из прежней любви и энтузиазма. Этот интертекстуальный элемент вводит в текст жанровые структуры сентиментальной лирической поэзии, наполняя всю повесть особым лирическим состоянием души, **сентиментально лирическая** базовая модель становится основной, фундаментальной. Составитель сборника «Немецкие поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербель прямо отождествлял роль Карамзина для русской литературы роли Клопштока для немецкой: «На корень его сентиментализма выросла истинная поэзия чувства – и таким образом та поэтическая струя, которая никогда не умирёт в произведениях Шиллера и Гёте, обязана своим происхождением реформаторскому чутью Клопштока. Он был для немецкой поэзии тем же, чем сдѣлался впоследствии Карамзинъ съ своею "Бѣдной Лизой" для нашей» [18: 65].

С сентиментальной базовой моделью позиционально связаны остальные. Вначале это кластер из двух пасторальных базовых моделей, связанных метонимической когнитивной связью: **жизнь в сельской усадьбе** и **георгики**. Первая посвящена описанию жизни и занятий г-жи Л* и ее воспитанницы, Юлии, в деревне, она прототипично связана с традициями жанра поэмы / стихотворения о сельской усадьбе. Основной концепт «мирная жизнь» раскрывается с помощью нанизывания, во-первых, хронологических аллегорий («утро», «день», «вечер»), подчеркивающих идиллическую цикличность времени («высокий холм», «сад», «поля») – сентименталистские топосы, отражающие вечное неуывдаемое великолепие природы. Вечерние прогулки по полям вводят вторую пасторальную базовую модель – георгики, рассказывающую о радостных сельских трудах поселян, лаконично воспроизводящую прототип жанра, восходящий к «Георгикам» Вергилия (о жанровых прототипах см.: [19]). Некоторую сказочность фабульному мотиву предполагаемой свадьбы Евгения и Юлии автор придает с помощью интертекстуальной отсылки к идиллии «Деревянная нога», когда госпожа Л* вспоминает случай из детства Евгения и Юлии: «Мы гуляли по роще. Вышедши на долину, увидели мы лежащего на траве старика, который едва дышал от усталости и зноя. Ты тотчас бросился к нему, схватил с себя шляпу, почерпнул воды, возвратился к старику, напоил его и смыл у него с лица пыль, а Юлия обтерла его платком своим. Боже мой! Как я радовалась вами, видя такие знаки чувстви-

тельности вашего сердца!» [16: 91]. Однако теперь в этой сцене, все еще сохраняющей фоновую галантно-сказочную семантику, выявляется имплицитный смысл, связанный с формированием категории «чувствительности» в ее сентименталистском понимании.

Эти базовые жанровые модели, с одной стороны, впервые в прозе Карамзина погружают читателя в структуры сознания сентиментального, чувствительного нарратора, а с другой, через призму сознания этого же нарратора формируют «образ мира», концепцию жизни, не совсем совместимую с классической пасторалью, что объяснимо актуализацией в системе повести ментальных структур, связанных с масонской идеологией.

Существует по крайней мере две точки зрения на проблему синтеза масонских и сентименталистских мировоззренческих парадигм. А. Н. Кудреватых и Л. И. Сигида считают, что разрыв Карамзина с масонством автоматически означал и отказ от масонской эстетики и поэтики, что проявилось уже в первой повести в антимасонской трактовке темы смерти [20: 34–35; 21: 327–328]. Напротив, П. А. Орлов пишет о сосуществовании в сознании молодого Карамзина масонских идей и сентименталистской поэтики [22: 121], уточняя, что «под пером Карамзина сентиментальное начало преобладает над масонским» [23: 263]. А. Н. Кудреватых в более поздней работе присоединяется к мнению П. А. Орлова [24: 106], а В. И. Сахаров подчеркивает: «Карамзинские произведения той поры, как и вся литература сентиментализма, непонятны без влиятельной традиции масонского углубленного психологизма» [25: 147].

Безусловно, Карамзину оказались чужды мистические практики и политические замыслы друзей-масонов, но масонская философская концепция человека, опрокинутая в структуру текста повести, сохранилась и трансформировалась, тем более, что «цель свою московские розенкрейцеры видели, прежде всего, в собственной внутренней духовной работе, заключающейся в познании Бога через познание природы и себя самого по стопам христианского вероучения» [26; цит. по: 27: 60].

Безмятежность «патриархальной жизни», как идиллическая ипостась сентиментализма, пробуждает в персонажах и в неотступно следующем за ними нарраторе особые чувства: «Гуляя при свѣтѣ луны, разсматривали звѣздное небо, и дивились величеству Божію; внимая шуму водопада, разсуждали о бессмертіи. Сколько высокихъ, нѣжныхъ мыслей сообщали они другъ другу, бывъ оживляемы духомъ Натуры! Какъ возвышалось сердце молодого человѣка, когда онъ въ лицѣ Юліи разсматривалъ образъ спокойной невинности,

освѣщаемый лучами тихаго свѣтила!» [28: 183]. Восприятие мира, сетку которого выстраивает нарратор, упорядочивается в последовательности категорий «свет луны», «звездное небо», «величество Божие», «бессмертие», «дух Натуры», «сердце человека», «спокойная невинность». Все выстраивается в концептуальный масонский образ мира как дивного создания предвечного творца, не понаслышке знакомый Карамзину, где «величие Божие» проявляется во всем единстве мироздания от светил и звездного неба до сердца человеческого и спокойной невинности души (ср. аналогичные наблюдения А. Н. Кудреватых: [24]).

Рассуждения госпожи Л* о необходимости просвещения разума и при этом сохранения неиспорченных чувств, ограждения сердца от развращения также имеют явную перекличку с идеями масонства, почерпнутыми Карамзиным в период пребывания в масонских кругах, общения с И. П. Тургеневым, Н. И. Новиковым, из переводов масонской литературы. Карамзин не был последователем масонской мистики, однако антропологические принципы масонства сохранил, подверг секуляризации и во многом на основе масонского «познания самого себя» создал свой способ «художественного анализа закономерностей и некоторых противоречий внутреннего мира человека» [20: 5].

Именно воспринятой масонской идеей о том, что самопознание учит человека управлять мыслями и придерживаться только «утѣшительныхъ и полезныхъ, и такимъ образомъ сохранять совершенное спокойствіе въ сердцѣ своемъ» [29: 4], можно объяснить возникновение в финале кластера из двух других базовых ситуаций – внезапная болезнь и смерть Евгения и эпитафия на могиле героя. «Интересно, что тема смерти достаточно долго не привносилась в отечественную литературу, хотя и античность, и Возрождение, и барокко – в разных интерпретациях – вводили “смертные” мотивы в идиллический мир» [30: 112]. Хотя, по наблюдениям Т. В. Саськовой, мотивы смерти «прорываются» в лирике, находящейся на грани сентиментализма и романтизма (И. Дмитриев), но общая стратегия остается идиллической: эти мотивы окрашены не трагическим переживанием, а меланхолией, эстетизацией трогательного чувства. Однако сентиментализм как стиль к этому времени еще не вполне сформировался в прозе Карамзина, поэтому, на наш взгляд, жанрологический анализ раскрывает иную тенденцию.

Прототипические истоки сюжетной ситуации «болезнь и смерть Евгения», на наш взгляд, можно усмотреть в нравственно-философской прозе масонов, которую активно переводил Карамзин (см.: [31]). Эта ситуация репрезен-

тирует масонско-психологическую жанровую базовую модель повести. Цепочечная структура категорий «страх», «смятение», «закрывает глаза свои, когда освещает луч будущих горестей», «отчаяние», «горесть», «дух... плавает в бесчисленных радостях вечности», «меланхолическое уединение», «молитва», «помышления о будущей жизни» актуализирует размышления масонов о познании самого себя, особенно когда «Провідѣние низпошлетъ на насъ крестъ свой <...>. Сіе самага себя познаніе спосѣшествовать будеть каждому в несчастьи имѣть на Бога упованіе... Несчастье и благополучіе имѣть свои искушенія; для нѣкоторыхъ искушенія счастья суть наисильнѣйшія, а для другихъ искушенія въ несчастьи. Обыкновенно говорятъ: никто не знаетъ, что онъ снести можетъ, пока не испытаетъ» [29: 7]. Произведение И. Масона (Дж. Мейсона) было издано в 1783 г. в переводе И. П. Тургенева, считалось одним из важнейших среди масонского окружения Карамзина и использовалось как учебник духовной психологии для начинающих масонов. По сути, масонская идея благодати смерти не только не опровергается в повести, а наоборот, масонско-психологическая базовая жанровая модель прагматически предметно реализует религиозно-нравственные, психологические идеи и размышления масонства, Карамзин опирается на нравственно-психологические достижения масонских авторов. Прежде всего это тема Иова, смирения в несчастье и горе и упования на божественную справедливость, поддержанная и ассоциативным полем эпитафия: «Cesseez, et retenez ces clameurs lamentables, / Faible soulagement aux maux des misérables! / Fléchissons sous un Dieu qui vent nous éprouver, / Oui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot nous sauver!» (Удержите и прекратите ваши жалобные вопли, / Слабое утешение в беде всех несчастных! / Покоримся богу, который хочет нас испытать, / Какой единым словом может нас погубить или спасти! (франц.) [28: 177]. В этой повести Карамзина эпитаф выполняет поддержива-

ющую, нравственно-дидактическую функцию, роль, и принадлежит к типу содержательно-концептуальных эпитафиров, выявляющих идею, концепцию произведения. Информация эпитафия прогнозирует, несет «проспективное сообщение об основных тематических, сюжетных, концептуальных линиях следующего за ним текста» [32: 149].

Эпитафия, завершающая повесть и приписанная одному молодому чувствительному человеку, возможно, самому нарратору и теперь уже персонажу, функционально становится философско-дидактическим пуантом, содержащим масонский постулат о том, что «райский цвет» человеческой души может распуститься не в этом, глубоко несовершенном, а в другом, райском, мире.

Заключение

Теория прототипов и метод базовых структур, разработанные для нужд когнитологической лингвистики, с оговорками и доработкой могут быть использованы для анализа сложных социально-философских, культурологических феноменов, каким является литературный жанр, для детального анализа скрытых когнитологических структур текста, выводящих интерпретацию текста / произведения на новый уровень.

В карамзинских переводных и оригинальных текстах 1780-х гг. формируется одна из двух основных жанрово-стилистических матриц – пасторально-сентиментальная, представляющая синергетическое единство нескольких жанровых базовых моделей: идиллично-буколической, идиллично-георгической, сентиментально-лирической, пасторально-усадебной, масонско-психологической. Особого внимания заслуживает последняя из названных. Масонские сочинения, особенно переводившиеся самим Карамзиным, наряду с внелитературными источниками стали одним из важнейших факторов формирующегося психологизма карамзинской прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин В. М. Историческая поэтика русской классической повести : учебное пособие. М. : Флинта ; Наука, 2010. 274 с.
2. Белоусов К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография. М. : Флинта ; Наука, 2009. 216 с.
3. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>
4. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 594 с.
5. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М. : Гнозис. 1994. 612 с.
7. Лозинская Е. В. Когнитивная теория жанра в контексте сравнительно-исторического литературоведения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение : Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 14–23.
8. Fishelov D. Genre theory and family resemblance – revisited // Poetics. Amsterdam. 1991. Vol. 20, № 1. P. 123–138.

9. Fishelov D. Metaphors of genre: The role of analogies in genre theory. Pennsylvania State University Press, 1993. 175 p.

10. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 12–51.

11. Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб. : Алетейя, 2020. 356 с.

12. Шаврыгин С. М. Педагогические аспекты использования понятийных форм «хижина» и «дворец» в жанрово-стилевом пространстве повестей Н. М. Карамзина. Статья вторая. «Дворец» // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13, № 8. С. 19–23.

13. Деревянная нога, Швейцарская идилия гос. Геснера. Переведено съ Нѣмецкаго Никол. Карамз. Санктпетербургъ, печатано в вольной типографии Брейткопфа, 1783 го года. 18 с.

14. Клейн И. Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII в. М. : Языки славянской культуры, 2005. 576 с.

15. Тюпа В. И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. М. : Лабиринт ; РГГУ, 2001. 192 с.

16. Карамзин Н. М. Евгений и Юлия // Русская сентиментальная повесть. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 89–94.

17. Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. Статьи по эстетике. М. : Гослитиздат, 1957. 792 с.

18. Немецкие поэты въ биографіяхъ и образцахъ / Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Санктпетербургъ : Тип. В. Безобразова и К°, 1877. 697 с.

19. Зыкова Е. П. Поэма / стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX вв. // Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / сост., вступ. ст. и комм. Е. П. Зыковой. М. : Наука, 2005. С. 3–36.

20. Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина : учебное пособие. Екатеринбург : УрГПУ, 2015. 164 с.

21. Сигида Л. И. Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М. : Экон-информ, 2004. С. 327–344.

22. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 270 с.

23. Орлов П. А. История русской литературы XVIII века : учебник для ун-тов. М. : Высш. шк., 1991. 320 с.

24. Кудреватых А. Н. Синтез масонских и сентименталистских идейно-эстетических установок в первых произведениях Н. М. Карамзина // Карамзинский сборник. «По чувствам своим останусь республиканцем...». Реформы и революции как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Карамзинские чтения» (Ульяновск, 6–7 декабря 2017 г.). Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2018. С. 105–110.

25. Сахаров В. И. Н. М. Карамзин и вольные камни: историко-биографические аспекты // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / отв. ред. В. И. Сахаров. М. : УРСС, 2000. С. 144–155.

26. Допрос Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и его современники : Избр. соч. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 475.

27. Брачев В. С. Масоны в России: От Петра I до наших дней. М. : Стомма, 2000. 639 с.

28. Дѣтское чтеніе для сердца и разума. Ч. XVIII. Москва : В Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1789. 208 с.

29. Иоанна Масона А. М. Познание самого себя, в котором естество и польза сея важныя науки, равно и средства к достиженію оныя показаны; с присовокуплением примечаний, о естестве человеческого. / С аглинскаго на немецкой перевел М[асон?] И[оганн] Б[артоломеус] Р[оглер] а на российской И[ван] Т[ургенев]; Иждивением Н. Новикова и Компании. Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. Ч. II. 52 с.

30. Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века. М. : Московский гос. открытый пед. ун-т, 1999. 166 с.

31. Щербатова И. Ф. Выбор Н. М. Карамзина: от масонской антропологии и европейского гуманизма к провиденциализму и нравственной свободе // Vox. Философский журнал. 2017. № 23. С. 89–113.

32. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Омск : Омск. гос-университет, 1999. 268 с.

REFERENCES

1. Golovko V. M. *Istoricheskaya poetika russkoi klasicheskoi povesti : uchebnoe posobie* [Historical poetics of the Russian classical story : Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010. 274 p. (in Russian).

2. Belousov K. I. *Teoriya i metodologiya polistrukturnogo sinteza teksta: Monografiya* [Theory and methodology of polystructural text synthesis : Monography]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 216 p. (in Russian).

3. Demytyev V. V. Again about “genres of speech and language of speech”: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

4. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 594 p. (in Russian).

5. Tarasova I. A. Genre in cognitive perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

6. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical works. Ch. I]. Moscow, Gnozis, 1994. 612 p. (in Russian).

7. Lozinskaya E. V. Cognitive theory of genre in the context of comparative historical literary studies. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 7, Literary Studies: An abstract journal*, 2020, no. 1, pp. 14–23 (in Russian).

8. Fishelov D. Genre theory and family reunion – revisited. *Poetics*. Amsterdam, 1991, vol. 20, no. 1, pp. 123–138.

9. Fishelov D. *Metaphors of genre: The role of analogies in genre theory*. Pennsylvania State University Press, 1993. 175 p.

10. Lakoff J. Thinking in the mirror of classifiers. *New in Foreign Linguistics, iss. XXIII. Cognitive aspects of language*. Moscow, Progress, 1988, pp. 12–51 (in Russian).

11. Kafanova O. B. *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum* [N. M. Karamzin's translations as a

cultural universe]. Saint Petersburg, Aleteiya, 2020. 356 p. (in Russian).

12. Shavrygin S. M. Pedagogical aspects of the use of the conceptual forms “hut” and “palace” in the genre and style space of N. M. Karamzin’s novels. Article two. “Palace”. *Education Management: Theory and Practice*, 2023, vol. 13, no. 8, pp. 19–23 (in Russian).

13. *Wooden leg, Swiss idyll by mr. Gesner*. Translated from the German by Nicol. Karams. St. Petersburg, pechatano v vol'noi tipografii Breitkopfa, 1783. 18 p. (in Russian).

14. Klein I. *Puti kul'turnogo importa: trudy po russkoi literature XVIII v.* [Ways of cultural import: Works on Russian literature of the XVIII century]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 576 p. (in Russian).

15. Tyupa V. I. *Analitika khudozhestvennogo: vvedenie v literaturovedcheskii analiz* [The analysis of the artistic: An introduction to literary analysis]. Moscow, Labirint, RGGU, 2001. 192 p. (in Russian).

16. Karamzin N. M. Evgeny and Julia. In: *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian sentimental tale]. Moscow, Moscow University Press, 1979, pp. 89–94 (in Russian).

17. Schiller F. *Collected works: in 7 vols.* Vol. 6. Articles on aesthetics. Moscow, Goslitizdat, 1957. 792 p. (in Russian).

18. Gerbel N. V., ed. *German poets in biographies and models*. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1877. 697 p. (in Russian).

19. Zykova E. P. Poem / a poem about a rural estate in Russian poetry of the XVIII – early XIX centuries. In: *Sel'skaya usad'ba v russkoi poezii XVIII – nachala XIX veka* [Zykova E. P., comp., introductory article and comment. Rural estate in Russian poetry of the XVIII – early XIX century]. Moscow, Nauka, 2005, pp. 3–36 (in Russian).

20. Kudrevatykh A. N. *Evolutsiya psikhologizma v proze N. M. Karamzina: uchebnoe posobie* [The evolution of psychologism in N. M. Karamzin's prose: A textbook]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2015. 164 p. (in Russian).

21. Sigida L. I. On the origins of disappointment and skepticism of Karamzin's heroes. In: *XVIII vek: Iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva: sb. nauch. st.* [Otv. red. N. T. Pakhsar'yan] [Pakhsar'yan N. T., ed. XVIII century: The art of living and the life of art: Coll. of sci. arts]. Moscow, Ehkon-inform, 2004, pp. 327–344 (in Russian).

22. Orlov P. A. *Russkii sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow, Moscow University Press, 1977. 270 p. (in Russian).

23. Orlov P. A. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka : uchebnyk dlya universitetov* [The history of Russian literature of the XVIII century: Textbook for universities]. Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 320 p. (in Russian).

24. Kudrevatykh A. N. The synthesis of Masonic and sentimental ideo-aesthetic stances in the early works of N. M. Karamzin. In: *Karamzinskii sbornik. "Po chuvstvam svoim ostanus' respublikantsem..."*. *Reformy i revolyutsii kak sposob miroustroistva skvoz' prizmu karamzinskoi ehpokhi: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Karamzinskie chteniya"* (Ul'yanovsk, 6–7 dekabrya 2017 g.) [The Karamzin collection. “According to my feelings, I will remain a Republican...”]. Reforms and revolutions as a way of world order through the prism of the Karamzin era: A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference “Karamzin Readings” (Ulyanovsk, December 6–7, 2017)]. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii proizvodheniya, 2018, pp. 105–110 (in Russian).

25. Sakharov V. I. N. M. Karamzin and the freemasons: Historical and biographical aspects. In: *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv.* [Otv. red. V. I. Sakharov] [Sakharov V. I., ed. Freemasonry and Russian literature of the XVIII – early XIX centuries]. Moscow, URSS, 2000, pp. 144–155 (in Russian).

26. Interrogation of N. I. Novikov. In: *N. I. Novikov i ego sovremenniki : Izbr. soch.* [N. I. Novikov and his contemporaries: Select. works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961, p. 475 (in Russian).

27. Brachev V. S. *Masonry v Rossii: Ot Petra I do nashikh dnei* [Masons in Russia: From Peter I to the present day]. Moscow, Stomma, 2003. 639 p. (in Russian).

28. *Children's reading for the heart and mind. Part XVIII*. Moscow, V Universitetskoi Tipografii, u N. Novikova, 1789. 208 p. (in Russian).

29. John Mason A. M. *Self-knowledge, in which the nature and benefits of this important science, as well as the means to achieve it, are shown; with the addition of notes, about human nature*. Translated from English into German by M[ason?] And [ogann] B[artolomeus] R[ogler] a in the Russian And [van] T[urgenev]; Dependent on N. Novikov and the Company. Moscow, Univ. type., N. Novikov, 1783. Part II. 52 p. (in Russian).

30. Saskova T. V. *Pastoral' v russkoi poezii XVIII veka* [Pastoral in Russian poetry of the XVIII century]. Moscow, Moscow State Open Pedagogical University Publ., 1999. 166 p. (in Russian).

31. Shcherbatova I. F. N. M. Karamzin's Choice: From Masonic anthropology and European humanism to providentialism and moral freedom. *Vox. The Philosophical Journal*, 2017, no. 23, pp. 89–113 (in Russian).

32. Kuzmina N. A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka: monografiya* [Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language: Monograph]. Ekaterinburg, Ural University Publ., Omsk, Omsk State University Publ., 1999. 268 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.01.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 10.02.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 03.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 10.02.2024; published 28.02.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 87–94

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 87–94

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-87-94>, EDN: WOITVL

Научная статья

УДК 821.161.1-1/-9.09

С романтическими дарами в новейшую массовую литературу: к вопросу о феномене *фанфикшн* и его жанрово-поэтическом своеобразии

У. С. Алексеева

Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск,
ул. Дуси Ковальчук, д. 191

Алексеева Ульяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
и восточных языков, steelbee@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1947-6642>

Аннотация. В литературоведении остается дискуссионным феномен *фанфикшн*, ключевым признаком которого выделяют вторичность. Цель работы обосновать, что в условиях трансмедийности постмодерна вторичность на массиве *фанфикшн* носит условный характер, но наблюдается общность жанрово-поэтического своеобразия текстов, которая транслируется в оригинальную литературу, а в случае монетизации творчества фикрайтеров – в профессиональную. Анализ метаданных российской платформы <https://ficbook.net/> показывает, что степень связанности фанфиков с канонами и тип вторичной переработки варьируется достаточно широко: от непосредственной стилизации к вариациям и ремейкам и до оригинальных произведений. Многообразие фанфиков объединяет своеобразный психологический романтизм, отраженный в художественном характере текстов и в жанровых предпочтениях фикрайтеров. Чаще всего герой – личность, погруженная в чувства и внутренние потрясения. Мотивы поворота судьбы, столкновения с необыкновенным, обнаружения тайны помогают запустить или обострить конфликт с самим собой, реальностью или объектом страсти. Особое внимание уделяется лирическим переживаниям. Романтический вектор определяет жанровые приоритеты. Жанры: альтернативная вселенная, драма, англ по количеству текстов следуют сразу за романтикой, которая на Фикбуке занимает первое место. Обращение к внутреннему миру человека дополнительно акцентируется с помощью частотных поджанровых характеристик: любовь/ненависть, отрицание чувств, развитие отношений, становление героя. В статье доказывается, что *фанфикшн* выходит за границы вторичной в новейшую массовую литературу, становится ее частью и привносит в нее своеобразный жанрово-поэтический отпечаток.

Ключевые слова: *фанфикшн*, вторичность, оригинальность, психологический романтизм, жанровое своеобразие, новейшая массовая литература

Для цитирования: Алексеева У. С. С романтическими дарами в новейшую массовую литературу: к вопросу о феномене *фанфикшн* и его жанрово-поэтическом своеобразии // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 87–94. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-87-94>, EDN: WOITVL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

With romantic gifts to the contemporary popular literature: On the issue of the phenomenon of fan fiction and its genre-poetic aspects

U. S. Alekseeva

Siberian Transport University, 191 Duci Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Ulyana S. Alekseeva, steelbee@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1947-6642>

Abstract. In literary studies, the phenomenon of fan fiction remains controversial, with its key feature being identified as its secondary nature. The purpose of this work is to substantiate that in the context of postmodern literature's transmediality, the secondary nature of fan fiction is relative, but there is a common genre-poetic distinctiveness of texts that is transmitted into original literature, and in the case of fan writers' monetization of their creativity – into professional literature.

An analysis of media data from the Russian platform <https://ficbook.net/> shows that the degree of connection between fanfics and the canon and the nature of secondary processing varies widely: from direct stylistic imitation to variations and remakes to original texts. The diversity of fanfics is united by the dominance of the psychological romanticism poetics, reflected in the artistic distinctiveness of the texts and in the genre preferences of fan writers. The hero is a person caught up in emotions and internal upheavals. Motifs of fate reversal, confrontation with the extraordinary, discovery of a secret help to launch or exacerbate a conflict with oneself, reality, or the object of passion. Special attention is paid to lyrical experiences. The romantic vector determines the genre priorities. Genres: alternative universe, drama, angst follow immediately after romance, which takes first place on Ficbook. The focus on a person's inner world is additionally emphasized using frequent subgenre characteristics: love/hate, denial of feelings, relationship development, hero's growth.

The article argues that fan fiction goes beyond the boundaries of secondary literature and becomes a part of the contemporary popular literature, bringing its own distinctive genre-poetic imprint.

Keywords: fan fiction, secondary nature, originality, psychological romanticism, genre aspects, contemporary popular literature

For citation: Alekseeva U. S. With romantic gifts to the contemporary popular literature: On the issue of the phenomenon of fan fiction and its genre-poetic aspects. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 87–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-87-94>, EDN: WOITVL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Фанфикшн, широко распространившийся в любительской сетевой литературе, имеет палитру трактовок: сетевой фольклор [1], наивная литература на основе продуктов массовой культуры [2], восстание читателей против приватизации фольклора [3], феномен цифровой массмедийности [4] и др. Исследователи относят фанфикшн к литературному явлению вторичного характера с переработкой исходного текста классической или массовой литературы, включая «комплексные мультимедийные каноны, которые складываются из разных источников» [4: 259]. Вторичность подразумевает творческое переосмысление художественного повествования с заимствованием элементов содержания, частей языковой, образно-стилистической или композиционной структуры, что создает эффект интертекстуальности. К традиционным типам вторичных текстов относят перифраз, пародию, пастиш, стилизацию, они встречаются в поле фанфикшн, но ими явление не ограничивается. С. Н. Попова выявляет нетрадиционные формы стилизации: ««вариации» с сохранением «кода узнаваемости» исходного произведения» [5: 81].

Самой крупной развивающейся платформой российского фанфикшн является Фикбук. Опираясь на интерактивную пакетную статистику этого ресурса, которая показывает наиболее востребованные жанры и поджанровые классификаторы, и на анализ метаданных платформы в работе П. И. Максименко [6], мы выявляем художественное своеобразие

фанфиков и вектор развития в сторону создания полностью оригинальных текстов.

Дальнейшее наблюдение за тенденциями современной массовой литературы позволяет обнаружить в ней отпечаток своеобразной поэтики фантастического и психологического романтизма, характерного для фанфикшн, что дает основание рассматривать феномен как неотъемлемую часть новейшей литературы.

Размывание границ вторичности

Степень связанности фанфикшн с канон (исходным текстом) и сам характер вторичной переработки варьируются широко. Классическую стилизацию можно наблюдать, когда фанфик представляет собой «вставку» в канон (часто маркируется меткой «пропущенная сцена»), что требует тщательной работы с содержанием, образами и языком претекста. Так бытовая зарисовка «Сказки сукиного сына» рассказывает о том, «что в действительности случилось в тот вечер, когда Санса, возвращаясь из богороци, столкнулась на лестнице с Псом». Автор Малышка Мю, дополняя сцену сагу Д. Мартина «Песнь Льда и Пламени», тщательно стилизует повествование и в описании к фанфику сама определяет жанр как пародию и «самый, что ни на есть, канонический канон»¹.

Другой формой стилизации являются тексты, в которых фикрайтер берется за переделку истории под другим ракурсом, переписывает канон в собственную версию, нередко противоположенную по смыслу. Так делает Enco de Krev в фанфике «Забытый эдикт»²

¹<https://7kingdoms.ru/talk/threads/6795/>

²<https://ficbook.net/readfic/4929035>

(В. Камша «Отблески Этерны»). В оригинальном романе герой Ричард Окделл, оказываясь перед моральным выбором, раз за разом оступает, следует за честолюбием и ложными миражами, что в итоге приводит его к нравственному падению и гибели. В объемном фанфике (более восьмисот страниц) сохраняется повествовательная канва, интрига, система образов и стиль повествования претекста, но в каждом переломном моменте герой делает другой (правильный) выбор, что шаг за шагом меняет его судьбу и разворачивает сюжет. В стилизации подобного типа «интерпретация зачастую приобретает направленность полностью противоположную всем “верным” прочтениям, подсказываемым источником» [7: 350], фанфик становится полной заменой роману и может читаться без него.

Наиболее полный разрыв с каноном наблюдается, когда он – лишь катализатор оригинальной фантазии автора. В фанфике остаются только имена и внешность заимствованных персонажей, а личностные характеристики образов существенно меняются. В истории «Любимый сын господина коменданта»³ автор mashshka превращает Домерика Болтона (лишь упоминавшийся в саге Д. Мартина персонаж) в сына коменданта фашистского концлагеря, где ведутся опыты над заключенными по созданию сверхчеловека. Автор описывает ужасы фашизма, задается вопросом о границах человеческого и бесчеловечного, использует аллюзии к Э. М. Ремарку, П. Уотсу, Д. Мартину для дополнительных смысловых параллелей и подчеркивания ключевых идей. Но для общего понимания авторской истории, ее образов и идей знание претекстов не обязательно.

Так или иначе фанфикшн занимается переустройством формально-содержательных сторон исходного текста с видоизменениями, которые ценны фикрайтерам как возможность поднять проблемы, осветить идеи им близкие, но в каноне отсутствующие. В глазах фанатов ценность фанфика может определяться как мерой каноничности, так и новизной, поэтому «задачей автора становится сделать знакомое незнакомым и интересным» [7: 357]. В современной культуре постмодерна такие формы переработки исходного текста определяются как ремейки: «Ремейк – художественный прием деконструкции известных классических сюжетов художественных произведений, в которых авторы по-новому воссоздают, переосмысливают, развивают

или обыгрывают их на уровне жанра, сюжета, идеи, проблематики, героев» [8: 320]. Разграничить признаваемые профессиональной литературой ремейки и фанфикшн крайне сложно.

Под крышей определенных фандомов автор избавлен от содержательного и стилистического диктата канона и может сосредоточиться на творческой реализации. Это фандомы, посвященные историческим личностям или современникам: от А. Пушкина и Ф. Достоевского до актеров О. Меньшикова и С. Безрукова. Почти сорок тысяч фанфиков посвящено российскому шоу «Импровизаторы» и его ведущим А. Шастуну и А. Попову. Подобные тексты мало связаны с фактами биографий, иногда даже с современной действительностью. Например, в фанфике «Маленькое чудо»⁴ Арсений Попов, врач-педиатр, усыновляет маленького Антона Шастуна, который боится врачей, а в фанфике «Чудные соседи»⁵ боевой маг Шастун пытается раскрыть преступление и спасает вампира – Попова. Такие тексты вне зависимости от качества носят полностью оригинальный характер. Имя и внешность кумира используется фикрайтером как бренд (символическая сущность с ценностными смыслами) и привлекает к авторскому тексту также как известное лицо на рекламном баннере – к новому продукту, который никого отношения к изображенному артисту в общем-то не имеет.

Выходят из ниши канонов работы, обозначенные как орджиалы. С одной стороны, они являются полностью авторскими историями, которые многие фикрайтеры переводят на площадки boosty.to, author.today, litnet.com и др. и монетизируют, а с другой стороны, маркируются той же системой жанровых классификаторов и обладают узнаваемой стилистикой фанфикшн.

Таким образом, фанфикшн размывает границы вторичных текстов, переходя от непосредственной пародии или стилизации к сложным вариациям и ремейкам, а затем и в оригинальную литературу. Он балансирует между фольклорностью и подчеркнутым авторством, вторичностью и оригинальностью, шаблонностью и художественной изощренностью, содержательной примитивностью и смысловой сложностью. Качество поэтического полотна определяется фигурой автора, а как верно отметила Л. Горалик: «на почве фэнфика подвизаются как полуграмотные школьники, так и сорокалетние филологи, возможно, способные занять место в списках лучших фантастов

³<https://ficbook.net/readfic/8699175>

⁴<https://ficbook.net/readfic/018b013b-eee7-7a9b-9abb-3a23117b171f>

⁵<https://ficbook.net/readfic/5521537>

современности» [9]. Сегодня в дополнение к этому наблюдению можно добавить еще одну оппозицию: фикрайтерами трудятся как бескорыстные фанаты, так и люди, рассматривающие эту деятельность как вид профессионального заработка.

Романтизация канона

На поэтическое своеобразие фанфиков влияет то, что основная причина написания текста – сопереживание любимому герою [10]. Им может оказаться: протагонист канона (Гарри Поттер, Шерлок Холмс), антагонист (Волан-де-Морт, Мориарти) или второстепенный персонаж (Северус Снейп, Домерик Болтон). Заимствованный характер приобретает пластичность в широких границах восприятия фикрайтера: от «как бы действовал герой в данной ситуации» до «как он точно ни при каких обстоятельствах не поступит», но при любом прочтении романтизируется. Например, Северус Снейп – немолодой, неприятный педант в романах о Поттере, в фанфике «Больше, чем ничего»⁶ (автор Narelam) предстает великолепным мерзавцем, походя разбивающим сердца, но побежденным любовью, в тексте «Взаимовыгодное предложение»⁷ (автор Коршунница) выступает в роли загадочного и благородного полковника, вернувшегося из Индии. В повествовании, пропитанном духом викторианской эпохи и атмосферой романов Джейн Остин, Снейп претендует на руку дочери соседского помещика Гермиону Грейнджер.

Облаченный в романтическую интерпретацию, герой фанфика часто оказывается перед вызовом обстоятельств или вступает в конфликт: с реальностью, собственными чувствами, объектом своей страсти или с антагонистом. Излюбленные фикрайтерами каноны в жанрах фэнтези и фантастики сами изобилуют конфликтами, авторы развивают их или до неузнаваемости видоизменяют. Так, например, в фанфике «Блюз о бегстве»⁸ (Addie_De, Marina_ri) герои сериала «Сверхъестественное», охотники за нечистью, превращаются в бродягу-бомжа и военного фотокорреспондента. Каждый находится в конфликте с социумом и во внутреннем конфликте, испытывает неудовлетворенность собой и жизнью. Фантазийный конфликт сериала – борьбу с мистическим злом автор переносит в реальность и в социально-психологическую плоскость. Но герои сохра-

няют романтическую выпуклость характеров: фотокорреспондента, эмоционального и целеустремленного, чья жизнь прошла в горячих точках, и управляющего благотворительным фондом, погруженного в себя и в погоне за внутренней свободой ведущего жизнь бомжа (последнее весьма фантастично).

Поэтика конфликта, эмоциональной напряженности раскрывается и в любовной прозе. Наиболее популярные сюжеты строятся вокруг двух героев, которые испытывают друг к другу взаимоисключающие чувства, что позволяет автору предельно накалять эмоции через внешний конфликт и раскол внутреннего мира героев. Так построен фанфик «Платина и шоколад»⁹ (автор Чацкая), имеющий предельно высокий рейтинг популярности (более шестидесяти тысяч лайков и почти семьсот наград от читателей). Текст рассказывает о любви и ненависти Драко Малфоя и Гермионы Грейнджер, которые в каноне являются антагонистами второго плана.

Чувства можно определить как ведущую тему фанфикшн, причем развивающуюся до предела возможного, превращающую любовь и ненависть в семантическое единство [11]. Эмоции героев становятся полновесно описанной страстью, та перетекает в чувственность, а последняя обращается эротикой, нередко с графически описанными сценами. Фикрайтер раскачивает своего читателя на эмоциональных качелях от отчаянного сопереживания до робкой надежды на лучшее и новой волны сострадания и отчаяния. В фанфике «Скольжение»¹⁰ (автор Лилули) герой, расплатившийся в прошлом за свое предательство, пытается начать новую жизнь и справиться со страхами. Текст наполнен внутренними монологами, связанными с травмирующими воспоминаниями, терзаниями совести, новыми надеждами, сомнениями, борьбой за внутреннее достоинство. Фикрайтеры могут настолько увлечься психологической драмой героев, что сюжет теряет ценность, события используются лишь как катализаторы новых переживаний.

Чтобы заглянуть в душу героя и проверить его на прочность, авторы используют мотивы перелома судьбы, вторжения судьбоносного случая, в сюжетных развилках канона поворачивают события в противоположенную сторону и ставят героя в сложную и часто фантастическую ситуацию. В работе «Выбор

⁶https://ficbook.net/readfic/018cc4ff-27f7-7ac0-b4be-be5e75aac5ff?fragment=part_content

⁷<https://ficbook.net/readfic/10355317>

⁸<https://archiveofourown.org/works/7420657>

⁹<https://ficbook.net/readfic/844727>

¹⁰<https://ficbook.net/readfic/6856420>

¹¹https://ficbook.net/readfic/2708882?fragment=part_content

твой как яд»¹¹ влюбленный Воланд выполняет просьбу Маргариты, возвращает ей любовника, но оставляет обоих на Земле в доме Мастера. Фикрайтер проводит героев через испытания, чтобы понять, выдержит ли любовь годы нищенского существования, и кто победит в душе Маргариты: любовница непризнанного Мастера или вечная спутница Воланда – Королева Марго.

Жанровое своеобразие

Жанровая система фанфикшн сложна и разветвлена, является частью взаимосвязанных классификаторов, которые помогают читателю найти интересующий его текст. Жанры среди них выделены отдельно, хотя исследователи их часто смешивают с близкими им категориями, обозначенными в Фикбуке как направления, метки и предупреждения.

Характерная для фанфикшн тенденция к романтизации «даров» канона закономерным образом отражается на жанровых предпочтениях фикрайтеров. Романтическую волну задают три главных направления: слэш и гет с фокусом на романтические отношения, и джен, обычно погружающий читателя в приключенческие сюжеты. Перейдя от направлений к жанрам, можно видеть, что первое место с большим отрывом держит романтика (более миллиона шестисот текстов), за ней следуют: альтернативная вселенная, драма и ангст (немногим более миллиона текстов). Жанр ангста подразумевает эмоциональные и физические страдания персонажей, которые описываются на фоне любовной коллизии, конфликта с конкретными людьми, обществом или внутриличностного разлада. Большое количество таких работ привело к появлению в сленге фикрайтеров выражения «стекло», которое используется для указания на наполненные страданиями тексты. Так, например, в описании содержания фанфика с говорящим названием «Горло, полное стекла»¹² автор Scorpion пишет: *«Людей мучают демоны – рвут человечество зубами и когтями. Данте мучают кошмары»*, а ниже в примечании развивает эту мысль: *«Горло» – это моя рефлексия по семье, по одиночеству, по бессмысленному насилию, по едва живым людям и по принятию себя и близких»*.

Выбирая фанфик, читатель сначала видит жанровую принадлежность, а потом дополняющие ее метки и предупреждения. Например,

упомянутая выше работа «Платина и шоколад» относится к жанрам ангста и драмы, которые конкретизируются в дополнительных метках: любовь/ненависть, нездоровые отношения, от врагов к возлюбленным, отрицание чувств. Все они подчеркивают уровень драматизма и эмоционального накала любовных отношений, причем, судя по количеству работ с такими расширениями, они привлекают читателей.

Жанр альтернативной вселенной отправляет персонажей канона в новые миры, позволяет познавать фантастическую реальность, самих себя и измениться. В фанфике «Когда выпал снег»¹³ (автор Glenfiddich) Олег Меньшиков изображен как переводчик-полиглот, живущий в эпоху Сталина. Не имея возможности отказаться от сотрудничества с НКВД, он сталкивается с ломающей душу реальностью, пытается выжить и сохранить любовь. Перенос героев в новое пространство может иметь характер игры: в фанфике «Перепишите книгу»¹⁴ (автор Polunh) раздосадованные персонажи русской классики являются к своим создателям: Пушкину, Гоголю, Достоевскому с вопросами и претензиями. Большое количество работ в жанре альтернативной вселенной имеет метку кроссовер, он позволяет автору еще больше усилить игровое и фантастическое начало за счет столкновения персонажей различных канонов. В фанфике «Проданная жизнь»¹⁵ (автор WhitExit) оказываются переплетены герои трех источников: К. Джеймс «Тим Талер или Проданный смех», Импровизаторы (Импровизация), Л. Н. Толстой «Хаджи-Мурат». В фанфике «Агент»¹⁶ (автор Aquamarine_S) Северус Снейп из-за неудач с магическим зельем попадает в руки Шерлока Холмса и тот не желает его выпускать, не разобравшись, кто перед ним, а магические приемы Снейпу не слишком помогают.

На пятом месте по количеству маркированных произведений находится жанр «повседневность». Но при переходе на массив текстов с этой меткой мы встречаем повествования, раскрашенные субъектностью автора или героя. Фрагменты реальности, сценки из быта представлены в предельно обобщенном виде, служат поводом для раскрытия внутреннего мира героев или приправой к их романтическому взаимодействию. Так, в фанфике «Фисташковое мороженное»¹⁷

¹²<https://ficbook.net/readfic/1282212>

¹³<https://ficbook.net/readfic/6180002>

¹⁴<https://ficbook.net/readfic/9267382>

¹⁵<https://ficbook.net/readfic/12666202?source=premium&premiumVisit=1>

¹⁶<https://ficbook.net/readfic/10419413>

¹⁷<https://ficbook.net/readfic/12451403>

(автор KseniaOwl) вынесенный в заглавие предмет не оказывает влияния на ход повествования, где влюбленные герои на фоне моря выбирают имена своим детям. В фанфике «Трудности работы в гарнизоне»¹⁸ (автор Зайка-побегайка) герой, занимаясь рутинным разбором жалоб, формирует папочку для особых дел, демонстрируя таким образом свою поэтическую натуру, когда ему бы «не о военной карьере думать надо», а «неплохо писать притчи... или басни». Детали повседневного быта превращаются в фоновую проекцию романтически настроенного созерцателя-автора или самого героя.

С романтическими дарами в новейшую литературу

Процесс вхождения фанфикшн в зону массовой литературы имеет долгую историю. Ее иллюстрируют признанные неавторские продолжения (постканоны) популярных произведений: «Скарлетт» А. Рипли, «Пикник на обочине. Счастье для всех» Д. Силлов или серии Сталкера от разных авторов и др. Отдельный сегмент занимают переосмысления (внеканон или альтернативная вселенная): «Гарри Поттер и методы рационального мышления» Э. Юдковский, «Пятьдесят оттенков серого» Э. Л. Джеймс, серия о Тане Гроттер Д. Емец и др. Уникальную трансформацию в творчестве А. Волкова пережила книга «Удивительный волшебник из страны Оз», сначала автор перевел, потом существенно переработал исходный текст, а позже в качестве продолжения написал ряд собственных оригинальных произведений. Вышедшие из фанфикшн авторы: Брэндон Сандерсон, Наоми Новик, Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан, Сильвейн Рейнарда и др. сегодня публикуют оригинальные, экранизируемые серии и романы.

Современный фанфикшн вносит в массовую литературу напряженную контрастность повествования, предельную чувственность, конфликтность, мотивы преодоления себя в невероятных, чаще всего фантастических обстоятельствах. Показательна цитата Сильвейна Рейнарда, американского писателя, начинавшего как фикрайтер: *«Мне импонирует то, как литература способна помочь нам исследовать различные аспекты человеческого бытия, а в особенности – страдание, секс, любовь, веру и искупление. Мои любимые истории те, в которых герои отправляются в путешествие – будь то физическое путешествие в новые захватывающие места, либо духовное – в поисках*

*самих себя»*¹⁹. Такую поэтику можно с осторожностью наблюдать, например, в «Тексте» Д. Глуховского или в «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной. И тот и другой автор держит читателя на мощных эмоциональных качелях, отправляет героя в альтернативную реальность (в одном случае это «текст», в другом – новый советский мир) и во внутренний мир, а в конце приводит к своеобразному перерождению, которое обладает (что важно в контексте фанфикшн) высокой степенью фантастичности. Горюнов, став виртуальной личностью, жертвует собой ради виртуальной любви. Зулейха из униженного, примитивного и необразованного создания перерождается во внутренне свободного человека. Такой взгляд на развитие личности, кажется, ближе психолого-фантастическому романтизму фанфикшн нежели традициям описания внутреннего мира человека в классике русского реализма. Показательно, что оба романа прекрасно вписываются в популярную в фанфикшн жанровую маркировку: драма, англ. романтика, альтернативная вселенная с часто встречаемыми метками: любовь/ненависть, нездоровые отношения, становления героя.

Вывод

В процессе создания фанфика автор либо обращается к классическим формам стилизации, либо трансформирует канон и даже полностью противопоставляет собственный идеал исходному тексту и существующим интерпретациям, так фанфикшн движется в сторону написания ориджиналов, а от них в профессиональную (монетизируемую) литературу.

На массиве текстов феномен характеризуется своеобразным психолого-фантастическим романтизмом: яркий герой в сложных и даже переломных обстоятельствах, в новой и часто фантастической реальности, находится в конфликте с окружением и во внутреннем конфликте, погружен в мир чувств и страстей, для которых реальность либо объект противостояния, либо отражение его самого. Отношение фикрайтеров к канону и романтическая поэтика проецируются на жанровые предпочтения: романтика, англ. драма, альтернативная вселенная. Этот жанровый вектор и наиболее популярные поджанровые метки сохраняются и при выходе текстов из-под крыши фандомов в ориджиналы и в профессиональное творчество.

Современный литературный процесс предполагает взаимопроникновение видов искусств, средств коммуникации, жанров, об-

¹⁸<https://ficbook.net/readfic/11442033>

¹⁹<https://litmir.club/a/?id=64882>

разов и сюжетов. В нем ремейк – форма существования объектов массовой культуры, а канон – творческое пространство художника. В этом контексте фанфикшн становится органичной частью того, что М. А. Черняк определяет, как новейшую литературу: «своего рода мультилитературу», «конгломерат равноправных, хотя и разноориентированных

по своему характеру, а также разнокачественных по уровню исполнения литератур» [12: 340]. Фикрайтеры-романтики, погружаясь в каноны трансмедийного сторителлинга, находят среди водорослей раковины, чтобы извлечь жемчужины, сотворить из них оригинальное ожерелье и вручить в дар современному читателю и писателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радченко Д. А. Сетевой фольклор как способ осмысления актуальной реальности // *Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности* : сб. науч. ст. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. С. 63–86.
2. Неклюдов С. Ю. От составителя сборника «Наивная литература: исследования и тексты» // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–14.
3. Jenkins H. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. N. Y. : Routledge, 1992. 342 p.
4. Нижник А. В., Хазанова М. И. Фанфикшн как комплексное медиа явление // *Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий*. Гродно : ГГУ, 2020. С. 257–269.
5. Попова С. Н. Фанфикшн – феномен современности. М. : РУДН, 2015. 147 с.
6. Максименко П. И. Русскоязычная электронная база фанфикшн-текстов: принципы создания и анализ метаданных // *Информационные технологии в гуманитарных исследованиях* : материалы международной науч.-практ. конф. Красноярск, 25–28 сент. 2023 г. / отв. ред. М. А. Лаптева. Красноярск : СФУ, 2023. С. 151–159.
7. Буссе К. Канон, контекст и консенсус: новый подход к пониманию фанфикшена // *Балтийский филологический курьер*. 2007. № 6. С. 345–360.
8. Таразевич Е. Ремейк в современной русской драматургии // *Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания* : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Пермь : ПГПУ, 2005. Ч. 1. С. 318–321.
9. Горалик Л. Как размножаются Малфои: жанр «фанфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом // *Новый мир*. 2003. № 12. С. 131–146. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/goralik.html (дата обращения: 14.02.24).
10. Самутина Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12, № 3. С. 137–191.
11. Демичева Ю. В. Семантическое единство «любовь-равнодушие-ненависть» в фанфикшн (на материале русского и английского языков) речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2024. 27 с.
12. Черняк М. А. Новейшая литература и вызовы массовой культуры: к вопросу о синтезе «высоких» и «низких» жанров // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствознание*. 2014. № 2 (3). С. 340–346.

REFERENCES

1. Radchenko D. A. Network folklore as a way of comprehending actual reality. In: *Folk-art-net: novye gorizonty tvorchestva. Ot traditsii – k virtual'nosti* : sb. nauch. st. [Folk-art-net: New horizons of creativity. From tradition to virtuality: Coll. of sci. arts]. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2007, pp. 63–86 (in Russian).
2. Necliudov S. Yu. From the compiler of the collection “Naive Literature: Research and Texts”. In: “*Naivnaya literatura*”: issledovaniya i teksty. Sost. S. Yu. Neklyudov [Neklyudov S. Yu., comp. Naive Literature: Research and Texts]. Moscow, Moscow Public Science Foundation, 2001, pp. 4–14 (in Russian).
3. Jenkins H. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. New York, Routledge, 1992. 342 p.
4. Nizhnik A. V., Khazanova M. I. Fanfiction as a complex media phenomenon. In: *Kul't-tovary. Massovaya kul'tura v sovremennoi Rossii: konstruirovaniye mirov, umnozheniye serii* [Cult goods. Mass culture in modern Russia: Construction of worlds multiplication of series]. Grodno, Grodno State University Publ., 2020, pp. 257–269 (in Russian).
5. Popova S. N. *Fanfikshn – fenomen sovremennosti* [Fanfiction is a modern phenomenon]. Moscow, RUDN University Publ., 2015. 147 c. (in Russian).
6. Maksimenko P. I. Russian-language electronic database of fan fiction texts: Principles of creation and analysis of metadata. In: *Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh : materialy mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. Krasnoyarsk, 25–28 sent. 2023 g. Otv. red. M. A. Lapteva* [Lapteva M. A., ed. Information Technologies in Humanities Research: Proc. of the Intern. sci.-pract. conf. Krasnoyarsk, September 25–28, 2023]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2023, pp. 151–159 (in Russian).
7. Busse K. Canon, context and consensus: A new approach to understanding fan fiction. *Baltic Philological Courier*, 2007, no. 6, pp. 345–360 (in Russian).
8. Tarazevich E. Remake in modern Russian drama. In: *Sovremennaya russkaya literatura: problemy izucheniya i prepodavaniya: sb. st. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Russian literature: Problems of studying and teaching: Coll. of arts on the materials of the intern. sci.-pract. conf.]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2005, part 1, pp. 318–321 (in Russian).
9. Goralik L. How Malfoys breed. Fanfiction: Consumer of mass culture in dialogue with media content. *New World*, 2003, no. 12, pp. 131–146. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/12/kak-razmnozhayutsya-malfoi.html (accessed February 14, 2024) (in Russian).

10. Samutina N. V. Great readers: Fanfiction as a form of literary experience. *Sociological Review*, 2013, vol. 3, no. 13, pp. 137–194 (in Russian).

11. Demicheva Yu. V. *Semantic Unity “Love-indifference-hate” in Fanfiction (based on the Russian and English Languages) Speech*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2024. 27 p.

12. Chernyak M. A. Latest literature and challenges of mass culture: On the synthesis of “high” and “low” genres. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology. Art Studies*, 2014, no. 2 (3), pp. 340–346 (in Russian).

Поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.04.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.04.2024; published 28.02.2025

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 95–103

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 95–103

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-95-103>, EDN: XQBTBY

Научная статья

УДК [004.738.5:378.064.2]:811.161.1'27'38

Речевые жанры электронной коммуникации между преподавателем и студентом

Н. А. Пром^{1✉}, О. А. Евтушенко², О. А. Шестакова²

¹Волгоградский государственный медицинский университет, 400066, Россия, г. Волгоград, площадь Павших Борцов, д. 1

²Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 28

Пром Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки», natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Евтушенко Оксана Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки», ksenja22@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

Шестакова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», plyasun.ya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1953-4999>

Аннотация. В статье представлен анализ жанрового репертуара электронной коммуникации между преподавателем и студентом как одной из новых сфер интернет-коммуникации, которая прежде не была предметом жанрового анализа. Рассмотрена и обоснована классификация выявленных речевых жанров. Актуальность темы обусловлена тем, что данная деловая форма общения становится предпочтительной в современном педагогическом дискурсе вследствие многочисленных социальных и технологических процессов. Материалом исследования послужили тексты письменной электронной асинхронной коммуникации между преподавателями и студентами в компьютерно-опосредованной среде. Применяя методы наблюдения и сравнения различных жанров, формирующихся в процессе электронной коммуникации, авторы рассматривают речевые жанры, релевантные для современного электронного общения между преподавателем и студентом. Классификация включает информативные, этикетные, императивные, оценочные группы жанров. Информативные и этикетные жанры в количественном отношении значительно преобладают над императивными и оценочными. Установлено, что группа информативных жанров является самой большой в нашем эмпирическом материале, что обусловлено целями и задачами данного вида коммуникации – предоставление и запрос информации. Многочисленность группы этикетных речевых жанров свидетельствует о том, что нормы этикета институционального общения сохраняются ввиду их значимости. Императивные и оценочные входят в речевой репертуар преподавателя, что обусловлено институциональной природой рассматриваемой формы взаимодействия. Выделенные речевые жанры обладают рядом характеристик: вторичность, письменность и официальность, а также им свойственны признаки устной неофициальной речи первичных жанров, что позволяет утверждать, что электронная коммуникация между преподавателем и студентом проходит этап формирования и развития.

Ключевые слова: речевой жанр, электронная коммуникация, статусно-ролевое общение, информативные, этические, императивные, оценочные речевые жанры

Для цитирования: Пром Н. А., Евтушенко О. А., Шестакова О. А. Речевые жанры электронной коммуникации между преподавателем и студентом // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 95–103. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-95-103>, EDN: XQBTBY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech genres of electronic communication between lecturer and student

N. A. Prom^{1✉}, O. A. Evtushenko², O. A. Shestakova²

© Пром Н. А., Евтушенко О. А., Шестакова О. А., 2025

¹Volgograd State Medical University, 1 Pavshikh Bortsov Sq., Volgograd 400066, Russia

²Volgograd State Technical University, 28 Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russia

Natalya A. Prom, natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Oksana A. Evtushenko, ksenja22@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

Olga A. Shestakova, plyasun.ya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1953-4999>

Abstract. The article presents analysis of the genre repertoire of electronic communication between a lecturer and a student, as one of the new areas of Internet communication, which has not been the subject of linguistic and genre analysis. The article offers and substantiates a classification of identified speech genres. The relevance of the topic is determined by the fact that this business form of communication is becoming preferable in modern pedagogical discourse due to numerous social and technological processes. The research material consists of written electronic asynchronous communication texts between lecturers and students in a computer-mediated environment. Using the methods of observation and comparison of various genres formed in the process of electronic communication, we have created the author's speech genres classification relevant for modern electronic communication between a lecturer and a student. This classification includes informative, etiquette, imperative and evaluative groups of genres. In a quantitative sense, informative and etiquette genres significantly predominate over imperative and evaluative ones. The group of informative genres has been found to be the largest in our empirical material, which is due to the goals and objectives of this type of communication – providing and requesting information. The large number of etiquette speech genres indicates that the etiquette norms of institutional communication are followed due to their significance. Imperative and evaluative genres are included in the lectures' speech repertoire, which is caused by the institutional nature of the considered form of interaction. The identified speech genres have a number of characteristics: secondary, written and formal and they possess signs of oral informal speech of primary genres, which allows us to assert that electronic communication between a lecturer and a student is going through a stage of formation and development.

Keywords: speech genre, electronic communication, status-role communication, informative, ethical, imperative and evaluative speech genres

For citation: Prom N. A., Evtushenko O. A., Shestakova O. A. Speech genres of electronic communication between lecturer and student. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 95–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-95-103>, EDN: XQBTBY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Общение между преподавателем и студентом изучается с позиций социо- и психолингвистики и определяется как деловой тип социального взаимодействия. Формы общения, к которым относятся жанры речи, отражают социальный статус коммуникантов – позицию преподавателя и студента в обществе, которая предполагает как права, так и обязанности [1: 147].

Интеграция онлайн-коммуникации в пространство высшего образования наблюдается давно. В последние несколько лет ей способствовали пандемийные условия COVID-19 и продвижение онлайн-обучения на международных платформах. За этим последовала цифровизация института высшего образования, а именно, конвенциональных коммуникативных практик студентов и преподавателей в российских вузах [2: 133]. Студенту проще обратиться к преподавателю онлайн, так как электронная коммуникация отличается от традиционного общения, даже в первом приближении, скоростью, доступностью, отсутствием физических, пространственных и психологиче-

ских барьеров. Это обеспечивает комфортное взаимодействие, когда студент старается избежать неловкости либо давления со стороны преподавателя. Поэтому электронная коммуникация (e-communication, computer-mediated communication), под которой мы понимаем форму общения, опосредованную мобильным телефоном, компьютером и другими электронными средствами связи [3, 4], в образовательной среде становится распространенным и предпочитаемым видом общения как для студентов, так и для преподавателей. Мы полностью разделяем мнение о том, что происходит перемещение устных и письменных форм из традиционного в интернет-пространство [5, 6] и считаем, что данная сфера находится в процессе развития и исследования.

В представленной работе рассматривается проблема спектра речевых жанров, которым располагает компьютерно-опосредованная коммуникация в институциональном общении, где участниками выступают преподаватель и студент как обладатели определённого социального статуса. Гипотезой нашего исследования является положение

о том, что электронная коммуникация между преподавателем и студентом сохраняет признаки живого делового общения, а именно, приверженность к статусно-ролевому общению, однако условия электронной коммуникации обуславливают специфику ее речевых жанров. Цель статьи заключается в выделении основных речевых жанров, имеющих место в онлайн-коммуникации между студентом и преподавателем вуза.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили тексты письменной электронной асинхронной коммуникации между преподавателями и студентами, имевшей место в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС) университета, чатах мессенджеров, СМС-переписке за период с 2020 по 2023 год. Объем материала составил 486 сообщений (16172 слова).

Критерий интенции адресанта позволил выделить фразы-жанры речи, которые в размерном отношении представляют собой одно или несколько предложений. Выделены 1452 речевые единицы, подвергшиеся дальнейшему анализу и классификации.

В содержании каждой речевой единицы мы выделяли две основных составляющих: иллокутивную функцию и пропозицию. Так, в примере *Согласно приказу ректора, занятие 3.05 не переносится, а отрабатывается в виде самостоятельной работы, представленной на еос.2* [Во всех примерах орфография и пунктуация сохранены. – Прим.] содержание высказывания складывается из собственно пропозиции и ее иллокутивной функции «предъявление информации».

Анализируемый материал может быть рассмотрен с точки зрения теории речевых актов (Дж. Остин) и теории речевых жанров (М. М. Бахтин). Оставим за скобками дискуссии о разграничении и похожести данных подходов и отметим, что первая теория обеспечила нам методологию исследования, а вторая предоставила базовую дефиницию, выбор характеристик и классификацию речевых жанров. В представленной работе в качестве основного термина принят «речевой жанр», который, хотя и значительно схож в анализируемом материале с речевым актом как вербальное оформление определенного социального действия, представляется более удобным для нашего исследования и тщательного разработанным в российской лингвистике.

Основная часть

1. Лингвистическая основа исследования

В силу сложности феномена речевого жанра и разнообразия его проявлений, лингвисты несколько десятилетий сталкиваются с проблемой неоднозначности его определения. Поскольку мы не располагаем амбициями изучать все существующие речевые жанры, а лишь жанры в рамках электронной коммуникации между преподавателем и студентами, наш поиск в значительной мере сужается. Дефиниция, предложенная К. Ф. Седовым, определяет речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей [7: 8] и представляется оптимально применимой к нашему эмпирическому материалу.

Классификация речевых жанров по критерию «коммуникативная цель», предложенная Т. В. Шмелевой, располагает четырьмя типами речевых жанров: информативные (цель – оперирование информацией: предъявление, запрос и пр.); императивные (цель – вызывать событие); этикетные (цель – демонстрация этикетного поступка, соответствующего данному социуму); оценочные (цель – «изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей») [8: 91–92].

Важно учитывать, что речевые жанры зависят от сферы речевой коммуникации [9]. Обзор работ в этой области показал, что классификация Т. В. Шмелевой принята за основу во многих исследованиях жанров педагогического дискурса и электронной коммуникации [10–12 и др.]. Исследователи С. В. Волынкина и Е. Н. Кузина установили круг первичных речевых жанров педагогического дискурса и распределили их по теперь уже конвенциональным жанровым типам следующим образом: информативные речевые жанры, содержащие подтипы репродуктивной и прогнозируемой информации, а также жанры, обеспечивающие обмен информацией; императивные, такие как просьба, напутствие, требование и др.; оценочные (похвала, порицание), регулирующие эффективность образовательного процесса; этикетные (благодарность, пожелание, поздравление и т. д.) [10: 145–146].

В жанровом репертуаре компьютерно-ориентированной коммуникации Л. Ю. Щипицина видит шесть видов жанров: информативные (веб-страницы организаций, письма-рассылки); директивные (доска объявлений); фатические (электронное письмо, чат); презентационные (личные веб-страницы); эстетические (сетевой рассказ); развлекательные [11: 174–175].

Как видим, данная классификация включает только вторичные жанры.

Представляется, что для нашего исследования также подходит модель речевых жанров Т. В. Шмелевой, но не потому, что эта модель (созданная больше 30 лет назад) хорошо применима для электронной коммуникации в целом, а в силу специфики электронной коммуникации между преподавателем и студентом, которая стоит в пространстве электронной коммуникации особняком, находясь под влиянием делового дискурса и сохраняя традиционные формы общения.

2. Общие характеристики жанров электронной коммуникации

Учитывая условия заданной в работе коммуникации, мы видим значительную амбивалентность при выделении ее характеристик. Как известно, в основе разделения речевого поведения лежат следующие параметры: письменное/устное, официальное/неофициальное. Кроме того, М. М. Бахтин предлагал делить жанры речи на первичные и вторичные [13: 162]. Наблюдение над материалом выявило все из перечисленных признаков. С одной стороны, электронная коммуникация формально является письменной речью и иногда напоминает письмо, включающее приветствие, обращение, суть вопроса, прощание и подпись: *Наталья Александровна, здравствуйте. Я прикрепил дополненную контрольную работу с титульным листом и текстом из источника на языке оригинала. С уважением, Евгений.* С другой стороны, она часто бывает неподготовленной, текст написан спешно, не был прочитан перед отправкой и демонстрирует признаки устной речи: речевые ошибки, сокращения предложений, отсутствие обращения и подписи и пр., например, *Добрый день, а Вы завтра будете в университете? Просто нам сказали, что вы заболели.*

По этой же причине не всегда возможно определить однозначно, являются ли рассматриваемые речевые жанры первичными или вторичными. Первичные жанры конвенционально относят к бытовому слою повседневной коммуникации, в то время как вторичные жанры присутствуют большей частью в официальной коммуникации, в условиях более сложного и организованного культурного общения, преимущественно письменного [14: 297]. По всей вероятности, можно говорить об обусловленности данного признака уровнем культуры участников коммуникации, в нашем материале, студентов.

Представляется затруднительным однозначно определить электронную коммуникацию как официальное или неофициальное

общение, поскольку институциональный дискурс, каковым, несомненно, является педагогический, предполагает статусно-ролевое общение, предполагает официальные отношения между преподавателем и студентом. В то же время рассматриваемый материал нередко напоминает неофициальную частную переписку, например, *Сброси контрольную. Группа № 151.* Этому есть объяснение. Одной из основных особенностей коммуникации в широком и разнородном интернет-пространстве исследователи выделяют такую характеристику, как статусное равноправие участников, которое состоит в том, что в виртуальной среде условности и ограничения перестают действовать [15: 299]. Этот демократичный стиль общения, к которому привыкли студенты, иногда переносится на коммуникацию с преподавателем, что приводит к чувству незащищенности преподавателя, коллоквиализации и экспрессивизации, преобладанию горизонтальных коммуникаций, и, как результат, отсутствию институциональной дистанции, размыванию границ [1, 16].

Наблюдения над материалом позволяют сделать вывод о том, что рассматриваемые речевые жанры располагают большей частью такими характеристиками, как вторичность, письменность и официальность, однако не лишены признаков устной неофициальной речи первичных жанров.

3. Классификация речевых жанров электронной коммуникации

Приняв за основу концепцию речевых жанров Т. В. Шмелевой, мы предлагаем следующую классификацию жанров речи по критерию «коммуникативная цель». Результаты анализа нашей эмпирической базы представлены в таблице.

Количественный подсчет показал, что самым многочисленным типом речевых жанров в нашем материале стал информативный с показателем 628 единиц или 43,3% всего материала. Следующим по распространенности идет тип этических жанров в количестве 625 единиц или 43% материала. На третьем месте находятся императивные жанры речи (188 единиц – 13%). Немногочисленными являются оценочные речевые жанры (11 единиц – 0,7%). Отметим, что основные выделенные типы речевых жанров представляется целесообразным разбить на подтипы.

Информативные речевые жанры представляют самую крупную группу среди выделенных нами жанров коммуникации между преподавателем и студентами и составляют 628 единиц. Коммуникативная цель данных жанров – оперирование информацией: за-

Классификация жанров речи электронной коммуникации между преподавателем и студентами
 Classification of speech genres of electronic communication between lecturer and students

Информативные	
Объективные	Субъективные
Запрос, предъявление	Самооправдание, согласие, обещание, разрешение/отказ, предупреждение, напоминание, уступка, предположение
Этические	
Социальная поддержка	Фатические
Благодарность, пожелание, утешение, поздравление, сожаление, комплимент	Приветствие, прощание, самопредставление, извинение, надежда
Императивные	
Облигаторные	Факультативные
Требование, предложение, инструктаж	Просьба, рекомендация, благодарность авансом, приглашение
Оценочные	
Положительные	Отрицательные
Похвала	Порицание

прос, предъявление информации адресату и пр. Информативные жанры, в свою очередь, мы предлагаем разбивать на два подтипа – объективные и субъективные, что объясняется свойствами присутствующей информации считаться экзистенциальной в данном дискурсе (объективным) и ее свойством зависеть от субъектов коммуникации (субъективной). Например, студент имеет право знать и запрашивать ту или иную информацию о содержании и организации учебного процесса. Преподавателю следует ответить на запрос, что во время пандемии на онлайн обучении было рекомендовано для выполнения в рабочее время. Коммуникативные цели самооправдания, обещания, предупреждения и пр. не являются облигаторными в таком общении, несмотря на непривычные условия учебного процесса, а потому считаются «субъект»-обусловленными.

Эмпирический материал показал, что к объективным информативным речевым жанрам относятся следующие:

- запрос (226), например, *Я пишу, чтобы уточнить вопросы относительно подачи статьи, которую мы обсудили на последнем занятии, а также о расписании предстоящего экзамена;*
- предъявление (178), например, *Весь университет перешёл на очное обучение. Онлайн возможен, только если группа на карантине. Электронная коммуникация обуславливает такую характеристику сообщений, как краткость. Информация предъявляется в виде отдельных фактов – единиц информативных жанров [17: 234].*

Анализ материала позволяет утверждать, что предъявление и запрос информации составляют достаточно большой объем высказываний и относятся к самым распространенным жанрам данной группы. Из этого следует, что цель общения преподавателя и студента сводится к обмену разного рода информацией об учебном процессе, при этом в речи преподавателя преобладает предъявление информации (*Приказ уже подписан. Вы в него не попали. В эту сессию сдать экзамен Вы не сможете*), а в речи студента – запрос информации (*Наконец, хотел бы узнать, возможно ли мне пройти экзамен через Skype*).

Анализ материала позволил выделить следующие субъективные информативные речевые жанры: самооправдание (112), согласие (24), обещание (23), разрешение/отказ (19), предупреждение (16), напоминание (15), уступка (8), предположение (4). Отметим, что жанр «самооправдание», функционирующий в речи студентов, самый частый в данной группе. Он является ключевым ввиду подчинительного положения студента в этом дискурсе. Коммуникативная цель данного жанра – сообщение собеседнику (преподавателю) о причинах, обусловивших то или иное положение дел, например, *У меня просто в бакалавриате не было задолженностей по английскому и я как слепой котенок, боюсь упустить возможность.*

Жанр «обещание» является третьим по распространенности в данной группе и логично переплетается с жанром «самооправдание». Объясняя причины своего проступка (самооправдание), студент обещает

исправить положение дел (обещание), например, *Я вам, с момента как мы перешли на дистант, не кинул ни одного задания, в связи с тем, что работал. Теперь я стараюсь быть на связи, буду сразу же вам высылать все по требованию.* Жанр «обещание» встречается и в речи преподавателя, но эти случаи менее частотны, например, *По поводу занятия напишу в объявлениях, размещу материал для отчета.*

Представленный материал позволяет установить следующую закономерность: студенту чаще приходится соглашаться. Жанр «согласие» в сообщениях студентов в основном выражен лексемой *Хорошо*, а в речи преподавателя, занимающего вышестоящее положение, чаще функционирует отказ или разрешение на какое-либо действие, например, *Сегодня я не принимаю; Приходите, можно и с другой группой.*

Использование жанров «предупреждение» (*Если семестровую не разместите, зачёт поставить не смогу*) и «напоминание» (*напоминаю, что осталось 5 встреч в этом семестре для получения зачета*), которые в равной степени представлены в речи преподавателя, обусловлено не только его вышестоящим положением по отношению к студенту, но и его наставнической ролью и обязанностью научить, предупредить, предостеречь.

Этические речевые жанры представляют вторую по распространенности группу речевых жанров коммуникации между преподавателем и студентами, составляют 625 единиц. Коммуникативная цель этикетных жанров – оформление социальной ситуации речевыми действиями, ожидаемыми в данном обществе. Принимая во внимание такую интенцию, как участие, т. е. сочувственное отношение, мы разделяем этические жанры на жанры социальной поддержки и фатические. Первые, как следует из номинации, призваны гармонизировать мироощущение адресата коммуникации, улучшить его самочувствие, поддержать [18: 688]. Фатические жанры направлены на установление дружеской атмосферы и сотрудничества агентов дискурса.

В располагаемом эмпирическом материале представлены следующие жанры социальной поддержки: благодарность (53); пожелание (18); утешение (5); поздравление (4); сожаление (2); комплимент (1). Наиболее часто функционирующий жанр социальной поддержки «благодарность» обнаруживается в сообщениях как студентов, так и преподавателей. Часто используя объективный информативный жанр «запрос», студенты ожидают получить ответ, предоставление информации, после чего в коммуникации возникает жанр «бла-

годарность», например, *Спасибо за ответ! Спасибо, понятно. Спасибо что уделили время.* Нечасто в деловом общении студенты делают комплименты, что можно обосновать их нижестоящим статусом по отношению к преподавателю. В нашем материале такой жанр выявлен в единственном экземпляре: *От лица всей подгруппы хочу сказать, что мы очень рад, что вы остались с нами.* В силу своей роли в педагогическом дискурсе преподаватель вместо жанра «комплимент» использует жанр «похвала».

В анализируемом материале обнаружены следующие фатические жанры: приветствие (312); прощание (95); самопредставление (83); извинение (49); надежда (3). Как показывают подсчеты, жанр «приветствие» (*Здравствуйте!*) иногда сопровождается обращением (*Ольга Александровна, добрый вечер*). Коммуникативная цель данного жанра – установить общение, начать коммуникацию. Наличие обращения в приветствии показывает, что студент знает имя преподавателя, намерен произвести положительное впечатление, демонстрирует уважительное отношение и стремление наладить диалог.

В этой связи уместно вспомнить теорию «аборигенов и иммигрантов», предложенную М. Пренски [19], согласно которой, преподаватель и студент являются представителями разных типов поколений – нецифрового и цифрового [20]. Студент, относящийся к типу «абориген», имеет свои, иные представления о коммуникации и обработке информации, большую часть времени находится онлайн, оперативно отвечает и запрашивает информацию у собеседника, не всегда соблюдая этикетные рекомендации оффлайн-общения. Преподаватель – представитель типа «иммигрант» – привычно переносит традиционный этикет в онлайн-коммуникацию со студентами и иногда пребывает в недоумении от симплифицированного обращения, запроса информации, воспринимая их как фамильярности или неуважение. В этой ситуации коммуникацию можно назвать потенциально конфликтогенной.

Вместе с тем жанры «самопредставление» (*Вас беспокоит студент группы ППМ-1, А. Н.*) и «прощание» (*С уважением, Елена, САПР-1.1.*) в почти равных количествах присутствуют в сообщениях агентов рассматриваемого электронного общения. Стоит отметить, что первый из упомянутых жанров присутствует, как правило, в запросе информации со стороны студентов, второй – в ответах преподавателя на эти запросы. Жанр «надежда» встречается редко в репликах студентов, например, *тогда, может сработает; Надеюсь на понимание.*

Императивные речевые жанры находятся на третьем месте по распространенности и представлены 188 единицами, что составляет 13% от общего числа рассматриваемых единиц. По критерию противопоставления запроса адресанта на действия реципиента, считающиеся законными, обоснованными и оговоренными в этом дискурсе, и запроса на действия, желательные со стороны адресата, но необязательные в дискурсе, императивные жанры представляется целесообразным разделить на подтипы облигаторных и факультативных жанров. Первые представлены жанрами требование (72) и предложение (10), инструктаж (9). Вторые – жанрами просьбы (54), рекомендации (23), благодарности авансом (14), приглашения (6).

Жанр «требование» наиболее часто встречающийся, а также является прерогативой преподавателя, что объяснимо институциональностью рассматриваемого дискурса, например, *Нужно пройти анкетирование по ссылке. Всем отчитаться лично. Сейчас приходите в 432 а. Все, кто есть.* Жанр «предложение» находится в арсенале студентов, которые предлагают варианты выхода из сложившихся обстоятельств, например, после того, как студенты «по недопониманию» пропустили занятие, староста группы предлагает проработать материал самостоятельно и прислать работы на проверку преподавателю: *Может вы как-то в электронном формате пришлете нам задания, а к следующей паре мы его принесем?*

Жанр «инструктаж» представляет собой перечисление необходимых для выполнения адресатом действий. Именно преподаватель в силу своей статусной роли использует инструктаж, коммуникативная цель которого – дать алгоритм, инструкцию по выполнению какого-либо задания. Этот жанр встречается нечасто, например, *Ваша первоочередная задача получить пароли для работы в eos, посмотреть видео на платформе о том, как работать, и приступать как можно скорее к учебе.*

Высокая частотность императивного речевого жанра «просьба» в речи студентов объясняется иерархией агентов педагогического дискурса, например, *Пожалуйста, объясните мне больше.* Однако просьбы также встречаются в речи преподавателя: *Передайте остальным, пожалуйста. Хотелось бы, чтобы группа пришла в возможно максимальном составе, что в сравнении с жанром «требование» мягче воздействует на адресата и способствует кооперации.* Жанры «рекомендация» и «приглашение» так же можно найти в речи преподавателя (*выбирайте даты,*

когда мало людей; если сможете, присоединяйтесь).

Жанр «благодарность авансом» характерен для речи студентов и часто сопровождает жанр «просьба», например, *Прошу выслать задание по немецкому языку. Контрольная № 4. Заранее спасибо.* В отличие от этического жанра «социальной поддержка» «благодарность», коммуникативная цель которого – выразить признательность за выполненное действие, цель жанра «благодарность авансом» является манипулятивной и состоит в том, чтобы наложить обязательство на адресата выполнить требуемое адресантом действие.

Оценочные речевые жанры представлены одиннадцатью речевыми примерами в нашем материале. Несмотря на немногочисленность группы, мы считаем целесообразным разделить ее на жанры с положительным (2 единицы) и отрицательным (9 единиц) векторами оценки.

Положительную оценку выражает жанр похвалы, например, *Илья, молодец, перевод выполнен на отлично, есть некоторые погрешности, но они не влияют на общую картину.* Негативную оценку содержит речевой жанр «порицание», например, в ответ на предупреждение аспиранта об отсутствии на предстоящем экзамене кандидатского минимума преподаватель дает оценку ситуации: *Ох, Алексей, очень плохо.*

Выводы

Формат делового взаимодействия «преподаватель – студент» подвергается трансформации, общение часто проходит в компьютерно-опосредованной среде. Электронная коммуникация между преподавателем и студентом стала объектом данного исследования, предметом – ее жанровый спектр. Наблюдения над материалом позволили сделать вывод о том, что рассматриваемые речевые жанры располагают такими характеристиками, как вторичность, письменность и официальность, однако не лишены признаков устной неофициальной речи первичных (устных неофициальных) жанров. Это свидетельствует о том, что электронная коммуникация между преподавателем и студентом находится на этапе формирования. Студенты не всегда обладают достаточным коммуникативным опытом и жанровой компетентностью в статусно-ролевом общении с преподавателем, поэтому им не всегда удается ориентироваться в условиях виртуально-официального общения.

Предложенная в статье классификация речевых жанров электронной коммуникации между преподавателем и студентами включа-

ет информативные, этикетные, императивные, оценочные группы жанров, перечисленные в порядке убывания их количественной характеристики в изученном материале. Информативные жанры речи – самая многочисленная группа в материале, что соответствует институциональной природе данного общения и задаче, которую выполняет онлайн-коммуникация, – устранить затруднения, вызванные периодом нестандартного формата обучения, когда студенты испытывали информационный голод. Этикетные жанры речи количественно незначительно уступают первой группе жанров. Это говорит о том, что нормы этикета пока нельзя считать потерянными для электронного общения. Императивные и оценочные группы жанров относятся в большей степени к репертуару жанров речи преподавателя.

Таким образом, исследование выявило характеристики электронной коммуникации между преподавателем и студентами на текущий момент времени, отмечает нестабильность этих характеристик, свойственных как письменному деловому, так и бытовому общению, и позволяет говорить о том, что это общение находится в процессе развития и может изменить свой жанровый спектр в ближайшей перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юздова Л. П. Речевое социальное взаимодействие преподавателя и студента // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 145–148.
2. Черкасова В. Ю. Онлайн-коммуникация преподавателей и студентов в системе высшего образования: проблемы и перспективы // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 132–143. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_16
3. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24, № 1, ч. 1. С. 105–124.
4. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М. Г. Лебедево, З. Г. Прошиной. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2013. 632 с.
5. Щипицина Л. Ю. Жанры учебного онлайн-дискурса: от учебного сайта до синхронного онлайн-урока // Жанры речи. 2023. Т. 18, вып. 2 (38). С. 175–185. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-175-185>
6. Евтушенко О. А., Первухина С. В. Электронный модус современного административного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2020. Т. 19, № 5. С. 99–109. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.9>
7. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–39.
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
9. Дементьев В. В. О типологии речевых жанров в связи со сферами речевой коммуникации и без такой связи // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 630–644. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(3\).630-644](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(3).630-644)
10. Волюнкина С. В., Кузина Е. Н. Репертуар жанров научно-педагогического дискурса // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2016. № 2 (36). С. 144–147.
11. Щипицина Л. Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 171–178.

12. Кыркунова Л. Г., Карзенкова Е. П. Речевые жанры педагогического общения // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 15–26.

13. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Проблема речевых жанров. Проблема текста : сб. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.

14. Комлева Е. В. Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 296–301.

15. Холод А. Л. Понятие интернет-коммуникации // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 11 : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. И. Головня. Минск : ИВЦ Минфина, 2017. С. 298–302.

16. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / под ред. Т. Н. Колокольцевой, О. В. Лутовиновой. М. : Флинта, 2018. 328 с.

17. Пром Н. А. Медиафакт как единица жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 229–237. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-229-237>

18. Янкина Е. В. Феномен «Социальная поддержка» в коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 688–691.

19. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).

20. Агаюлова С. И., Галичкина Е. Н., Горошко Е. И., Ильясова С. В., Каллистратидис Е. В., Карабань Н. А., Карасик В. И., Качанова А. А., Колокольцева Т. Н., Кочетова Л. А., Красавский Н. А., Кудрявцева А. А., Лутовинова О. В., Митягина В. А., Рязков М. С., Черкасова И. С., Шарифуллин Б. Я., Шестаков Л. А., Штукарева Е. Б. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : кол. монография. М. : ФЛИНТА, 2012. 328 с.

REFERENCES

1. Yuzdova L. P. Verbal social lecturer-student interaction. *Socio, Psycholinguistic Research*, 2018, no. 6, pp. 145–148 (in Russian).
2. Cherkasova V. Yu. Online communication of teachers and students in the higher education system: Problems and prospects. *Pedagogical Education in Russia*, 2021, no. 2, pp. 132–143 (in Russian). https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_16

3. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual Genre studies: Established and controversial. *Scientific notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Ser. Philology. Social Communications*, 2011, vol. 24, no. 1, part 1, pp. 105–124 (in Russian).
4. *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii. Pod red. M. G. Lebedko, Z. G. Proshinai* [Lebedko M. G., Proshina Z. G., eds. Terminological dictionary of intercultural communication]. Moscow, FLINTA, Nauka, 2013. 632 p. (in Russian).
5. Shchipitsina L. Yu. Genres of online learning discourse: From learning website to e-lesson. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 175–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-175-185>
6. Evtushenko O. A., Pervukhina S. V. Electronic mode of the modern administrative discourse. *Science Journal of Volgograd State University Linguistics*, 2020, vol. 19, no. 5, pp. 99–109 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.9>
7. Sedov K. F. A person in the genre space of everyday communication. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–39 (in Russian).
8. Shmeleva T. V. Model of the speech genre. *Zhany rech: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1. pp. 81–90 (in Russian).
9. Dementyev V. V. About the typology of speech genres in connection with the schemes of speech communication and without such a connection. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 630–644 (in Russian). [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(3\).630-644](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(3).630-644)
10. Volynkina S. V., Kuzina E. N. The repertoire of genres of scientific-pedagogical discourse. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2016, no. 2 (36), pp. 144–147 (in Russian).
11. Shchipitsina L. Yu. Functional classification of computer-mediated genres. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 114, pp. 171–178 (in Russian).
12. Kyrkunova L. G., Karzenkova E. P. Speech genres of pedagogical communication. *Eurasian Humanities Journal*, 2021, no.1, pp. 15–26 (in Russian).
13. Bahtin M. M. The problem of speech genres. *Problema rechevykh zhanrov. Problema teksta: sb. soch: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Text problem: Coll. of essays: in 5 vols. Vol. 5. Works 1940 – wearily 160]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).
14. Komleva E. V. The relationship between the concepts of “speech genre” and “speech act” (based on German appellative texts). *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 5, pp. 296–301 (in Russian).
15. Kholod A. L. The concept of Internet communication. *Karpovskie nauchnye chteniya: sb. nauch. st. Vyp. 11: v 2 ch. Ch. 1. Pod red. A. I. Golovnya* [Karpov Scientific Readings: Coll. of sci. arts. Iss. 11: in 2 parts. Golovnya A. I., ed. Part 1]. Minsk, IVTs Minfina, 2017, pp. 298–302 (in Russian).
16. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya. Pod red. T. N. Kolokoltsevoi, O. V. Lutovinovoi* [Kolokoltseva T. N., Lutovinova O. V., eds. Internet communication as a new speech formation]. Moscow, Flinta, 2018. 328 p. (in Russian).
17. Prom N. A. Mediafact as a genre entity. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 229–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-229-237>
18. Yankina E. V. The phenomenon of “Social support” in communication. *The Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 688–691 (in Russian).
19. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, 2001, vol. 9, no. 5. Available at: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed January 04, 2024).
20. Agagyulova S. I., Galichkina E. N., Goroshko E. I., Il'yasova S. V., Kallistratidis E. V., Karaban' N. A., Karasik V. I., Kachanova A. A., Kolokol'tseva T. N., Kochetova L. A., Krasavskii N. A., Kudryavtseva A. A., Lutovinova O. V., Mityagina V. A., Ryazhkov M. S., Cherkasova I. S., Sharifullin B. Ya., Shestak L. A., Shtukareva E. B. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: kol. monografiya* [Internet communication as a new speech formation: Coll. monograph]. Moscow, Flinta, 2012. 328 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 04.03.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 04.03.2024; published 28.02.2025

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 21.02.2025. Подписано в свет 28.02.2025. Выход в свет 28.02.2025
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 12.13 (13.0). Тираж 100. Заказ 16-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.